П.И. Карпов

"Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники"

Л., Государственное издательство, 1926

ВВЕДЕНИЕ

Часто душевнобольные, находясь на излечении в лечебницах, проявляют себя странным образом, например: рисуют на стенах, лепят из хлеба фигурки, пишут и т. д.; но эти занятия не старались ввести в нормальное русло. В прежнее время эти работы душевнобольных мало обращали на себя внимания, и почти никто не интересовался этими „забавами", скорее ставилось препятствие такому времяпрепровождению, так как предполагалось, что больной утомляет себя работою и тем может повредить своему здоровью или удлинить срок продолжительности болезненного процесса.

Постепенно взгляд на вышеприведенное явление изменялся; врачи стали смотреть на данное явление как на творчество, и, кроме того, было замечено, что такое занятие нередко отвлекало больного от охвативших его идей и служило средством успокоения.

Врач, наблюдая за работою душевнобольного и таким образом уделяя ему больше внимания, чем при обычном обходе, создает условия для проявления со стороны больного большего доверия к лечащему врачу, и, как следствие доверия, больной становится более откровенным с врачом, что дает возможность последнему более глубоко проникнуть в болезненный процесс, и таким образом в распоряжение врача поступает больше мотивов для индивидуализации ухода и лечения.

Душевнобольные в больницах в зависимости от степени возбуждения иногда проявляют разрушительные действия, нападают на окружающих, причиняют повреждения и себе, и другим лицам, а иногда покушаются на самоубийство пли па жизнь персонала. Умение заинтересовать больного той или иной работой может отвлечь его от таких намерений.

На разрушения и нападения больных нужно смотреть так же, как на творчество, но последнее имеет отрицательный характер. Многое зависит от внимания и умения врача, который при помощи своего умелого вмешательства может разрушительное творчество превратить в созидательное.

Душевнобольные творят по тем же законам, как и здоровые люди, а потому наблюдение творческого процесса у постели больного, наблюдение самого творца и изучение его самого и творчества ему присущего может способствовать освещению темных недр творческого процесса вообще. Творчество душевнобольных, как было сказано выше, дает возможность лечащему врачу наблюдать больного в эти моменты и входить с ним в более интимную духовную связь, способствующую глубокому проникновению в недра психического механизма творческого процесса.

Больницы для душевнобольных до сих пор ведут крайне замкнутый образ жизни, благодаря чему до последних дней о них передаются из уст в уста легендарные сказания о насилиях над больными, проявляемых ухаживающим персоналом. Поверья такого характера являются наследием дореформенных больниц, когда к больным применялось легальное насилие в виде смирительных рубах, изоляторов для буйных больных и т. д., т.е. о тех приемах, которые давно изгнаны из благоустроенных больниц; но так как сторонний взгляд редко является свидетелем жизни этих специальных больниц, то творческая фантазия создает легендарные картины, а многоустная молва передает из поколения в поколение сказочные страхи, живущие, по мнению рассказчиков, и по настоящее время за стенами “желтых домов”.

Предлагаемая читателю работа, быть может, до некоторой степени будет способствовать рассеянию мрачных туч, сгустившихся над больницами душевнобольных; быть может, эта

работа обратит внимание широкой публики и будет способствовать утверждению правильного взгляда и на сущность душевного заболевания. До сих пор на данные заболевания смотрели как на самое большое несчастие, постигшее человека. Но это мнение не имеет в основе своей прочного фундамента, так как душевнобольные, попадающие в специальные лечебницы, поправляются от своего недуга в не меньшем проценте, чем соматические больные. Между тем и родственники, и знакомые душевнобольного, помещенного в лечебницу, считают его заживо погребенным, предполагая, что он уже навсегда потерян и для семьи, и для общества. Больницы для душевнобольных давно уже пережили средневековье, общественное же мнение до сих пор иногда питается историческим прошлым.

Общество должно знать, что душевнобольные представляют собой большую ценность, так как некоторые из них в периоды заболевания творят, обогащая науку, искусство и технику новыми ценностями.

Иногда под влиянием болезненного процесса, в силу каких-то внутренних причин больной впадает в творческое, интуитивное переживание, создающее то новые теории, то практические изобретения, опережающие на много времени обычную жизнь.

Творцы в области науки, искусства и техники почти все страдают нервной неуравновешенностью, характеризующейся отвлекаемостью и способностью обобщения на основе недостаточного количества признаков. Вышеприведенные симптомы могут не доводить субъекта до больницы, но образ его мышления имеет все свойства, присущие циркулярному психозу. Больные и другими формами душевного заболевания также могут создавать новые ценности, что подробнее будет изложено при описании творчества отдельных форм душевных заболеваний.

Среди теорий, поясняющих причины возникновения душевных расстройств, есть одна, заслуживающая широкого внимания. Эта теория сводится к следующему: человечество не закончило цикла своего развития. Скелет, мышцы и внутренние органы сравнительно мало изменяются в смысле прогресса, что же касается центральной нервной системы, то последняя делает большие шаги вперед. На пути развития среди человечества появляются такие индивиды, которые опережают в своем развитии остальное человечество, поэтому эти индивиды представляют из себя неустойчивые формы в отношении заболевания душевным расстройством. Следовательно, человечество в лице душевнобольных приносит жертвы, устилая путь своего развития людьми, впадающими в состояние психического хаоса.

Но ведь не все душевнобольные впадают в состояние психического хаоса. Есть много душевнобольных, которые, перенося заболевание, не переходят грани, связывающей здоровую жизнь с больною, но их настроение, их психическая устойчивость видоизменяются в сторону меньшей сопротивляемости в борьбе за жизненную приспособляемость. Такие неуравновешенные люди владеют особенностями, присущими их психическому аппарату, сводящимися к следующему: под влиянием каких-то внутренних причин больные некоторыми формами психического расстройства могут впадать в особое состояние, свойственное интуитивному переживанию, результатом которого выявляется творческий процесс.

Циклотимия, по-видимому, является такой психической болезнью, когда, не поддающиеся исследованию, внутренние причины создают в организме условия наибольшего общения бодрственного сознания с подсознанием, когда синтетический процесс последнего, оформляясь, выкристаллизовывается в потоке бодрственного сознания, сопровождаясь

приятными внутренними переживаниями, испытав которые, у субъекта выявляется очень резкая потребность к дальнейшим переживаниям такого порядка. Это приятное переживание свойственно только первому периоду интуитивного процесса, т.-е. рождению оформленной идеи в потоке бодрственного сознания; в дальнейшем наступает второй стадий творческой интуитивной работы, заключающийся в аналитической переработке выкристаллизовавшегося готового решения, дающего возможность из законченного синтетического вывода создавать стройные научные теории, оплодотворяющие жизнь новыми ценностями.

Циклотимики в области искусства дали самые высокие образцы. Почти все высокие творцы несли отпечаток данного болезненного процесса, что легко выявить из их жизнеописаний.

В области техники данные больные или мыслящие по шаблону, свойственному данному заболеванию, дали жизни новые ценности как в области обрабатывающей, так и производящей промышленности.

И другие душевные болезни обладают способностью вскрывать иногда внезапно родники творческого процесса, результаты которого опережают обычную жизнь иногда очень надолго.

Следовательно, душевнобольные, попадающие в больницы, так же как и больные, переносящие свое заболевание дома, представляют большую ценность не только в смысле наблюдения, но и в смысле выявления их положительного творчества, при неумении же использовать последнее некоторые больные расходуют свою энергию на непроизводительную, а иногда и на разрушительную работу. Уменье и такт врача могут направить творческую деятельность больного в желательное русло.

Выдержки из данной работы послужили темами для докладов в Российской Академии Художественных Наук, в Государственном Институте Истории Искусства, в Русском Музее и Обществе Врачей, где результаты, выявленные на образцах творчества душевнобольных, вызвали живой интерес как у ученых, изучающих искусство, так и у психологов, разрабатывающих проблемы творческого процесса.

Внимание ученых к данной работе дало мне смелость обобщить полученные мною результаты и дать нечто цельное из того, что было разрознено по отдельным докладам.

Данная работа предназначается не только для врачей, но и для лиц, изучающих искусство, и лиц, занимающихся вопросами творчества, поэтому мы даем не только описание творчества, присущего той или иной форме душевного расстройства, но предлагаем и краткие сведения о самом заболевании. В данном случае нами руководят следующие соображения. По психиатрии почти нет популярной литературы, специальная же литература недоступна неподготовленному лицу, а потому и пользование ею затруднительно. Без знакомства же с заболеванием трудно связать с ним творчество, ему присущее. Кроме того, как было сказано выше, среди широкой публики циркулируют изустно передаваемые факты из жизни психиатрических больниц, мало или совершенно не имеющие связи с действительным положением и ведением работы в них. Такие сведения пугают лиц, не знакомых с жизнью данных учреждений, а потому боязливое отношение к ним прочно держится и теперь.

Более широкое знакомство с пациентами психиатрических больниц может изменить установившееся мнение, придав ему более правдивый характер.

Многие узнают, что, затрачивая средства на содержание психиатрических больниц, они тем самым создают условия, в которых могут вылечиваться люди, нужные для жизни, так как они могут вносить в жизнь новые ценности, на много опережающие ее течение.

Легко представляю себе недостатки данной работы; но на русском языке больших оригинальных работ по данному вопросу нет. Я работаю по вопросу творчества душевнобольных давно, мною собрана очень большая коллекция работ душевнобольных, состоящая из нескольких тысяч рисунков и рукописей. Благодаря затруднениям с печатанием, я делился своими наблюдениями путем докладов, делаемых в различных научных учреждениях, внося в них те сведения, которые мне удалось выявить благодаря личному наблюдению над реализацией творческого процесса у больных. Эти наблюдения создали прочное убеждение в том, что в этой области есть много интересных фактов, подлежащих изучению.

То, что добыто мною, я и представляю в распоряжение-читателя.

ГЛАВА I. ТВОРЧЕСТВО ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

Исторические сведения

Душевные болезни столь же стары, как стар и человеческий род. Самые ранние предания, скрывающие свои следы в глубокой, седой старине, самые ранние письмена, вещающие нам о делах давно минувших дней, упоминают об особых болезнях, связанных с проявлением нарушения психической деятельности.

Саул, Аякс, Улисс — уже более поздние лица, страдавшие нарушением психики. Давние гадания (оракулы) были связаны с проявлением нарушения ориентировки при наличии бессвязной речи и др. симптомов, свойственных больным психиатрических больниц.

Последнее время лица с так называемыми медиумическими особенностями проявляют вышеприведенные симптомы и заменяют, отошедший в область истории, оракул. Помимо их, имеются и такие душевнобольные, которые не могут оставаться в обычных условиях жизни и подлежат изоляции, специальному лечению и уходу.
Объяснения причин заболевания

В зависимости от господствовавшего мировоззрения душевные заболевания объяснялись в меру знаний, которыми владело человечество.

В то время, когда добро и зло, представлявшиеся в умах человеческих в виде живых существ, внедрявшихся в организм, являлись причинами, могущими повергнуть психическую жизнь в состояние хаоса, сделать человека неспособным пользоваться преимуществами общежития, так как он вступал в конфликт как с юридическими нормами, так и с обычным правом, регулирующими общественную и индивидуальную жизнь,— в то время люди твердо верили в возможность внедрения злой силы в организм и в ее способность производить душевные расстройства; такое внедрение называли одержанием, т.-е. внедрившаяся в организм сила одерживала человека и понуждала его изменять поведение в неприемлемом для общежития направлении.

В связи с вышеприведенным пониманием душевных расстройств и меры терапевтического воздействия на душевнобольных сводились к изгнанию их из городов и селений, произнесению над ними заклинаний, а позднее таких больных помещали или в тюрьмы, или в монастыри.

В связи с учением о свободе воля изменился взгляд на душевнобольных: предполагалось, что человек, обладающий свободной волей, может по своему желанию культивировать в себе или добрую волю, не способную вступать в конфликт с существующими юридическими нормами и с моральными устоями, господствующими в обществе и государстве, — или он развивает злую волю, неизбежным спутником которой являются проступки и преступления, караемые принудительным законом. Душевнобольные постоянно нарушают законы, следовательно, они виновны в том, что развивают в себе злую, преступную волю, а потому они подлежат наказанию и изоляции, и первое, и второе объединяются тюремным заключением, а потому душевнобольные должны были содержаться в местах заключения. В монастыри помещали больных потому, что одержание их, по тогдашнему мировоззрению, могло уступить только религиозному вмешательству. Живущие в монастыре не приспособляли себя к уходу за душевнобольными и смотрели на эти обязанности как на побочную, им не свойственную работу, а потому весь уход за душевнобольными сводился к их питанию.

Гиппократ за 460 лет до нашей эры видоизменил воззрение на душевное расстройство, введя материалистическое толкование последнего. Гиппократ признавал мозг органом душевной деятельности, а потому он вывел больных из храма Эскулапа с тем, чтобы организовать за ними правильный уход и лечение обычными фармацевтическими средствами.

В средние века, когда гнет на трудящиеся массы достиг наивысшего напряжения, когда, живший за счет чужого труда, правящий класс имел права не только на имущество трудящегося, но и на осквернение его тела и на его жизнь, — психическая жизнь трудящихся часто выходила из нормального русла, погружая людей в больший или меньший психический хаос.

Истерия захватывала целые области и протекала с резким нарушением психической деятельности, при наличии галлюцинаторных переживаний, а частичная потеря чувствительности, являющаяся обычным симптомом при истерии, трактовалась как печать диавола, а потому к таким больным применялись пытки, цепи, темницы и костры, —приемы, от применения которых нельзя ожидать хороших результатов.

XVIII век, век расцвета гуманитарных наук, положил конец издевательствам над больным человеком, и для душевнобольных засияло солнце, ибо они были выведены из подземных казематов, их перестали пытать, с них сняли цепи, и имена врачей Пипеля и Эскироля вписаны на беспристрастные страницы истории с тем, чтобы они вещали миру о том, что душевнобольной, как и всякий больной, нуждается в правильном уходе и лечении, что при наличии последних процент выздоровления душевнобольных не меньше процента выздоровления больных соматических.

Успехи анатомии, гистологии, физиологии и химии стали все более и более убеждать ученых, что душевные болезни, так же как и соматические, происходят вследствие внедрения в организм организованных и неорганизованных ядов, нарушения химизма состава сред организма; нарушения физиологических процессов внутри тканей создают условия для проявления душевного расстройства; видоизменение деятельности

внутренних органов вовлекает в страдание центральную нервную систему, благодаря чему в клиническую картину болезни ярким и выпуклым явлением вплетаются симптомы нарушения психической жизни.

Границу здоровья и душевного расстройства уловить трудно, а точно формулировать совершенно невозможно. В самом деле, кому придет в голову считать душевнобольным человека раздражительного, с неустойчивым нервным равновесием, злого, без нужды стремящегося к обогащению, к пьянству, ведущему человечество к вырождению.

Здоровому человеку глубоко не симпатичен скупой рыцарь, Плюшкин, Иудушка Головлев, но когда эти типы встречаются в жизни, то никому не приходит в голову помещать их в дом умалишенных.

Многие страдают навязчивыми идеями, сами сознавая их нелепость, не имеют сил бороться с ними, а потому рабски отдают себя их властным причудам, но мы их не изолируем. Но если эти странности отражаются вредно на окружающих, например, у клептоманов, пироманов и др., то меры изоляции являются неизбежными.

Аморальные поступки нередко яркими этапами вплетаются в человеческое поведение, иногда аморальные люди становятся отрицательными историческими личностями, как, например, Аракчеев, Малюта Скуратов, но тем не менее они пользовались не только свободой, но и властью.

Жизнь знает и такие типы, которые, живя в обычных условиях, чувствуют непреодолимое желание причинять страдание другим. Нередко объектами жестокости являются животные, последних мучают самым безжалостным образом, самыми возмутительными приемами. Таких лиц изредка привлекают к ответственности, но душевнобольными не считают. Наши дети летом ловят насекомых, приготовляя из них бесчисленные, никому не нужные коллекции, они же по побуждениям так называемой любознательности вскрывают живыми низших животных, причиняя последним жестокие страдания, но своими действиями они ни в ком не вызывают протеста, наоборот, их поступки нередко радуют любвеобильные родительские сердца.

Но вот выступают на жизненную арену убийцы, которые из-за пустяковой наживы лишают жизни сразу несколько человек. Таковыми убийцами являлись в наше недавнее время Котов, Петров и др.

Котов совместно с Морозовым убил около 120 человек, но предстал Котов перед судом нищим, ибо он убивал не богачей а почти таких же нищих, как и сам, отбирая от убитых домашний скарб, носильное платье и др. вещи домашнего обихода, продаваемые им на базаре за гроши. Котов, после совершенного им убийства, спокойно садился за стол и ужинал, перед убийством никогда не пил, потому, вероятно, и не был долго обнаруживаем, во сне никогда не видел своих жертв, его поступки никогда не вызывали у него раскаяния, у него не было жалости ни к взрослым, ни к детям. Но у него была какая-то особенность, отмечаемая им самим: он говорил, что, выйдя „на дело", он иногда, несмотря на удобные обстоятельства, неизвестной ему причине пропускал мимо себя некоторых людей, некоторых же спокойно убивал. Котов не воспринимал, не оценивал причиняемого им зла, он совершал убийства, как обычную, повседневную работу, не накладывающую отпечатка ни на его внешность, ни на его внутренний склад, а потому, будучи на скамье подсудимых, он производил впечатление мелкого приказчика, а не злостного убийцы.

То же можно сказать и о Петрове, зашивавшем трупы убитых им жертв в мешки и бросавшем последние в разрушенные дома.

Приведенные примеры указывают на то, что душевнобольными могут называться люди, у которых рефлекторно-психическая деятельность нарушена в такой мере, что наступает опасность как для самого больного, так и для общества в том, что сдерживающие психические тормозы, вследствие ослабления не могут удерживать субъекта от нарушения как обычного, так и юридического права, охраняющих индивидуальную и коллективную безопасность, создающих спокойную уверенность и устойчивость жизненных форм, покоящихся на разумных человеческих взаимоотношениях.

Душевнобольным будет не только тот, кто мелет вздор, кто кричит и размахивает руками там, где не нужно, бьет посуду, рвет белье или наносит повреждения, вообще проявляет себя так, что его поведение резко отличается от поведения большинства людей, но и тот, кто по каким-то внутренним причинам нарушает законы или бесцельно, или с целью извлечения индивидуальной выгоды с применением приемов, или вредно, или пагубно влияющих на других лиц.

Наука о психических функциях мозга имеет сравнительно мало точных сведений, а потому душевные заболевания в настоящее время классифицируются лишь по клинической картине, наблюдаемой у постели больного, а не по анатомическим изменениям, свойственным отдельным заболеваниям.

Когда приемы изучения строения и физиологического отправления головного мозга будут более совершенны, тогда накопленные клиникою сведения объединятся с лабораторными данными, и наши понятия о сущности душевных болезней и их локализации в мозгу сделают врачей более ориентированными в области точной диагностики душевных болезней, основанной на мозговой локальности, или нарушении физиологических отправлений головного мозга, или отыскании ядов, вырабатываемых организмом и отравляющих центральную нервную систему.

Изучение материала и способы проекции вовне

Нас интересуют не только больные, место которым в психиатрической больнице, но нас интересует также и механизм мышления отдельных лиц, имеющий трафаретное сходство с мышлением душевнобольных. Правда, в настоящей работе мы мало уделяем внимания лицам, отошедшим в глубь истории, ибо мы настоящую работу не стремились обосновать лишь историческими документами, — наоборот, наша работа сделана на живом материале в стенах больниц.

Живая лаборатория научила нас ценить творчество душевнобольных и выявлять в нем ценные особенности, в изобилии встречающиеся на этом пути.

До сих пор на душевнобольного был установлен, по нашему мнению, неправильный взгляд, заключающийся в отрицании какой бы то ни было ценности за душевнобольным, так как в отношении его до настоящего времени проявлялось одно лишь сострадание. На самом же деле наблюдение над их продукциями и изучение последних вполне убедительно доказывают нам то, что душевнобольные при наличии различных форм заболевания становятся творцами в тех областях, которые ни в какой мере не интересовали их раньше. Следовательно, под влиянием болезненного процесса внутри человеческого организма могут просыпаться возможности, не подозреваемые раньше.

Данные наблюдения и изучения создают условия, при помощи которых облегчается изучение функций подсознания; мы используем и эти обстоятельства, давая в конце работы теоретические сведения о творческом процессе, выкристаллизовавшемся в результате многолетней работы над выявлением последнего.

В тексте данной работы почти нет ссылок на работы других лиц, данное явление происходит потому, что накопленный нами материал столь обширен, что использовать его весь в этой работе не представляется возможным, кроме того, мы потратили много сил и времени на наблюдение за работой самих творцов, так как их творчество протекало под контролем нашего непосредственного наблюдения, укрепившего нас в определенном взгляде на творчество душевнобольных, который мы и проводим в нашей работе. Этот взгляд, быть может, не всегда совпадает со взглядами других авторов, но собранный материал убеждает нас в правоте, а потому мы наши взгляды и проводим в данной работе с полным убеждением и сознанием ответственности, падающей на нас за то, что не следуем слепо за идеями, ранее высказанными по этому вопросу.

Материал, полученный от душевнобольных в виде писаний и рисунков, требует не только демонстрации, но и теоретического обоснования процессов, протекающих в период творчества.

Что касается демонстрации работ душевнобольных, то последние могут оцениваться с точки зрения художественного исполнения, красоты, красочности выполнения, формы и т. д.

Художественная оценка зависит от индивидуального восприятия и того переживания, которое производит художественное произведение на зрителя. Потому наша задача будет заключаться не в личном впечатлении, а в психологическом объяснении данных образцов.

Задача, которую мы ставим себе, является в высокой степени неблагодарной уже потому, что до настоящего времени психологию многие авторы считают не наукой, а лишь ее преддверием; что же касается психологии творчества, то в данной дисциплине есть много обобщений, поставлено много вопросов, исписано много бумаги, но действительных знаний, позволяющих ориентироваться в темной области творчества, почти нет. Меж тем процессы творчества не перестают волновать человечество. Пытливость ума требует ответа на вопросы, как происходит процесс творчества, почему этот процесс всегда индивидуален, можем ли мы оказать влияние на усиление творческого процесса и т. д. Вопросы далеко не праздные, и более пли менее удовлетворительное решение их может дать в руки человечества великие средства, при помощи которых творческие процессы могут выявить свою закономерность, становящуюся не только доступной для изучения, но, может быть, и для непосредственного на эту закономерность воздействия.

На первый из поставленных вопросов мы не можем дать категорического ответа, но в дальнейшем изложении постараемся дать объяснение психического механизма, лежащего в основе привычной и творческой работы, теперь же скажем, что процесс творчества рождается внутри нас и проявляется независимо от желания и, если этот процесс активировался в достаточной степени, то он неизбежно реализуется в пребывающую форму: индивидуум же обычно, не оказывает тормозящего действия на процесс творчества уже потому, что реализация последнего доставляет субъекту приятные переживания и сознание того, что он творит новые ценности, а потому творец считает себя существом исключительно одаренным, ибо через него в толщу человечества проникают новые идеи, отыскиваются новые пути к овладению истиной. Поэтому каждый

мыслящий человек старается более или менее ясно представить себе механизм творчества для того, чтобы разгадать его тайну, оказать на его проявление то или иное воздействие.

Не менее важен вопрос об индивидуальности творчества, ибо коллективного высокого творчества в науке, искусстве и технике не бывает. Творческий процесс индивидуален потому, что он интуитивного происхождения; интуиция никогда не бывает коллективной. Интуитивных людей может быть очень много, но все же они будут значительно отличаться друг от друга своеобразностью творчества. Никогда не будет однообразия в этом явлении. Природа, по-видимому, экономит свои силы, избегая повторяемости в интуитивном творчестве.

Можно указать на эпос, как на высокое коллективное творчество. Но необходимо принять во внимание то обстоятельство, что эпос образовался из наслоений индивидуального творчества, так же как и наука обязана своим развитием коллективной работе целого ряда поколений, но эта коллективная работа слагается из отдельных индивидуальных работ. Лица же, объединяющие отдельные интуитивные творчества, сами не творят, а лишь комбинируют и суммируют чужое творчество. Коллектив, обычно, реализует индивидуальное творчество и распределяет его среди потребителей.

Творчество душевнобольных протекает по тем же законам, как и творчество у здоровых людей. Поэтому механизм творческого процесса для всех является одинаковым. Для того, чтобы овладеть творчеством и проникнуть в него, и оценить его достоинства, необходимо, чтобы это творчество проявилось через органы воспроизведения. Если человек сидит без движения, если мимика его лица не активирована, если он молчит, — тогда у нас нет средств, при помощи которых мы могли бы проникнуть в его психическое содержание. Психическое содержание как человека, так и животных становится доступным для восприятия и оценки лишь тогда, когда оно после возникновения и психического оформления превращается в проекцию.

Психическое содержание проецируется вовне в виде звуков то слабо, то до крайности сложно сочетанных.

Звуковые и словесные продукции воспринимаются в зависимости от организации воспринимающего аппарата то как приятный или неприятный раздражитель, то звуки, слагающиеся в музыкальную мелодию, переживаются как образы; в данном случае происходит процесс овеществления звуков. Последний процесс недоступен большинству слушателей, так как воспринимающий аппарат у большинства людей еще развит слабо; только у музыкантов, слух которых развит значительно выше, чем у музыкально неразвитого человека, возможно овеществление звуков; только музыканты путем звуковых сочетаний могут и выражать, и воспринимать психическое содержание.

Если простые звуки, усложняясь в своем сочетании, возвышаются до высокой музыкальной мелодии, то те же звуки, сочетаясь в более низких тонах, образуют не менее сложную, не менее приятную, выразительную и яркую мелодию обычной разговорной речи, являющейся самым распространенным методом психической проекции.

Помимо этого, психическая проекция может происходить при помощи красок, форм, мимики, жестов и выразительных движений, что принято называть немым языком.

Самой распространенной формой психической проекции для человека является речь, так как без разговорной речи нормальный человек совершенно не может обходиться. Он много веков и сил потратил на то, что в настоящее время разговорная речь может

полностью выразить его психическое содержание. Кроме того, эта же речь овладела способностью, при помощи печатания, сохраняться неопределенно продолжительное время, не теряя своей действенной силы, благодаря чему творчество получило возможность развиваться значительно быстрее, чем оно развивалось в то время, когда письменность или была неизвестна или была до крайности ограничена. Печатный станок создает бессмертие для слова, так как при помощи печатных букв человек овладел способом, при помощи которого сохраняется действенное влияние слова независимо от того, что оно не произносится, а читается; следовательно, ритм, присущий слову, сохраняет цельность своего влияния.

Ритм есть мерность и созвучность речи; ритм есть плавная, последовательная группировка слов, слагающаяся из повышений и понижений звуковой силы, образование более длинных или более кратких звуковых волн и их сочетаний. Ритм состоит не только из образований различных по длине звуковых волн, но ему присущи и определенной длительности интервалы. Ритму присуще инфицирование слушателя (внушение). Спутниками слушателя являются ожидание и до известной степени творчество, источником коего является ритм. Вот почему каждый человек—не граммофон, а индивидуальность, творящая и привносящая к слышанному что-то свое (например, свидетели, рассказчики, лекторы). Ритм есть созвучное оживление мертвого материала, образное оформление его и более или менее длительная вибрация созданного образа. Ритм осуществляется инстинктивно. Повышение и понижение голоса, ударение, интонация, счет слогов, тембр создают мелодию и темп речи.

Помимо ритма в характеристику слова вплетается его комбинация, имеющая весьма важное внушающее значение. Авторы, при помощи комбинации слов, создают условия для творчества, характеризующие легко воспринимаемые произведения и произведения, усваиваемые с большим трудом. Как известно, все мы пользуемся одними и теми же словами, но комбинируем их так, что в одном случае получается трудно усвояемые психические продукции, в другом восприятие этих продукций не только не затруднительно, но часто доставляет или удовольствие или наслаждение. Ученый комбинирует слова таким образом, что имеет круг читателей ограниченный; для восприятия данных комбинаций нужно иметь определенную подготовку, вырабатывающую вкус к общению с произведениями научного характера. Наоборот, литератор комбинирует те же слова таким образом, что его произведения читаются и усваиваются легко.

Слову присущ определенный смысл, и этот смысл сохраняет свое действенное значение и тогда, когда слово является написанным или напечатанным. Благодаря тому, что слово приобрело стереотипный способ своего сохранения, оно обессмертило те мысли, которые остаются нам в наследство от ушедших поколений, благодаря чему человечество не начинает все сначала, а воспринимает прежнее в готовом виде, а свое творчество направляет на дальнейшее развитие. Слово действует на все психические сферы. Печатание даже имеет преимущество перед письмом автора, так как на чтение печатного произведения тратится меньше энергии, чем на письмо, особенно, если последнее написано неразборчивым почерком.

Печатный станок создает бессмертие не только идеям, переданным на бумагу, но создает бессмертие и автору; последний может уйти из жизни, но остаться объединяющим началом и руководителем в определенной области для ряда последующих поколений; следовательно, действенная сила слова не рассеивается от размножения, а сохраняет свою жизненную силу в каждом печатном экземпляре.

Музыкальное сочетание, как было сказано выше, в зависимости от музыкального образования слушателя, воспринимается или как приятный, или неприятный раздражитель, или же образно переживается. Что касается музыкальных произведений, то они, главным образом, действуют на сферу эмоций и активируют творческую фантазию. Звуки не владеют той точностью передачи психического содержания, каковая присуща слову. Звуки каждый слушатель понимает и переживает по - своему, так как в эти понимания и переживания неизбежно вплетается личное, индивидуальное творчество, чего нельзя сказать про слово. Все слушатели одинаково воспринимают речь и те идеи, которые облечены в слова, музыкальные же произведения этого достигнуть не могут. Музыкальные произведения, так же как и слова, обладают методами, при помощи которых они могут сохраняться неопределенно долгое время, не теряя своей действенной силы. Они также бессмертны благодаря сохраняющим их знакам. Помимо этого, слова и музыкальные сочетания овладели и другим механизмом, при помощи которого сохраняется и особенность произношения слов и музыкальных произведений, присущая говорящему, поющему или играющему на музыкальном инструменте лицу. Это достижение осуществляется при помощи граммофона, создающего до известной степени иллюзию человеческого голоса с характеристикой тех оттенков, которые свойственны говорящему.

Краски, так же как и музыкальные произведения, воспринимаются как приятный или неприятный раздражитель; они также оживляются творчеством зрителя, но надо принять в соображение то, что картина всегда говорит больше того, что она содержит на своем полотне; например, картина Репина: „Иоанн Грозный и сын" создает впечатление не только той сцены, которая фиксирована на полотне, но оживляемое данной картиной творчество ввергает человека в ту эпоху, в которой этот эпизод произошел. Краски не овладели стереотипными формами, создающими их распространение и сохраняющими ту действенную силу, которая присуща печатному станку для слов и музыкальных сочетаний. Живописное творчество носит вполне индивидуальный характер; как будто картина является конденсатором переживаний, присущих творцу в момент творчества, и только этот экземпляр и является действенным, все же репродукции не сохраняют действенного влияния, присущего самой картине. Поэтому никогда не устраиваются музеи из репродукций. Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль устроить музей и наполнить его репродукциями великих и более слабых произведений, то зритель от такого музея получил бы такое же впечатление, какое он получает на кладбище. Это было бы мертвым местом, не создающим тех эмоциональных переживаний, которые присущи галереям, хранящим оригиналы.

Язык красок своеобразен, его тайна лежит в абсолютном единстве. Благодаря же тому, что ритм красочной гаммы лежит непосредственно на продукте творчества, репродукция не дает тождественности восприятия и переживания, получаемых от оригинала.

Только ли при помощи слова, музыки, красок и форм проецируется вовне человеческое творчество? Конечно, нет.

Музыка, краски и форма воспринимаются, главным образом, как было сказано выше, сферою эмоций и передают не точное переживание автора, а понуждают воспринимающее лицо к творчеству, чем вносят большую радость в повседневную обыденщину, скупую на яркое веселье и богатую угрюмой тупостью.

Всякое творчество приятно, оно создает радость бытия, оно заставляет вибрировать наш организм так, что вся его многострунная сложность обновляется и обогащается новыми ценностями, часто бессознательно переживаемыми.

Вот почему такие психические продукции могут действовать как лечебное средство, обладают способностью перерождать настроение, владеют магизмом, расцвечивающим цветистой гаммой повседневную, грубую, тупую, тоской давящую действительность.

Образованные врачи пользуются этими силами и предписывают своим больным пользоваться не только прогулками на свежем воздухе, но и посещением театра, концертов, галерей и т. д. В этих случаях бедная впечатлениями действительность скрашивается новыми ценными переживаниями, обогащающими новыми идеями психические будни.

Книга также заставляет творить, но она в то же время обогащает читающего новыми идеями автора; большинство людей, собственно, по последнему признаку и воспринимает книгу.

Идеи, облеченные в слова, разве не требуют для своего усиления, для большей действенности на слушателя оформления психического выражения путем обогащения речи мимикою, жестами, выразительными движениями?

Мы с большим удовольствием посещаем театр и переживаем в нем те эмоции, которых мы или лишены в действительной жизни, или проходим мимо них, не замечая.

Попробуйте лишить артистов возможности расцвечивать свою игру при помощи мимики, жестов и выразительных движений, и театр утеряет все свое обаяние.

Если мимика, жесты и выразительные движения придают большую яркость и выразительность речи, то что получилось бы тогда, когда психическое содержание пользовалось бы одними жестами, мимикой и выразительными движениями?

Оказывается, психическая проекция ничего не потеряла бы от отсутствия слова, если бы лицо, владеющее немым языком, стало бы объясняться при помощи так называемых “манер”.

Человек, прибывший в страну, языка которой он не знает, никогда не умрет от голода, он в состоянии будет удовлетворить все свои потребности без возможности разговаривать с туземным населением. Этого он достигнет путем применения мимики, жестов и выразительных движений.

Театр - пантомима обходится без словесных продукций, тем не менее он посещается с не меньшим рвением публикой; последняя выносит полное и сильное впечатление от немого языка и совершенно свободно переводит свои переживания с немого языка на словесный.

Большинство читателей, наверно, видали „Покрывало Пьеретты" и, конечно, никто не скажет из видевших эту пьесу лиц, что он не понял смысла игры не только в целом, но и в отдельных моментах каждого движения артиста.

Немой язык интересен еще и тем, что он является доступным для понимания не только людям, но и животным. Домашние животные очень хорошо понимают и мимику, и жесты, и выразительные движения, и сами пользуются ими для передачи своих психических переживаний. Правда, у животных мимика менее развита, чем у людей, так как лицевая часть их головы покрыта шерстью, но все же мимика их достаточна для выявления их

несложного психического содержания. Хвост животного также помогает ему для реализации психической проекции.

Если немой язык является столь понятным людям и животным, то спрашивается: почему данный язык развит столь слабо, что им люди пользуются только как вспомогательным средством для более яркого выражения своих мыслей при помощи слова?

Словесный язык богато развит потому, что он овладел стереотипными формами, придающими ему пребывающее значение, тогда как немой язык был лишен этой возможности до самого последнего времени. Только несколько лег назад при помощи кинематографических лент реализовалась возможность фиксировать приемы немого языка и придавать им пребывающее значение. Но всякое поступательное развитие проделывает долгий путь, а потому пройдут века, и только накопление опыта на протяжении такого времени даст ощутительные результаты в смысле распространения нового приема психической проекции.

Человечество бессознательно чувствует за этим изобретением великую будущность, и как ни сопротивлялись развитию кино некоторые знаменитые артисты, почему-то увидев в этом приеме возможность конкуренции, но все же из сопротивления и психического натиска их ничего не вышло: кино-театры охотно посещаются публикой, и последняя бессознательно впитывает приемы немого языка. В конце концов, приемы немого языка сделаются необходимой потребностью, и тогда человечество еще быстрее пойдет по пути своего развития, тогда среди наций будет большая спайка и национальные границы перестанут представлять собой неприступные цитадели, устрашающие человечество своей неприкосновенностью благодаря присутствию своего языка у каждой нации.

Человечество потратило много сил на то, чтобы искусственным путем создать так называемый всемирный язык. Первую мысль в этом направлении подал Лейбниц в 1666 г., затем эта идея была разработана более подробно в 1794 г. Кондорез, в 1818 г. эта же мысль была выдвинута Б юр не, в разработке этой мысли принимали участие Штейнер, Иейвид и особенно пастор Шлей-е р; последний построил всемирный язык в столь приемлемой системе, что последняя под именем „волапюка" облетела весь мир, увлекла писателей и др. лиц интеллигентных профессий, отдававших свои силы, время и знания на распространение данной идеи, благодаря чему на данном языке появилась как переводная, так и оригинальная литература. Появилась до некоторой степени мода, а по¬тому многие женщины и воспитанные в светских гостиных молодые люди считали своим долгом подержать в руках в течение часа, а иногда и более, книгу, напечатанную на новом языке.

Пропаганда ни к чему не привела, и казалось, что мысль о всемирном языке погребена, но через несколько лет на помощь умирающему „волапюку" создался новый язык „эсперанто"; последний и сейчас имеет ничтожное количество последователей; среди последних есть такие идейно преданные ему лица, которые открывают школы для обучения новому языку, но эти школы насчитывают крайне мало желающих заниматься изучением непригодного в жизни материала.

Если столь безнадежно обстоит дело с созданием всемирного словесного языка, то казалось бы, что эту мысль нужно отбросить как неосуществимую и не тратить силы на ее реализацию. Действительно, в том виде, в каком эта великая идея пыталась реализоваться, она будет обречена на неудачу. К разрешению данного вопроса необходимо подходить с естественной точки зрения, последняя же указывает нам совершенно ясный путь к овладению всемирным языком при помощи развития немого языка.

У немого языка—будущность, прошлое же его невзрачно потому, что благодаря отсутствию способа фиксирования приемов данного языка каждому работающему в этой области приходилось начинать сначала, так как великие образцы прошлого исчезали для потомства. Когда история театра говорила нам о великих артистах, то она была бессильна оживить творцов, ушедших из жизни, поэтому артист не мог обессмертить своего имени, как это делает ученый, музыкант или художник слова и красок. В настоящее время, благодаря фонографу и кино, артист до-полной иллюзорности может обеспечить свое бессмертие и оставить потомству те достижения в области развития немого языка, которыми пользовался он в своей работе. Эти образцы, будучи демонстрируемы учащимся, помогут последним быстрее овладеть этими приемами, развить и совершенствовать их в дальнейшем.

Путь развития искусства так же, как и всякого знания, многотруден и тернист, искусство на путях отыскивания истины приносит свои жертвы, устилающие страданием эти пути. Но где есть шипы, там есть и розы... в муках и болезнях рождается радость интуитивного проникновения и овладения новыми духовными ценностями в области искусства.

Высокое интуитивное творчество во всех видах его проявления всегда индивидуально, оно, обычно, опережает развитие народных масс. Но стать выше толпы, вещать и пророчествовать составляет удел немногих избранных, заставляющих толпу удивляться и преклоняться пред высокими образцами художественного творчества. Только высокое искусство, дающее толчок к образованию нового порыва, создающее новое переживание у наблюдателя, способно обновлять творческую приниженность, рождающуюся как результат повседневных забот и обыденщины, только такое творчество оживляет высокий порыв исканий и заставляет его если не творить вовне, то творчески переживать внутри воспринятое. Такое творчество путем создания новых переживаний оздоровляет духовную мощь и дает силы для выполнения рядовой повседневной работы. Так действуют выставки, музеи, картинные галереи и т. д. Если бы в этих хранилищах не береглись образцы доступной нам классической красоты, реализованные мифы, сказки и песни, то что будило бы нашу творческую фантазию, что придавало бы мощь творческому переживанию, что скрашивало бы обычную, будничную, скупую на радости действительность?

Так творит человек, и история бесстрастно фиксирует на своих бессмертных страницах человеческие деяния, по которым мысленно может он заглядывать в седую старину своей творческой фантазией ушедших из жизни великих гениев, оставивших потомству идеи, составляющие умственную пищу его, идеи, воссоздающие ушедшую в прошлое действительность. Обычаи, нравы и творцы жизни проходят стройной чередой перед взором изучающего прошлое, исторические картины прошлого развертываются в неприкрашенной, подлинной действительности, последняя же нам указывает на то, что вожаками жизни были не столько здоровые, уравновешенные, буднично-настроенные люди, сколько порывистые натуры, лишенные душевного спокойствия, горящие пламенем творческого порыва, сжигающего в своем огне привычные формы, трафаретно-прописные истины. Бурлящий вулкан экзальтированной страсти разрушает привычные устои жизни, погружая последнюю, по мнению обывателя, в хаотическое состояние; но проходят года, и брошенная в жизнь истина начинает мерцать тихим неугасимым светом, с течением времени разгорается в пламя, согревающее сердце человеческое новой живительной теплотой, украшающая жизнь новыми ценностями.

Творчество во всех его видах создается, конечно, не только так называемыми здоровыми людьми, но и больными, людьми с неустойчивым душевным настроением, кладущим отпечаток как на поведение, так и на творчество субъекта.

На душевнобольных в обществе привыкли смотреть как на элемент, подлежащий изоляции.

Не только чужие, но очень часто и близкие родственники стараются как можно скорее отделаться от душевнобольного или потому, что безотчетно боятся его, или потому, что душевнобольной доставляет больше хлопот и забот, нежели соматический больной.

Но душевнобольной представляет определенную ценность, ибо как это ни покажется парадоксальным, он не редко оплодотворяет науку, искусство, технику новыми ценностями.

В зависимости от душевного склада душевно-неуравновешенный субъект может направлять свое творчество, то на созидание, то на разрушение. Достаточно взять несколько исторических примеров для того, чтобы пояснить фактами высказанное положение. Иоанн Грозный и Наполеон были, вне всякого сомнения, душевнобольные, направившие свое творчество в сторону разрушения; в их потребностях всегда присутствовало властное желание причинять страдание, может быть,— реализация только этой потребности заставляла их переживать минуты наслаждения.

Кто же будет сомневаться в наличии душевного заболевания у Гоголя, Достоевского, Ньютона и др., и что они владели высоким творческим импульсом, увенчивающим все человечество лаврами славы и созданием неограниченных возможностей в разнообразных плоскостях творчества?

Кто признает душевно-здоровыми типы Андреева, Пшибышевского, Гюисманса и др.? Многие думают, что половой инстинкт, столь властно проявляющийся у героев вышеназванных авторов, низводит первых до степени животных. Думается, что такое предположение оскорбительно не для человека, а для животного, так как у животных в этом вопросе нет уродливых форм, так часто проявляющихся у человека.

Последние годы многие авторы стали воспевать нездоровые отношения в области инстинкта размножения, создавая своеобразных героев в этой области. Но такая литература вряд ли может доставить эстетическое удовольствие.

Если обратить внимание на творчество душевнобольных, собранное в обычной больничной обстановке, куда, конечно, профессионалы-художники слова и красок попадают не часто, а в состоянии творчества еще реже, то оказывается, что эти больные не редко превращаются в рабов страсти к творчеству, и описывают переживания, свойственные людям, не хуже профессионалов, а также и рисунки, созданные ими во время болезни, могут привлечь внимание и попытку к их изучению.

Душевнобольные были и будут реформаторами во всех областях человеческой жизни, поэтому изучение творчества душевнобольных может дать новые данные для понимания в высокой степени темного вопроса творчества вообще. Эта задача ясно стоит перед нами, и думается, что всякая крупица знания, могущая хоть сколько-нибудь помочь разобраться в этом вопросе, не должна находиться под спудом, так как, будучи выявленной, моясет создать новые пути к ее дальнейшему уяснению.

ГЛАВА П. РАННЕЕ СЛАБОУМИЕ (СХИЗОФРЕНИЯ)

Творчество при раннем слабоумии. Краткие сведения о болезни

Ранним слабоумием заболевают, обычно, молодые люди, почему и болезнь эта, имеет соответствующее название. Болезнь чаще начинается внезапно, когда больной вдруг почувствует, что он теряет нити, связывающие его с действительной жизнью. Ему вдруг покажется, что изменяются ого органы, изменяется его лицо, что родственники неправильно к нему относятся. Наконец, могут присоединиться и галлюцинации, под влиянием которых больной может нанести или себе, или окружающим какое-либо повреждение. Нередко приступ болезни заканчивается сравнительно скоро. Родственникам и окружающим кажется, что больной поправился, но это поправление может быть далеко не прочным, но через некоторое время приступ болезни может повториться и затянуться на более долгий срок. Приступы могут повторяться несколько раз, и каждый из них оставляет налет дефекта на личности больного, благодаря чему последнему нередко приходится менять прежний род занятий, если больной сохраняет трудоспособность по окончании приступов. Если молодой человек учился, и болезнь застигла его в то время, когда он еще не закончил своего образования, то он его и не закончит. Но случается и так. что болезнь, породившая один пли два приступа, заканчивается, но больной поправляется с дефектом. Такие больные входят в практическую жизнь, выполняют очень хорошо обязанности по службе, но в то же время на характер их накладываются определенные черты; о них говорят, что они люди замкнутые, необщительные, что у них не бывает товарищей. Таких больных много в жизни, и все они делают аккуратно свое дело. Потомство таких больных почти неизбежно болеет тою же болезнью, независимо от того, что у родителей данный болезненный процесс уже закончился. Перенесшие приступ данного заболевания получают какие-то особенности, отпечатлевающиеся на лице больного. Эти особенности легко воспринимаются опытным врачом, но они очень трудно облекаются в слова, так как язык наш крайне беден, и тех мимических нюансов, которые свойственны человеческому лицу, облечь точно в слова не может.

Данное заболевание характеризуется следующими особенностями. В сфере чувства наблюдается ослабление эмоциональной реакции, заключающееся в том, что больной реагирует неправильно на раздражителей; эта неправильность выражается или повышением раздражения, или же понижением его, при чем понижение может распространяться до полного отупения. Кроме того, в этой же сфере наблюдается так называемая амбивалентность, заключающаяся в том, что больной двояко реагирует на полученные раздражения. Он может смеяться, когда получает неприятное раздражение и может плакать при наличии веселого раздражителя. В этом случае мы наблюдаем диссоциацию внутренних переживаний и внешних отреагирований. Гармоничность этих процессов распадается. Эдгар По говорит: если вы смотрите в зеркало и сделаете плаксивое лицо, то в это время вам не удастся пережить приятной эмоции; следовательно, как внутренние переживания действуют на внешнюю проекцию, так и внешние отпечатки действуют на внутренние переживания. Связь между этими двумя процессами очень точна. У схизофреников эта связь нарушается или разрывается.

Больные часто бывают крайне раздражительны; они нападают на окружающих и ухаживающий персонал. У них часто наблюдаются страхи, от наличия которых зависит и поведение больного. Больным также присущи так называемые импульсивные поступки. Я помню одного больного, который, придя в Третьяковскую галерею, нанес три поранения ножом картине Репина „Иоанн Грозный и сын". Больной был доставлен в больницу, где он рассказал, что под влиянием каких-то переживаний ему сразу пришла в голову мысль

расправиться с данным художественным произведением, что он немедленно и выполнил; при этом он говорил, что в жизни и так много крови, зачем ее еще фиксировать в художественных произведениях.

В сфере интеллекта наблюдаются менее важные нарушения: у больных появляются бредовые идеи, нередко идеи преследования, что они иногда и описывают в своих произведениях.

Один больной пишет врачу, надзирателям и окружающим его больным о том, что к нему все относились хорошо, но он болен уже 8 лет этой болезнью и ему думается что его хотят убить. Эта ни на чем не основанная мысль причиняет больному большое страдание, и он ищет случая покончить жизнь самоубийством. Другая больная с бредом преследования; она так пишет в своей длинной записке: „Со мной поступили ужасно, это было на станции Борки Рязанской ж. д., где я проживала с мужем два года. Нас истязали; сначала истязали мужа, который служил надсмотрщиком телеграфа. Заметила я то, что над нами издеваются в Великом посте, на последней неделе в 1914 г., в марте месяце. С мужем что-то делали, он уходил из дому на станцию, прибегал снова домой, останавливался, о чем-то думал, что-то хотел сообразить, но не мог, брался за какую-нибудь работу, которая ему была не нужна, забывая о службе. Я замечала, что на него идет стороннее влияние. Влияли, вероятно, по аппарату или сгущенным воздухом или электричеством на темя головы или же на все тело, частично останавливая деятельность мозга, устраивая ломоту костей, обжигая руки и ноги и устраивая колотье в груди и спине", и т. д. Длинная жалоба заполнена теми воздействиями, которые больной казались действительными.

Больной фельдшер пишет: „Покорнейше прошу Вас, доктор, избавить меня от нечеловеческого образа действия лечение, отравлении газами или же отравление опием эти масляные бумаги благодаря моему исхуданию не дают мне достаточного количества питания; (больному ставили компрессы, употребляя вместо клеенки масляную бумагу). Кроме того сонному сверху или снизу бросают такие „кувильки", которые вызывают горение, сегодня ночью, получил даже ожог верхней губы; всеми действиями глумление настолько уничтожают мое здоровье, что трудно Доктор описать, говорят снизу и верху, что такой доктор умер какой отвечал на просьбы и заявления это такая, Доктор, вопиющая несправедливость, о какой и говорить нечего," и т. д. в том же направлении.

Больная с бредом преследования начинает свою тетрадь следующими словами: „Я требую арестовать (следует фамилия одного из профессоров) что сестра понимала, что происходит (он обязан ей объяснить, что он понимает). Он все знал и ей не сказал. Пользуется тем, что я не могу выразиться. Выразить записать на бумагу, продолжает мошенничать. Такой-то должен застрелиться преступник-убийца 200 человек. Когда он застрелится, тогда я сама собой умру. Я абсолютно говорить не могу (повторено несколько раз)". Больная вплела в бред одного из профессоров и считала, что он является виновником ее болезни.

Этой болезни свойственный идеи величия. Больной, крестьянин по происхождению, вообразил, что он бог-отец, и раздавал благословения, часто в письменной форме. Иногда писал в виде рапорта, например г: „рапорт Мороза Ангел я Исус Христос который состою Мать Щедрот называюсь Андреем фамилия Мороз. Но объясню я вам что я бог больше других богов нет Во всем свете и я объявляю вам другой год. Доношу вам господа начальство и люди, что меня, Бога Отца Христа Андрея висма Обидели в этом Году спалили деревню и жену Детей выгнали по полю и по деревням и полесу Хорошо как было им трудно то я и Бог, не хотел бы этого описать". Такие рапорты и благословения он писал в большом количестве. В писаниях этих больных не всегда легко разобраться, так

как они иногда пишут оригинальным способом или же пишут так, что в смысл их проникнуть очень трудно.

Больной писал в перемежку по-латыни и по-французски:

„Вода Aquae destillat

(eau) ou 0-f-H2 = 18.

Дождевая eau — очень чистая = а если набр. с крыш = то надо фильтровать, через бумажную фильтру, или гигроскопическую вату).

Еще можно приготовить Aque destillat другим путем.

Охлаждения пора, то же не мешает профильтровать = соль. NatrHm chloratum (on sel de cussin) CI = 35 -f-NaOH = 40 делается посредст. химии".

Далее идет бессвязность.

Это писал больной, фармацевтический ученик. Иногда больные произносят одни и те же слова, что известно под именем персеверации, так, например: один больной с утра до вечера, в течение нескольких месяцев, говорил одну и ту же фразу: „Борух Спиноза жив остался, остался жив Борух Спиноза". Один из больных озаглавил свое произведение: „Обсурды", сводящиеся к следующему: „над логикой логика, логика над логикой, под логикой логика, логика под логикой, над логикой логика, под логикой логика, под логикой логика, под логикой логика и т. д. до математичного предела (соединения) соблюдая однако логическую последовательность, иначе может захватить анархия духа. Кто разгадает это тот постигнет тайну философского камня".

Такие заявления подают часто и люди с высшим образованием. Вот, например, врач пишет так: „Поступленье в лечебницу 15-го мая 1915 г. произошло по недоразумению и болезненному состоянию и недоумению лиц, допустивших наглый произвол в отношении меня (свод уложений о наказаньях по Таганцеву, с предусмотрением статей расписания болезней). Врач 10-го медицинского района и его лечебниц Оренбургских, Казацких войск, Оренбургской губернии, действительный статский советник. Следует справка, примечание. Роспись в чинах не по выслуге лет, а по занимаемым должностям".

Еще больной писал: „Вася Сергеев Шустров танцор Филон спитербург Питер Панфил Осипов Филон 1895 г. Гармонь на гармони 5 гармонь гармония петух грамотух медведь на гармонь Васина". Данные писания характеризуют особенность речи, присущую данному заболеванию. Иногда, только на основании этого симптома, можно поставить точный диагноз, потому что речь данных больных нередко построена грамматически правильно, но не имеет никакого смысла. Врач, о котором шла речь выше, однажды заявил мне: „При рождении в миллион человек в день не успеешь сделать одному ванну". Предложение грамматически правильно построенное, но оно не имеет смысла. Речь этих больных часто характеризуется замещениями, когда одно понятие заменяется другим, а также и сгущениями, когда несколько слов соединяются в одно. При этой болезни очень страдает осмысление, которое характеризуется тем, что больной, при предложенье ему, например, описать картину, перечисляет подробности, не связывая их между собой. Также страдают и комбинаторные способности. Если больным предлагаются задачи на выявление данных способностей, то больные часто удовлетворяются неправильным результатом. У них быстро наступает утомляемость; память, обычно, сохраняется, внимание активное, иногда

понижено, пассивное же иногда обострено; ориентировка в окружающей действительности чаще сохранена, но в период иллюзий и галлюцинаций нарушается. Больные часто делают нелепые выводы, не смущающие их, что доказывает нарушение критики. Идеи довольно бедны, и те продукции, которые имеются у нас в распоряжении, свидетельствуют об отсутствии глубины творческого процесса. Студент, памятная книжка которого имеется в нашем распоряжении, записал в ней некоторые мысли; так, например, под заглавием „Закон Природы", он пишет: „чтобы прилить кровь в голову, надо втянуть в себя носом воздух и остановить дыхание, надувшись животом, при закрытом рте и надуваньи щек; в то же время, сделав подбородок, надувать живот при закрытом рте. Это и есть секрет здоровья, Система Александра Ивановича начальника 10-го участка служебного пути. Этот секрет сообщен мне 28-го февраля. Сообщен мною моей квартирной хозяйке такой-то. Система Карла Карловича. Система свободных движений всех частей тела, рук, ног и туловища, без малейшей напряженности ходить совершенно прямо. Голову носить прямо, и ни взад и не вперед; головою мотать тихо, как лошадь; по сторонам очень осторожно поворачивать. Система Феофилова: держать голову прямо, а вправо и влево голову поворачивать только на малейший угол, а глазами, если надо, то косить по сторонам. Моя система: так как от встречи скрещиваются взгляды людей, теряется электрическая энергия глаз, то, ввиду этого, когда ты идешь по улице, или разговариваешь лицом к лицу, или идешь тротуаром города и встречаешь на пути разношерстную толпу, то надо взгляд глаз направлять в уровень рта людей, то есть найти известную линию взгляда. Почему животные не обладают умом? Потому что весь магнитизм у них уходит на силу мышц. Почему они ходят в горизонтальном положении. Когда голова опускается на грудь то слезы увеличиваются и рот закрывается; когда голова поднимается, то слезы уменьшаются и голос увеличивается; а следовательно система Симеона Лаврентьиевича верна; он заика и когда начинает говорить, то, заикаясь, голову опускает вниз, а говорит, то поднимает голову".

Другой больной написал curriculum vitae, в котором проявляется большая замкнутость; он хочет рассказать о своей болезни, но говорит в столь туманных выражениях, что составить понятие о его внутренних переживаниях является делом весьма трудным.

Больной молодой человек, пишет стихи следующего содержания:

„гром победы раздавайся. Приуныл ты, храбрый Росс, но германец не сдается, в тылу врага идет смятенье, мы не рады тому, что сами в недоуменье. Вы люди совесть потеряли и теперь хотите мстить, сохраните вы скрижали" и т. д. Бедность мысли выражается также стереотипными произведениями: больные иногда в течение долгого времени или рисуют или пишут все одно и то же ежедневно.

После нескольких приступов болезни интересы больных иногда падают до минимума, и у них отмечается большая замкнутость, выражающаяся тем, что больные не делятся своими внутренними переживаниями, а на все расспросы дают формальные ответы, не стоящие в связи с интересами больного. В дальнейшем у больных появляется особое состояние, известное под именем аутизма; это состояние заключается в том, что больные как бы порывают всякую связь с действительной жизнью и уходят в мир миражей и грез; действительная жизнь перестает привлекать больных, их внутренние переживания теряют связь с реальной действительностью. Больной может думать очень много, но все его думы не имеют решительно никакой реальной почвы; он живет в мечтах, он строит воздушные замки, он уходит из действительной жизни.

Очень часто больные понуждаются к творчеству, но так как больной считает свои переживания крайне интимными, то он свою творческую продукцию старается затушевать

так, чтобы стороннее лицо не проникло в ее содержание. Для этого больные выдумывают особые буквы, при помощи которых стремятся зашифровать внутренний смысл своего творчества. Примеры будут приведены ниже.

Зашифровывание смысла может все более и более углубляться и, несмотря на то, что больной пользуется буквами известного алфавита, он комбинирует последние так, что проникнуть в смысл написанного не представляется возможным. Для примера приводится снимок с одного из таких писаний, автор которого представлял себя не тем лицом, каковым он являлся на самом деле. (См. рис. 3).

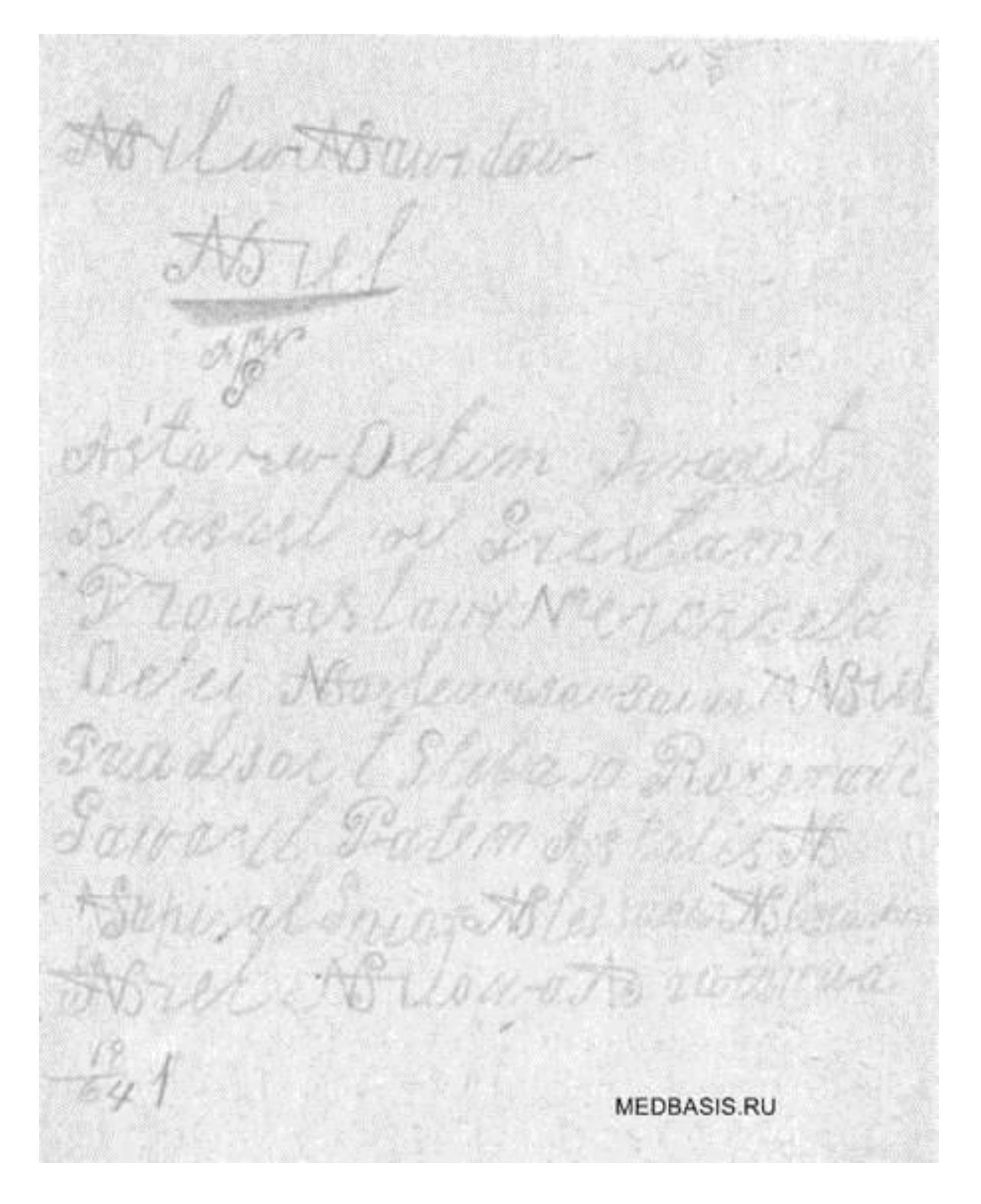


Рис. 3

Некоторые больные исписывают целые тетради стереотипным почерком, в смысл которого невозможно проникнуть. Творческая фантазия у больных богата, но она не имеет реального значения. Эстетика значительно страдает.

В сфере движений у больных наблюдается негативизм, заключающийся в том, что больные производят не те движения, о которых их просят, а противоположные; то же отмечается и в речи больного, когда он дает ответы не по существу предлагаемого вопроса. Стереотипия наблюдается в писаниях и рисунках, она же наблюдается и в

двигательной сфере, когда больной изо дня в день производит одно и то же движение. Иногда у больных наблюдается восковая гибкость, дающая возможность больному сохранить неопределенно долгое время неудобно-созданную позу. Поступки больных нередко имеют театральный характер, так как их позы носят отпечаток незаконченности,

как будто больной живет в недействительной жизни, а играет на сцене. Иногда больные не произносят ни одного слова, и все вопросы, обращенные к ним, остаются без ответа. Личность больного иногда значительно изменяется.

Творчество и писание

Душевнобольные творят по тем же законам, как и здоровые люди, но на их творчество налагаются симптомы того заболевания, которое присуще данному больному. Раннее слабоумие, описанное выше, характеризуется определенными симптомами. Эти симптомы накладывают отпечаток на творчество больных, и разгадку в творчестве их нужно искать в тех симптомах, которыми данная болезнь в данное время проявляется.

Переходя к образцам данного творчества, разберем писания, которые имеются в нашем распоряжении в большом количестве. Прежде всего, больные очень часто пишут письма, при чем в этих письмах они, обычно, просят родственников взять их из больницы и всегда считают, что они здоровы, думая, что держат их в больнице понапрасну.

Некоторые больные пишут дневники, но эти дневники не представляют почти никакого интереса, так как больные считают свои переживания настолько интимными, что редко делятся ими с окружающими. Поэтому дневники таких больных носят формальный характер, и по ним нельзя проникнуть в психическое содержание больного.

Больше интереса представляют сочинения больных в виде прозы или стихов. В этих произведениях уже явно выражается творчество, сопровождающееся нередко различными украшениями, которыми больные снабжают свои произведения.

Больная девушка, окончившая институт, очень часто просила бумагу и, обычно, при этом просила дать что-нибудь такое, с чего она могла бы или списать или срисовать. Ее творчество не распространялось настолько, чтобы она могла сделать что-либо оригинальное. Вот записка, которая в значительной мере дает понятие о творчестве, присущем данной болезни. Обычно, она переписывала знакомые стихи и украшала эти записи какими-нибудь незатейливыми виньетками. (Рис. 2).

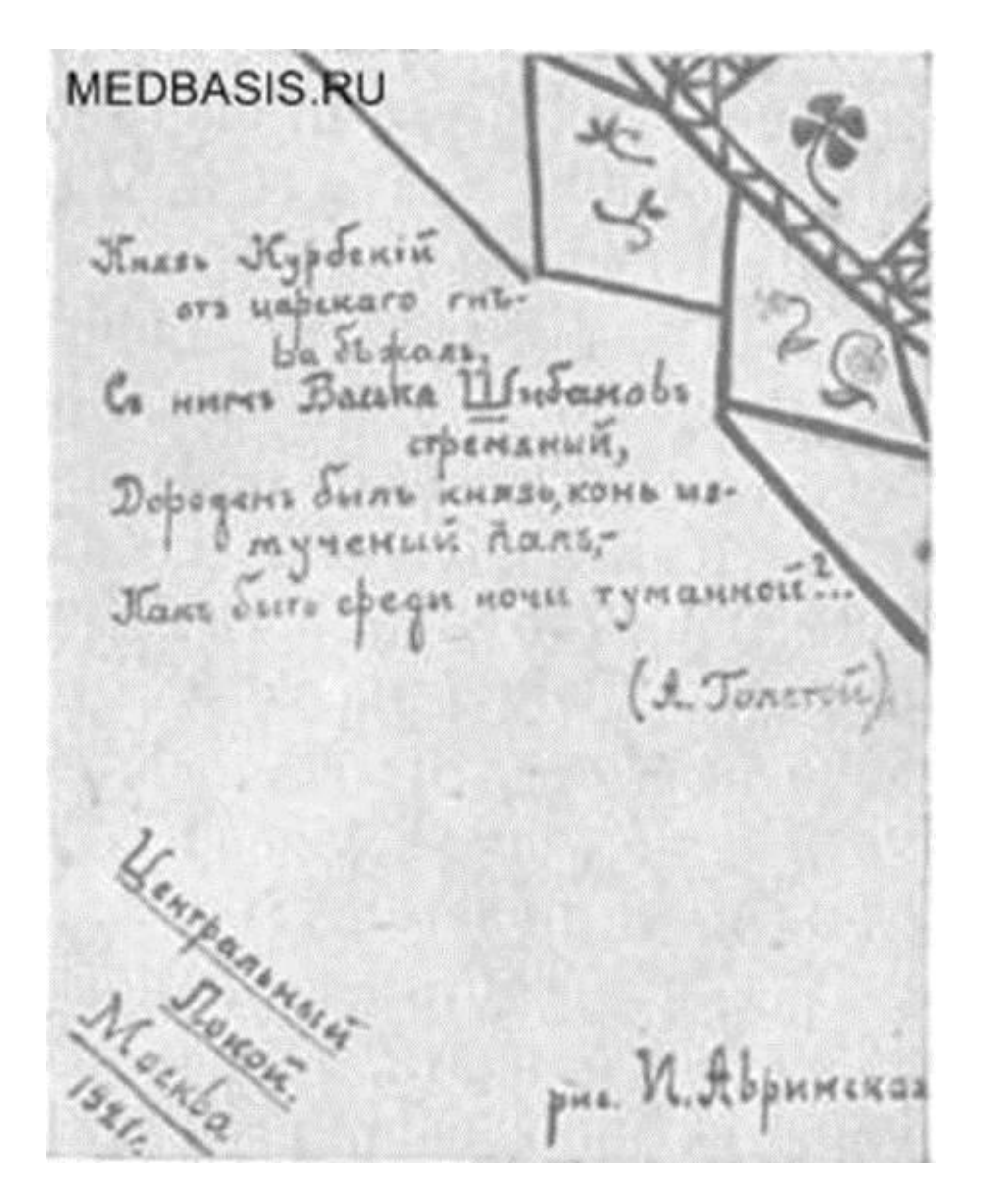


Рис. 2

Еще больной, казак по происхождению, также вспоминал стихи раннего периода. Часто эти стихи он помнил не целиком, и сопровождал их, обычно, объяснительной запиской: по какому поводу он эти стихи учил и сколько он из них помнит.

Стих № 2.

„В кругу облаков, высоко

Чернокрылый воробей,

Трепеща и одиноко,

Парит быстро над землей;

Он летит ночной порой,

Лунным светом освещенный

И, ничем неудрученный,

Все он видит под собой.

Гордый, хищный, разъяренный

И летая словно тень.

Глаза светятся, как день.

В след несется ястреб жадный.

Воробей тому счастливый,

Улетая в дальность прочь...

Но ведь ястреб быстрокрылый

Увидит его небось.

Его мелких крыл журчанье

Нарушает тишину.

Ястреб носится отчайно,

Но не найдет путь к нему.

Сколько же осталась фут

Пролететь и где заснуть

Ему придется наедине.

В лесу ль.

В роскошной ли долине

Увы, придется ль отдохнуть?

1890 — 1907 г.

Стих под № 2 есть вечный враг стиха под № 1. Этот враг выражается в следующем: он не имеет непосредственной причины, откуда возникают внешние источники движения продукта мозга и крови, следовательно, и стиха; а главное, он имеет прямо обратное направление движения, встречное направлению движения стиха о коборде; он не публичен, не задуман ни с чем и ни с кем не объединен, он появился и проявился неожиданно, с желанием быть проявленным, на бумагу записанным; он внутренний,

замкнутый, неизвестный ни с какой точки. Если он во мне, а я в пространстве; если, следовательно, не может не иметь косвенности с внешностью, какая влияла на мой организм, то этакая законность подлежит другому вопросу, который не подлежит помещению в эту тетрадь, вследствие требования большого распространения о себе, а такие требования опасны даже, в силу всего окружающего, природного явления кругом моего организма, значит опасны для моего организма при его настоящей, прошедшей и будущей явственности, наличности. Опасность такую же определяет во всех временах и самый стих под № 2 в противоположность стиха под № 7, потому что последний уже известен в этой тетради. Чем не осложняется эта опасность для такого явления, как воля какая бы то ни была, которому законом фактическим служит не что-либо вещественное, отражающееся от вещества органического или неорганического, а неизвестность одна, которая никому и никогда не нужна, потому что она неизвестность, ни для опасного или неопасного, ни для чего другого и раз неизвестная материя, то и опасного для нее не может ничего, никогда и ни откуда быть. Мой организм, воля могут нуждаться в боязни, не боязни, но как в этом может нуждаться стих в его отвлеченном, отрожденном роде, потому воля, инстинкт без стиха имеет законы обходить, избегать опасности и если они в безвыходности, то они знают о том, в чем и стих не поможет. Между тем появляется стих так это не равное, обыкновенное, прирожденное, человеку, его бессознательной воле соразмерение, сопоставление, само нахождение себя самое и устранение и приобретение чего полезного или неполезного, влекущего через кратчайший путь ко всякой скорейшей развязке, а непременно секущее, прыгающее, не имевшее никогда достижения к цели успеха уже в самом основном зачатке своего рода: и в полагаемых плодах, рождающихся от этого зачатка в тех стихах и молитвах, национализме, психиотризме, скромности, терпении, церкви, во всех таинствах существующих вокруг человека, одним словом — в глубочайшем корне гуманитарности; и так как же надо говорить, пророческое чувство не знало о том спасении, о той самой опасности, какую само оно считало опасностью. Это пророческое чувство. Если же посчитать, что органический мир моего организма в совокупности духовного с телесным в своей микроорганической видимости вело войну между собою; производило погоню между элементаризмом своего разнородного вещества то зачем же воробей предполагает отдых, спасение так как он уже съеден, переварен, и следовательно вечен и тогда когда микроб-ястреб съест его. В ястребиной крови, в ястребином сознании невольном ему удобнее присвоение, привольнее, и так ему и отдыха не нужно ибо ястреб будет носить его по моему организму и он будет сознавать свою летательную врожденность. Поглощать одним родом вещества другой род вещества есть свойство природы и это свойство состоит в одном акте действия и всякий другой акт возникает тогда, когда на место поглощенного рода, следовательно более или менее слабого является другой; допустим, например, что я, мое сознание поглотило, уничтожило воробья, то должен явиться такой род, который угрожал бы самому мне, микроорганизму моей воли, крови, вещества. Зачем же является и не одно, например, воробьиное или ястребиное начало новому процессу, свойства естества, когда и одному такому началу не должно являться, потому что совершился акт действия свойства природы — я съел воробья и ястреба, а раз съел — уничтожил. Таким образом, тут является невменяемое ни во что и ничем неполезное свойство неестества природы, называющиеся не нормализмом, болезнью. Если же организм мой видел картину которую проявили, создали летящие один за другим воробей и ястреб, то запечатление в память мозговую, они так и остались бы запечатленными, как отражение, а не вещество и сознание мое, как человеческое, не нуждалось бы создавать из этого иллюзии, небылицы тем обыкновеннее и присвоенное своему роду что не являлось внешних наличных причин, источником.

И спешность стиха под № 1, могущая перейти заразой и послужить источником, причиной воле к проявлению стиха под № 2, в страдательной, косной или косвенной или касательной или другой какой форме также не вменима, инстинкт на деле испытал

неудачу, неполезность, следовательно, приобрел естество, закон неповторения производить движение в ту сторону где раз совершился опыт, после которого воля не пойдет в том же направлении так как к страданию можно только двигать, а не двигаться; и подобного рода опыт произошел; вся его проформа проявилась в стихе № 1 и очень сильно и тем вечное получило заключение, что организм мой был молод и служил хорошей почвой для того, чтобы хорошо упрочить в себе ту силу природы, какая живет в человеке и исходит от последнего через закон называющийся властью; такая власть жила в моих сверстниках, по воле и желанию которых моя воля создала стих о кобарде, стремясь этим подчинением услужением создать о себе понимание как о члене кружка товарищей, которые явно на словах обращались ко мне с надобностью своей невзрослой среды о составлении сочинений о битве русских с кабардинцами, увлекаясь и интересуясь также и при надобностях других являющихся среди игр ребячества, и запечатлеть ту неудачу, все те вредные для себя качества, которые жили тогда и фактически выразились в инстинктах товарищей, которые, как и я, не имели понятия о родах злобы и насмешки, которыми обыкновенно отплачивает человек человеку за труды, которые ни в чем не полезны, несмотря на это они очень толково исполнили свое назначение в отмщение за выполнение желаемого, требуемого и глубоко п во время длящееся нужный для этого срок они заставили тогда хорошо понять и отчасти усвоить, оценив поощрение и насмешку, следовательно, повышение и понижение самую твердость своей совести, понять, вкоренить в свой организм, как в разрыхленную почву, происшедший упомянутый выше опыт. Откуда же, однако, и для какой для меня цели проявился стих под № 2. Место где мгновенное желание этого стиха было жилище, сложенное из земли и жилое. В этом жилище жило бедное семейство, которое связано со мной родством. В хатке этого семейства я сидел. Я собрался уходить, но я тотчас спросил бумаги, чернила или карандаш и проявил стих в течение не более четверти часа и, видев как мой зять Иосиф Иванович положил мое „Бессмертное" детище за зеркало, висящее на стене, ушел. Тут не было тех предрассудков, рассуждений, избирательства, похвалы преждевременной, обещаний награды уважением от товарищей за то тому составит песню о битве русских с кабардинцами; восклицаний за то кто окажется способным на такое самодействие. Да и автор этой песни, во мне живущий, долго думал над этим тогда: сначала он и сам выразил общительную мысль на составление, потому что всех больше, по-видимому, заинтересовался битвой русских с кабардинцами, видя как товарищи ревностно проводят в своем кружке подражание войны, разделяясь на русских и кабардинцев. Прошло после этого времени 1—1/2 года; все эти действия повторялись все же но по-видимому, забылось главное всего прочтенного во многих книжечках, где указывается интереснейшее для молодости. Героизм, победа, самопожертвование за любимое существо; авторская воля моя усомнилась, не стали по¬вторять подобного рода ошибки и слепоту, от времени до времени поддерживаемая насмешкой товарищей над дру¬гими моими ошибками, упрекающей меня как составителя, а я видел, чувствовал, как тяготилась всем этим воля моя как старалась избегнуть такого составительства и вдруг, неожиданно, без раздумья бросила за зеркало себя самое. Итак, стих под № 2 есть вечный враг стиха под № 1, потому что направление движения воли его в ту же сторону, в которую направляется воля стиха под № 1, так это удовлетворить собою требованиям природы, ее желаниям, видеть перед собою себя самое, собою любоваться, удовлетворить одну из отраслей всей себя и т. д. Итак, направление параллельно в ту же сторону только очевидно, так что значит „Проявилось", а там кинулось в захолустность истратиться, исчезнуть, лишь бы не существовать не только в самом себе, в своей вечной неизвестности, но и нигде, окончательно нигде и так чтобы этим породить символ идущему времени, чтобы это время готово было через непонятность символизма к восприятию нового явления в себе самом и понятию, что таким явлением есть закон называвшийся исчезновением, потому что через посредство исчезновения совершается процесс вырождения — отсюда: воля сознавала явственно, что стих есть хотя неизвестное,

но несомненно что-то низшее, если никогда и не подчиненное закону знания, как нечто видимое в далеком будущем, то все-таки нужное, подлежащее искоренению обязательно потому что не принося плода этой человеческой воле мучит собою все качества человека, заставляя его собою, как наиболее сильною частью всего гуманизма быть мятежным а отсюда: бессильным, теряющим всякую надежду, всякую веру в свое видимое приобретение. И таким местом воля избрала точку на которой она находилась в момент появления стиха, а отсюда: стих дружен с волей, потому что появляется там, где хочет воля, а воля их теряется своей воли там где появляется стих, значит и самый стих сознает, что он вреден; теперь более понятно, что стих № 2 дружен со стихом № 1 только по своему имени, в сущности же имеет направление движения противное, обратное, враждебное. В заключение необходимо сказать, что врагом человечеству, а следовательно знанию есть стих род № 1, а другом знания является стих № 2, потому что явился в наихудшей точке стояния человека в пространстве, в точке, откуда, если и может, то не должен распространяться, где должен найти окончательное само исчезновение, и этим пропустить знание человека вперед... Но знание, знание. Бывает, видно, и то, что и человек, но знание, давая движение к возможности снова появляться перед собой таким друзьям, убивает себя самое".

Язык, каким написано объяснение, типичен для больного ранним слабоумием.

Другой больной пишет в стихах, озаглавленных „Почтенной полицейской Коллегии", следующие строки:

„Для вас мило лишь то, что не ваше

Ваше счастье в несчастьи других,

Искони это было и бяше

Вас любовь ваша губит самих.

Вели быть захотите свободным

Не по силам вам труд благородный

Так удел ваш рабами остаться

Червь не может на воздух подняться".

Ванька.

„Ну-ка Ванька

Ну-ка встанька

Ты проснися подымись

Ты России не изменишь

Тебе совесть говорит.

Если совесть изменить

То защитником не быть

Если совесть ты имеешь

То в России тебе жить".

Русь.

„Спеши и объединяйся

Ты единая ты Русь.

На защиту подымайся

И смотри не трусь.

Ты родная закалилась

В той борьбе неравных сил

Подымися размахнися

Развернися во всю ширь".

Первый приступ болезни сделал свое дело, он обесцветил творчество больного, оставив лишь побуждение к творчеству, выливающееся в мало приемлемую форму.

Больной комбинирует небольшое количество слов, большего от него ожидать уже нельзя.

Судьба.

„Какова бы ни была судьба каждого человека, но он всегда чувствует себя. Так, что каждый человек на что-то надеется, но нельзя создавать из него ложную надежду, а нужно его понимать по-своему. Будьте все не Александрами Македонскими, а будьте гражданами единой России, благодаря которой мы живем.

Что вы хотите сказать своими словами, своими песнями, вы хотите ими доказать свою храбрость но кто много поет тот боится смерти.

Хитрость нужна на войне, а не на земле. Кто хочет искать правды, тот пусть уйдет от людей, которые ему может быть дороги".

Совесть и пощада.

„Чтобы разобраться в вопросах, что такое преступление и наказание нужно считаться с совестью человека, который может быть в умственном отношении отстал от других и тем

самым принес для себя тяжкое бремя и для людей - Мы заражены предрассудками, которые должны стараться сами исправить, а не настаивать на силу, когда сила увидя, что мы именно исправляемся, должна дать нам пощаду и свою помощь. Это говорит голос совести словянской натуры или может быть братской.

Сила дает нам понять, что мы слишком самодеянны, но голос совести опять повторяет пощаду. Это говорит человек идущий не на казнь, а может быть в малом виде принести пользу.

Человек искренно раскаивающийся в своем поступке, но молчание его приняли за преступление. Во имя науки просьбу прошу исполнить отправить меня в такое место где бы я мог принести пользу своим небольшим знанием на благо всего лучшего за уважение к старшим не заносчивость, молчание; все для успеха хорошего начинания".

В рассуждениях, также как и в стихах скорее отмечается набор слов, чем смысл, что весьма характерно как для писания, так и для речи схизофреников.

Жизнь и смерть.

„Кто-то и когда-то сказал: человек это машина, только гораздо сложная, чем наши машины. Рассматривая строение человека можно видеть: у него есть двигатель это наш желудок, топливо это наша пища, пар это наша моча, ноги—это колеса движения, руки — это золотники и т. п. Уши измерительный аппарат количества фунтов пара, глаза водомерное стекло; когда у человека глаза слезятся это служит доказательством: у него много воды—надо подложить дров— пищи и работать головою.

Рассматривая сильные и сложные паровые машины — локомобили мы видим следующее устройство: он тоже имеет голову топку, кишка — это трубки, по которым проходит пар и вода движение и он может работать холодным и теплым паром — а у нас наоборот: трубы не являются проводниками теплоты, они засариваются нашей пищей и у нас нет столько силы. — Сила движения состоит из известного рода электризации и воды, является электризация.

До сих пор не открыто еще явление: что такое шаровидная молния и откуда она берется. — Мне приходилось массу читать о ней. Какие она творит непонятные чудеса. И при своем электр. она оставляет на теле человека следы и ученые нашли эти следы представляют из себя форму растения липы, а липа, мы знаем это дерево мягкое; поэтому и шаровидная молния мягкий шар из световых волн нашей лучистой материальной ткани воздуха и смерть происходит не от молнии, а от электризации воды и даже много приходилось читать, после грозы в воде находят много рыбы перебитой, т.-е. рыба от сильной электризации задыхается и не может жить и умирает; поэтому, когда человек задыхается он близок к смерти; у него получилась электризация... от сифилиса...

На земле мы знаем есть два государства первые производители искусства Америка — искусств, архитек. и Италия— искусств, музыки. В Америке есть горячие ключи „гейзеры" откуда по временам выбрасывается вода брызгами фонтана..." и т. д.

Больной предполагал, что он дает нечто ценное и оригинальное для биологических наук; он исписал на эту тему много тетрадей, но во всех его писаниях нет и тени действительного творчества; по всем тетрадям разбросаны мысли, часто не имеющие объединения; сравнения и сопоставления столь неприемлемы, что это всякому читающему бросается в глаза. Ранее мы говорили о том, что больные ранним слабоумием в области

слова являются плохими творцами, на что и указывают приведенные выше выдержки из их произведений.

Больной, считавший себя последователем Ибсена, дал несколько рукописей, которые он считал романами; первый роман, озаглавленный им „Жизнь и смерть", представляет из себя рассуждение, далеко не глубокомысленное. Далее, он написал большую поэму, озаглавленную им „Любовь". Эти произведения не блещут большими знаниями, изяществом слога и остротою мысли; данное явление, может быть, происходит потому, что, как было сказано выше, ранним слабоумием болеют люди в юношеском возрасте; обычно, они еще не успевают закончить своего образования и приобрести столько знаний, чтобы последние давали возможность больному хорошо ориентироваться в творческой работе. Но все же, рассматривая эти писания больных, в них можно выявить симптомы, свойственные данному заболеванию.

Больной, казак по происхождению, писал различные наказы и в одном месте описал галлюцинаторные переживания, клонящиеся к тому, что дед больного, давно умерший, являлся к нему ночью, ложился возле него, больной молча переживал ужас этого свидания.

У таких больных наблюдается замкнутость. Больные не делятся своими переживаниями не только со знакомыми, но и с близкими родственниками: очень часто такие больные лечатся у определенного врача, но и его не пускают в свой внутренний мир. Один молодой человек, давно лечившийся у меня, по-видимому, питал ко мне доверие и относился как будто мягко; я предложил ему описать начало его заболевания; он после нескольких настойчивых просьб взялся за перо. Больной уверял меня, что желает быть откровенным и на эту запись смотрит как на исповедь; но все же эта исповедь скорее формального характера, не впускающая в глубь психического содержания. Вот некоторые выдержки из описания болезни. Больной начинает так: „Пишу прежде о своих переживаниях; у меня был период тяжелого настроения от сознания своего одиночества; было желание бывать в обществе. Меня угнетало то, что я нахожусь один, говорил себе; если бы у меня были братья и сестры; через несколько лет, явилась мысль: если бы у меня были братья и сестры, я бы не дошел до такого состояния. Хотелось это кому-нибудь сказать. Одному своему товарищу говорил: вчера за целый день не сказал ни одного слова, это означало, что я ни с кем не виделся. Такие дни бывали праздником, потому что в будни бывал в гимназии, следовательно, среди товарищей, а дома занят работой, а после работы читал. Работа и чтенье занимали много времени. Больше всего времени стремился посвятить чтению Люблю гулять. В праздники не знал, куда девать время; приходилось от нечего делать ходить по улицам".

Это весьма характерное явление. Этот больной очень любил ходить по улицам. Он жил в переулках Пречистенки и пешком ходил к Крестовской заставе, оттуда по железной дороге верст за 10, откуда пешком возвращался домой, и эти расстояния были для него обычной прогулкой. Гулял всегда один. Но у больного бывало желание общения, о чем он и писал дальше: „Было желанье к кому-нибудь пойти; думал: к кому бы пойти? Пошел бы к товарищу, но вчера я был у него: к другому тоже по какой-нибудь причине невозможно, Такое состояние было кажется в 5, 6, 7, 8 классах". В данных словах проявляется уже не только замкнутость, но и негативизм, сводящийся к тому, что больному чего-то хочется, но у него нарождаются внутренние причины, мешающие ему выполнить данное желание, о чем и говорится в приведенных им словах: „С большим усилием, чувствуя какую-то неуверенность, поехал после окончания гимназии в именье, где должно было быть большое общество; чувствовал там сильную неловкость, благодаря неразговорчивости. Там был случай, к которому навязчиво возвращался. Хотел даже об этом рассказать

доктору". Опять характерное явление замкнутости; больной говорит о случае и хотел о нем поговорить с доктором, но не решился. В описании той болезни, которое он дал, замкнутость выявилась весьма ярко. Больной обращает внимание на себя и устанавливает следующее: „Меня угнетало, что я ем некрасиво". Через несколько строк он пишет: „Меня сердило то, что мне предлагали есть, если я хотел". Это ярко выраженный симптом негативизма: больной есть хочет, но когда ему предлагают осуществить это желание, то он сердится. В больницах очень часто служебный персонал упрашивает такого больного кушать, и это есть верный прием, чтобы больной не ел. В данном случае нужно поступить как раз наоборот: если больной отказывается от пищи, то необходимо принесенную еду молча поставить перед ним и отойти, не обращая на него никакого внимания. Принуждением и просьбами заставить больного есть почти невозможно. Через два года у больного появилось влечение к самоубийству: подробностей данных переживаний он не описывает, он дает только голый факт, что у него такие мысли и стремления были.

Нередко у таких больных появляется вычурность п очерка, которая соответствует вычурности и театральности движений, свойственных больному при данном заболевании. Если болезнь затягивается, то больной старается

как можно лучше скрыть свои мысли от окружающих. Но моменты творчества требуют от него проявления, реализации своих переживаний; тогда больной выдумывает или особый жаргон, или искажает буквы таким образом, что проникнуть в смысл написанного представляется иногда делом очень трудным, а иногда невозможным. Образец этого творчества как нельзя лучше доказывает данное положение (рис. 3). В дальнейшем больные употребляют вычурные выражения, которые также затушевывают смысл речи и написанных продукций. Вот, например, письмо одного больного, который пишет:

„Дорогая сестра Баку Астик... Прошу высокожелательн. прислужбы поступления на время срока окончания предстоящего кризиса. Поручитель вашего брата не здоровым лежа болевши он лечился кабы не супротивлять ваш взор сумаш. Моя дорогая целую в губы".

„Г-же Ксении Михайловне.

Надлежаще при сем доклад означаем сим провожате к сестре препроводите ль и. листы по указке вышеозначен¬ного поощряемость либо перевести из палаты в свиданье по говору с А. С. г. проф. Дружб. 2—7; 8—10; 11—12, 1—3; 5—6, по телефон, выписн. жалоб, удостов. Фальднер, контора и прил.

Добросовесть сожалеть просьба вопрос грандиозно серьезен. Скоро получу брата младш. на свидание на приезд из Баку или сестры по называем, контор, по числ. сл. мес. календ, адрес: по квартире доставку газеты с лишними справками. Посылок и багажа №№ 625, 729, 1256, 12576 по вокзал, сл".

Первое письмо больной пишет сестре в Баку, он просит чтобы его не лечили против желания. В следующем письме он просит направить его к сестре, предварительно переговорив по телефону с врачом. В третьем письме он выражает желание иметь свидание с братом или сестрой.

В данных письмах искажены слова, кроме того, последние комбинируются так, что трудно проникнуть в смысл написанного. Данное явление весьма характерно и имеет важное диагностическое значение.

Дальше у больного наступает разрыв ассоциационного аппарата, и он фотографически передает это состояние в своих произведениях, в смысл которых проникнуть невозможно. Вот больной, который написал письмо, снимок с конверта воспроизводится и лучше слов характеризует данное состояние (рис. 4).

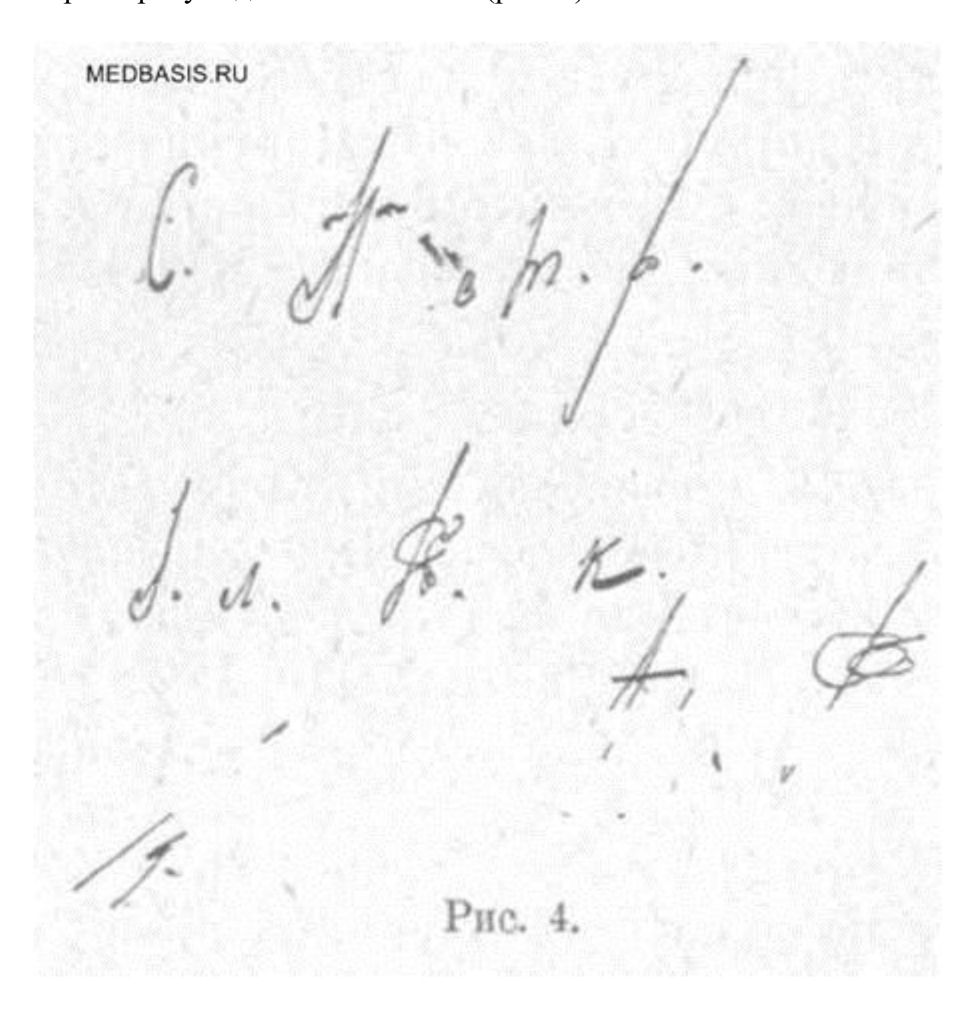


Рис. 4.

Как на писаниях больных, так и на их рисунках выявляются, примерно, те же симптомы, которые были описаны выше.

Разнообразные рисунки, вырабатываемые больными, можно классифицировать следующим образом: рисунки с не выявленными формами, изображения, не связанные по идее,, стереотипия, замкнутость (символика), разрыв ассоциационного аппарата.

Что касается не выявленных форм, то рисунки этого рода представляют собой неясно очерченные, не смелоположенные штрихи, которые трудно приспособить к какой-либо форме; на некоторой что больной, по-видимому, хотел изобразить здание, но из этих рисунков ничего законченного не вышло. Другие рисунки также представляют из себя сочетания штрихов с неясно выраженной формой. Они схожи с рисунками детей младшего возраста, которые, не выявляя формы, штрихуют бумагу. Некоторые больные, не довольствуясь карандашом, пользуются красками, но и в красочном рисунке также мало выявляется форма. Есть рисунки, изображающие или человеческую фигуру или что-нибудь иное в центре, а вокруг различные животные, цветы или другие предметы, не связанные между собой по идее. Некоторые из этих рисунков украшаются мелкими узорами; на некоторых из них смешивается профиль и en face, но все они примитивного характера. Имеются примитивно нарисованные цветы как карандашом, так и красками;

надо отметить, что больные ранним слабоумием, рисующие цветы и деревья, создают такие формы, которые производят впечатление мертвых растений.

Больные сравнительно охотно рисуют животных, но многие рисунки представляют собой животных странной формы, не встречающихся на самом деле.

Некоторые не заканчивают рисунка, довольствуясь том что получилось.

Больные ранним слабоумием дают нередко рисунки религиозного содержания, но в этой области также имеется только примитив, хотя некоторые из слабоумных, не стесняясь пропорциями формы, дают рисунки, интересные по замыслу, и украшают их различным орнаментом. Иногда больные рисуют виды, то робко карандашом, то пользуются красками.

Больные охотно рисуют фигуру человека, последнюю нарисовать очень трудно, но больные охотно берутся за выполнение этой сложной задачи. Карандашных и цветных рисунков на эту тему больше всего, и это свойство относится не только к больным ранним слабоумием, но и к больным другими душевными заболеваниями.

Но есть особенность в рисунке этих больных, которая присуща только данному заболеванию и никому другому; это так называемая стереотипия. Больные ранним слабоумием нередко в течение долгого времени ежедневно рисуют одни и те же фигуры, и каждый день от такого больного получается совершенно стереотипный рисунок. Стереотипия свойственна только раннему слабоумию, и если она не была обнаружена клиническим наблюдением, то ее легко выявить путем рисования. Как пример, приводится снимок, изображающий на бесконечном количестве листов лиственное дерево (рис 6).

Больной, написавший роман „Жизнь и смерть", дал несколько интересных рисунков символического характера, где он изображает одну и ту же форму, иногда карандашами, иногда красками, фигура неприятного характера, по-видимому, имела отношение к его галлюцинаторным переживаниям.

Один больной дал красками на развернутом листе многоглавого змия: внизу какое-то животное и человеческая фигура в красном плаще, по-видимому, олицетворяющая самого больного, держащего змия на руках (рис. 7).

Рис. 7

Одна больная, учительница по профессии, лежала в больнице сравнительно долго, и от нее получено большое количество тетрадей, частью исписанных, частью изрисованных. Больная облекала свои переживания в такую форму, которую трудно было расшифровать, потому что она употребляла или непонятный шрифт, или же выявляла свое психическое содержание при помощи красок, или писала такими буквами, что не всегда можно было проникнуть в содержание написанного. У нее было повышенное представление о своей личности, она считала себя княжной и прибавляла к своей фамилии — Долгорукая. Каждую новую тетрадь она начинала с молитвы, в конце концов она зашифровала эту молитву таким образом, что уже можно было только догадываться, что это та же самая молитва, которую она употребляла в каждой новой тетради. При рассмотрении этих тетрадей сразу бросается в глаза, что некоторые из них выполнены одной темной краской, а некоторые яркими красками — красного, голубого, зеленого и др. цветов. Это явление указывает так же, как и при других душевных заболеваниях, на то, что больному были свойственны два состояния: состояние депрессии и состояние экзальтации. Депрессия при всякой форме душевного заболевания характеризуется темными красками, экзальтация — всегда яркими красками. Больная так скрывала свое психическое содержание, что, рассматривая ее многочисленные тетради, очень трудно проникнуть в ее внутренний мир. Больная все время объяснялась символами, и этих символов накоплено большое количество. Для характеристики творчества данной больной, вследствие трудности воспроизведения, мы не приводим снимков, могущих лучше всего характеризовать без слов замысел, бывший у больной, который она осуществила на большом количестве рисунков, многие из последних сопровождались записями, указывающими на бредовые идеи, держащие больную в своей власти.

Символика у больных ранним слабоумием весьма распространена, так как она проистекает из симптомов самого заболевания. Ранее уже было сказано, что больные ранним слабоумием не делятся своими внутренними переживаниями ни с кем из своих близких, но все же у больных существует потребность творчества. Если они не могут делиться своим внутренним содержанием, то в творчестве они излагают эти переживания, зашифровывая их избранным ими способом. Если больной пишет, то он подбирает

соответствующий алфавит для того, чтобы не проникли в содержание его творчества, или комбинирует слова таким образом, что понять смысл написанного не представляется возможным, так как написанные фразы не имеют смысла. Точно такое же явление наблюдается и в красках. Символика — один из распространенных способов, при помощи которого человек проецирует во внешнюю среду свое внутреннее содержание, и этой символикой чаще всего пользуются больные ранним слабоумием.

Следующим периодом у больных ранним слабоумием будет разрыв ассоциационного аппарата, характеризующийся определенным рисунком. В 1911 —12 и 1913 г.г. мною были собраны рисунки у душевнобольных, выполненные по определенному трафарету, и этот способ обследования дал возможность получить такие рисунки, которые в свободном творчестве получить не удавалось. Эти рисунки по трафарету в высокой степени интересны; больной с расстройством ассоциационного аппарата дает весьма характерные рисунки в том случае, если ему предложен трафарет. Трафарет мы старались создать таким образом, чтобы рисунки строились, по возможности, из прямых линий; по-этому мы предлагали в качестве трафарета небольшой домик с тем, чтобы больной легко мог скопировать данный рисунок. Обычно больные, у которых ассоциационный аппарат не был задет, очень хорошо справлялись с предложенной задачей, больные же ранним слабоумием, у которых страдал ассоциационный аппарат, выполняли данную задачу своеобразно. Некоторые из них, рисуя домик, рисовали отдельно крышу и отдельно фасад; некоторые из них, очевидно, улавливая недостаток своего рисунка, зигзагообразной линией соединяли крышу с фасадом. У некоторых больных разрыв ассоциационного аппарата был очень высок и они совершенно не справлялись с предложенной задачей. Один из таких больных нарисовал отдельно незаконченный фасад дома, а в другой стороне бумажки нарисовал окна, несвязанные между собою и фасадом дома. Один из них нарисовал церковь, при чем фасад оказался в одном месте, а окна в другом. Еще больной нарисовал тоже церковь и один из куполов изобразил отдельно, а затем соединил этот отдельный купол с фасадом двумя линиями, получился очень вычурный рисунок (рис. 8 и 9).

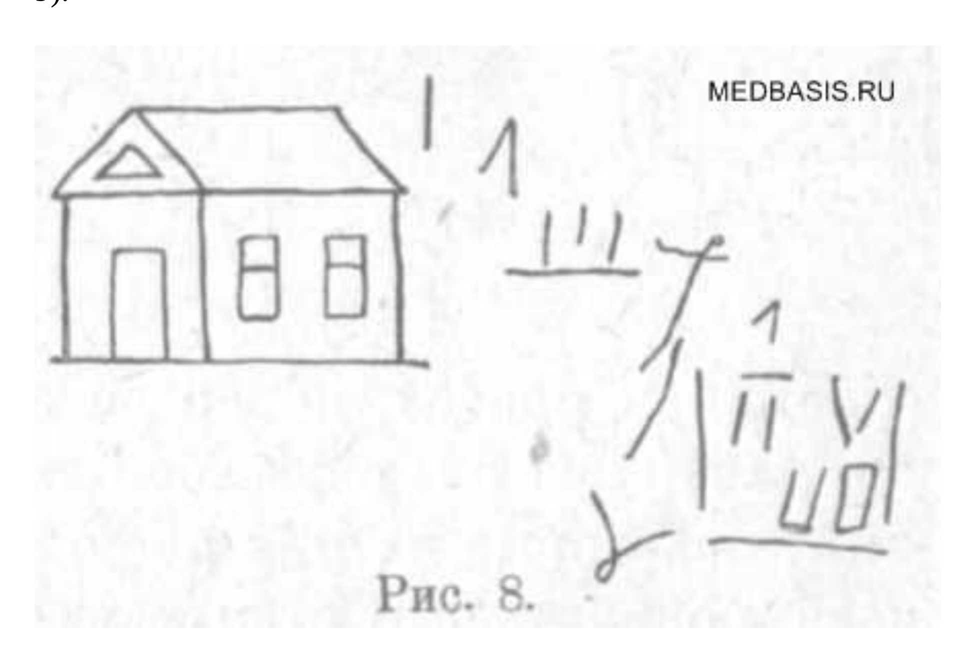


Рис. 8.

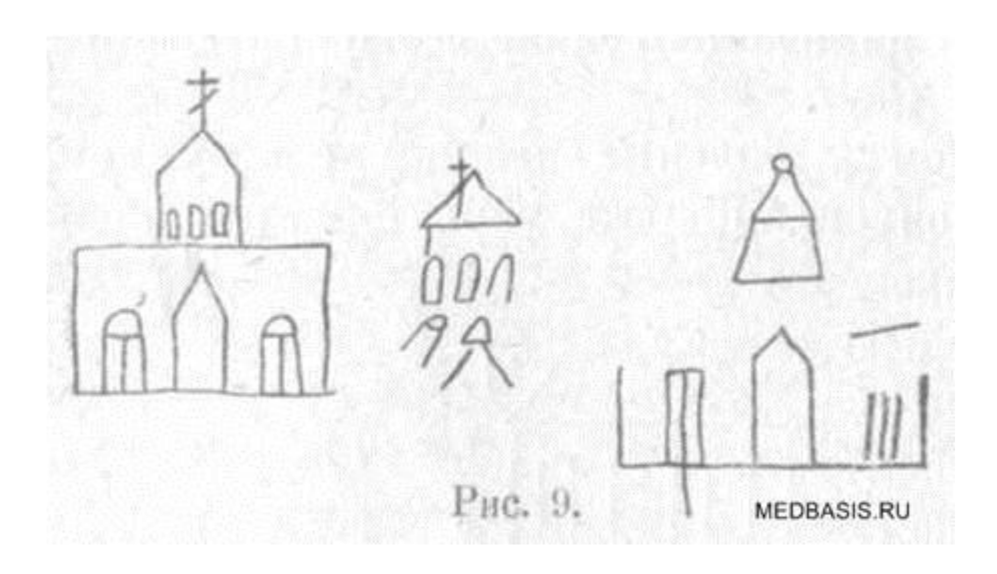


Рис. 9.

Может быть, вычурность этого рисунка можно связать с вычурными движениями, наблюдающимися у таких больных в двигательной сфере.

Больные ранним слабоумием иногда, перенеся один или несколько приступов, заканчивают свою болезнь и покидают стены больницы; некоторые из них не болеют больше настолько, чтобы вновь появляться в стенах лечебницы; некоторые из них приспособляются к жизни и умеют скрывать симптомы, присущие их болезни; многие даже поступают на службу и считаются аккуратными чиновниками, они хорошо выполняют возложенные на них обязанности, но не проявляют расширенного интереса и не вносят творчества в служебные функции, они остаются только хорошими исполнителями. Обычно они приходят раньше всех на службу, уходят после всех, что нравится их начальникам, а потому они, обыкновенно, хотя и мелкие чиновники, но состоят на хорошем счету у начальства.

У таких больных, живущих вне больницы, не бывает товарищей; они не вступают в общение с другими людьми и по окончании службы проводят время в одиночестве. У нас есть несколько таких больных, которые, встречаясь на улице, переходят на другую сторону. Если же больной заметил врача на таком расстоянии, что перейти на другую сторону уже невозможно, то он отворачивается к стене дома и проходит мимо него боком. Все это делается с целью, чтобы врач не остановил знакомого больного и не заговорил с ним. Когда симптомы болезни обостряются, то этот больной уже сам является к знакомому врачу, пользующемуся его доверием, и хотя не говорит о подробностях своего заболевания, но обращается с определенной просьбой о помощи. Это лучший исход болезни, но нередко такие больные переходят в стадий аутизма и отрываются от действительной жизни, проводя все время в мечтах, не имеющих никакой реальной почвы. Таких больных трудно или невозможно приспособить к какому-нибудь полезному и систематическому труду. Некоторые больные, не впадая в аутизм, все же теряют интерес к действительной жизни, и их тоже приспособить к какой-нибудь работе представляется весьма трудным делом. Чаще всего таких больных приспособляют к какому-нибудь физическому труду и, надо сказать, не без успеха. От опыта врача и внимания родственников зависит приучение больного к какому-нибудь систематическому труду. Необходимо это делать исподволь, но настойчиво и ежедневно. Необходимо заботиться о том, чтобы больной знал, что он делает полезное дело. Желательно, чтобы работа больного, по возможности, оплачивалась и тем создались бы условия уверенности больного, что он делает полезное дело и зарабатывает на свое содержание. Если умело и исподволь приучать больного к систематическому труду, то очень часто в этом не

приходится раскаиваться, так как затраченное время и энергия вполне оправдываются получаемыми результатами.

Если больной заболел своею болезнью по окончании учебного заведения и если болезнь закончилась, то он в пределах приобретенных знаний может вести работу; если же больной не успел завершить своего образования, то его надо приспособлять к какой-нибудь иной работе.

Очень многие больные ранним слабоумием имеют большую склонность к занятиям по искусству и успешнее и охотнее всего занимаются живописью. В этой области они могли бы создать, может быть, и новые формы.

Наиболее трудным занятием для выздоравливающих от раннего слабоумия лиц является наука, но и на научном поприще такие лица имеются. Но надо сказать, что они не создают ничего нового для науки. Тот курс, который они читают, они знают хорошо и владеют литературой в этой области.

Самым страшным является то, что после лиц, перенесших хотя бы один приступ данного заболевания, остается потомство, часть которого неизбежно болеет тою же болезнью, но, обычно, в более резкой форме. Мы знаем несколько профессоров и лиц других интеллигентных профессий, перенесших данное заболевание и приобретших потомство, но нам также известно, что не все их дети болеют данным заболеванием, и в этих случаях никакой закономерности, по-видимому, установить не удастся. В некоторых семьях болеют младшие дети, в некоторых болеют дети старшие по времени рождения. Нам ни разу не встречалась семья, в которой один из родителей болел данным недугом, и чтобы этот недуг не отразился на потомстве.

Мы сознательно не проводили параллелей между музейными художественными произведениями и творчеством схизо-фреников, а потому читателю необходимо самому разобраться в тех симптомах живописи, которую он наблюдает в действительной жизни, и сравнить ее с творчеством данной группы больных. В качестве наводящего материала мы просим иметь в виду символистов и беспредметников, а также помнить, что душевнобольные — не только те, которые находятся в стенах специальных лечебных заведений, бывают больные с явными признаками душевного расстройства, но они не вступают в конфликт с существующими юридическими нормами, поэтому не теряют ни правоспособности, ни дееспособности, меж тем механизм их мышления тождествен с механизмом мышления душевнобольных, что и отражается на творческих продукциях.

ГЛАВА III. ПРОГРЕССИВНЫЙ ПАРАЛИЧ

Творчество при прогрессивном параличе
Физические симптомы болезни

Физические симптомы болезни при прогрессивном параличе иногда очень ярко выражены. Иногда фигура больного сразу дает врачу представление о болезни, на лице его появляется отпечаток данного заболевания, выражающийся амимией. Игра лицевых мышц крайне разнообразна и облечь ее в слова весьма трудно; нами многое легко воспринимается, но трудно облекается в слова, так как язык наш крайне беден. Смотря на глаза, мы тоже находим яркие признаки, характеризующие данное заболевание: зрачки у больного бывают или сужены, или расширены, или неравномерны; обычно, в них отсутствует реакция на свет.

Очень рано расстраивается почерк больного, что выявляется пропусканием или неправильной перестановкою букв и слогов. Кроме того, в почерке буквы пишутся неровно, отмечается дрожание.

Очень характерные явления наблюдаются при этой болезни со стороны речи: больные говорят медленнее, чем говорили раньше, растягивают слога, а более трудные слова произносят с трудом, смазываются или же не выговариваются некоторые слоги. Почерк и речь больного по своим расстройствам весьма схожи. В мозгу больных наблюдаются значительные анатомические изменения. При вскрытии это выражается тем, что извилины мозга сглаживаются, серое вещество мозга истончается. При микроскопическом исследовании находят разрушение как в кровеносных сосудах, так и в проводниках, и в самых мозговых клетках. Причиной болезни является lues; последний вызывается бледной спирохетой; продукты инфекции могут быть отысканы как в крови, так и в спинномозговой жидкости, при помощи реакции Вассермана.

Психические явления

Прогрессивный паралич можно разделить на 4 периода: 1 период нейрастенический, при котором расстраивается внимание, понижается работоспособность, а также появляется неправильная психическая реакция, выражающаяся тем, что на незначительные причины больной может очень остро реагировать, при чем этот стадий можно разделить на два периода: период депрессии и период экзальтации. Нейрастенический период может тянуться несколько лет, и болезнь переходит постепенно во второй период — бредовой, при котором и настроение больного, и его поведение в полной мере зависят от состояния экзальтации или депрессии. В состоянии депрессии больной пассивен, угнетен, у него появляются мрачные мысли. В период экзальтации настроение больного радужное, все он видит в розовом свете, неправильно оценивает свое болезненное состояние, и в это время присоединяются бредовые идеи величия. Вначале больной переоценивает свою личность, а потом уже считает себя не тем лицом, каким он является на самом деле, предполагает, что он очень богат и т. д. Данная болезнь неизлечима и неизбежно приводит больного к роковому концу. Природа как будто сама позаботилась о том, чтобы больной не чувствовал тяжести своего заболевания, она дала ему бредовые идеи, спасающие его от плохого настроения. В этот период иногда присоединяются и галлюцинации. Но независимо от тех симптомов, которыми сопровождается болезнь, у больного под влиянием внутренних причин может наступить ремиссия, выражающаяся в кажущемся

выздоровлении. Состояние ремиссии может продолжаться в течение нескольких месяцев, и затем больной вновь заболевает, что может повторяться несколько раз.

Следующим периодом болезни является слабоумие. В этом периоде резко ослабляется критика, соображение, память, комбинаторные способности и внимание; сознание, настроение и поведение зависят всецело от тех идей, которые преобладают в данное время. Обычно, пышный бред второго периода постепенно распадается, и от него остаются только клочки. Больной постепенно переходит в четвертый стадий—паралитический, в котором появляются контрактуры, параличи, пролежни и др. физические симптомы. Психическая же жизнь почти совершенно угасает, и больной представляет из себя лишь форму человека.

Творчество стоит в полной зависимости от периода заболевания. Нейрастенический период является самым лучшим в смысле творчества, потому что он мало отличается от здорового состояния. Многие больные, поступающие в больницу в конце этого периода, дают интересные образцы своего творчества.

Больной К., железнодорожный машинист, никогда не интересовавшийся стихами и не писавший их, неудержимо побуждался к творчеству, и листы бумаги, которые давались ему, он заполнял стихами, писал их довольно быстро; все они написаны почти без помарок. Вот образцы некоторых из его произведений

„Я совершено в вашей власти,

И жизнь моя у вас в руках;

Вы дадите вместо сласти,

Яд приятный в порошках;

После этого известно,

Ваших глазок не видать,

В могиле мне не будет тесно,

Я буду там спокойно спать.

Не буду слушать пьяный гул

Племянников своих разгул...

Наследство вызовет лишь смех,

В пылу разгула и потех.

Наследство откажу я вам

За поцелуй ваш в губки сочный

Конец стремленьям и мечтам,

И там же нет любви заочной.

Стих у дяди своего украл,

Когда он в больнице умирал.

Наследство доктор не отдал,

Теперь я нищим совсем стал.

Дядя мой совершеннейший дурак,

Каналья поступил не так.

Зря наследство отказал,

Жить без денег приказал.

Доктор отравил его каналью

И не помянул даже печалью".

К концу больной утомляется, а потому страдают и размер, и рифма.

Сияние во мраке.

„Не стремлюся быть поэтом;

Мрачно все на свете этом.

Жизни гнусные грехи

Не стремлюсь включать в стихи.

Везде, куда ни посмотрю:

Мрачно, грустно, прозаично.

Я Вас одну, одну люблю,

Пылко, страстно, безгранично.

Все остальное безразлично,

На свете этом прозаично.

Хотелось бы и мне

Найти сияние во мраке;

Проплыть по жизненной волне

И с нею не погибнуть в драке.

Скажу с печалью и не ложно,

Без вас все это невозможно:

В мрачном жизненном пути

Без вас сиянье не найти.

Вы пречудный идеал.

Для вдохновения поэта;

Я восхищенье восприял,

Увидевши сиянье света

Рисуя чудный силуэт,

Нахожу один ответ:

Милее вас на свете нет

Шлю восторженный привет,

Предвзятости в котором нет

И сохраняю в груди завет

Что вы во мраке чудный свет.

Везде сияющий идеал

Как моисеевский скрижал.

Любовь моя не изменима,

В ней нет предела и конца.

Как святость райского венца,

Она ничем неизмерима.

Бесконечна, как окружность;

От центра сердца не уйдет.

Час испытанья она ждет,

Чтоб освятить свою наружность

И доказать что и кристалл,

В сравненьи с ней не идеал.

Она так чисто бьется к вам,

Как пылкий к богу Авраам.

Стремяся к высшему блаженству,

К чертогу неба, совершенству,

Занес над сыном свой кинжал.

Чтоб сын любимый в жертву пал.

Так и моя любовь

С такою жертвою стремится,

Она ничуть не изменится

И не застынет в сердце кровь.

Моей любви границы нет:

Я люблю вас беспредельно.

Я не могу смотреть на свет

И на мир от вас отдельно.

Все это правда, не химеры,

Я вас люблю и больше меры.

От истины далека ложь,

Без вас минута не в терпеж.

Перешла любовь границу:

Я вижу в вас мою царицу...

Перешла и страсть предел:

Я от любви почти сгорел...

Сердце просится наружу:

Не застынет оно в стужу,

Пламенеет оно к вам:

Вам и жизнь мою отдам.

Клянусь душой моей больною,.

Ваш чудный милый взгляд,

Как обаяние наяд

Владеет страстно надо мною...

Без него я стону, ною

Грудь бушуется волною.

Как скрягу каждая монета

До жгучей радости прельщает,.

Как рай пророка Магомета

Движенье Ваше обольщает.

Взор улыбкою небесной

Излечит тяжкие мечты,

Бальзам целительно чудесный

Исполнен чудной красоты

Как богине красоты.

Чудной красоте Венеры,

Стремятся страстные мечты

Беспредельно и без меры.

Песнь моя еще не спета,

Я буду продолжать так:

Вы для меня сиянье света,

Вокруг же беспредельный мрак.

Мрак давно над мной витает:

Он душу, сердце растравляет...

Я к заключению приду:

Без вас сиянье не найду.

Любовь во мраке есть светило,

Когда бы сердце чисто было,

Но с грустию скажу вперед.

Никто такого не найдет.

Есть определенная случайность.

Питает сердце и добро,

Но это только чрезвычайность

Больше все приносит зло.

Мое же сердце как кристалл,

Бьется к Вам чистейшей кровью...

Вы мой волшебный идеал.

Я к Вам одной горю любовью.

И чисты сердца увлеченья

Без предела и сомненья.

Тяжесть грусти неприязно

В грудь забивается мою,

Я вас одну, однообразно,

С пылкой страстию люблю.

Что на свете сем бесспорно,

Скажу Вам истинный ответ,

Я люблю Вас не притворно,

Вы для меня сиянье свет.

О дайте же скорей ответ:

Я страдаю же невольно:

Жизнь полна мирских сует,

А с Вами быть везде привольно.

Влейте же любовь в сердечко,

Мрак освятите наконец,

Я предлагаю Вам колечко,

И стал бы с Вами под венец

И было бы сиянье света

В мрачном жизненном пути...

Какого ждать от Вас ответа.

Куда мне с мыслями идти.

****

Дорогая моя милка

Я люблю Вас очень пылко

Очень пылко и мятежно,

Очень страстно, очень нежно,

Неограниченно, прилежно,

Бесконечно и безбрежно,

Упоительно и нежно

И ничем неопределенно,

Прямо, стройно, однотонно,

Многогранно, многотонно

И ничем неопределенно

И решенью не деленно

Я люблю Вас многогранно

Монотонно, безгранично

Я люблю Вас страстно, гранно,

Очень пылко и прилично.

Я люблю Вас очень нежно,

Очень пылко и прилежно,

От Вас смерть мне неизбежна.

Потому что очень нежно.

Я люблю Вас без прикраски,

Хороши приятны глазки,

Это чудные лишь сказки,

И волшебные прикраски

Я люблю Вас не напрасно,

Но неограниченно ужасно

Не напрасно, не напрасно

Очень красно, очень красно.

Очень мило и прекрасно

Не напрасно, не напрасно

А ужасно и опасно.

Но приятно и негласно.

И опрятно и понятно

Очень пылко, очень внятно

От любви же вдохновенье,

Каждый раз и вне сомненья

В одно прекрасное мгновенье

Даст мне негу опьяненье

Мир мелодий появленье

Звуков чудных отраженье

Песнопенье, песнопенье

Восхищенье, восхищенье,

Впечатленье, впечатленье,

Без сомненья, без сомненья

Изображу на лире я

В пылу и страсти и огня

И жизнь свою кляня,

И виденье то виня

Прокляну тогда тебя,

Хоть и неограниченно любя,

К тебе стремлюсь я мятежно,

Бурно, пламенно безбрежно,

Неопределенно, бесконечно,

Неограниченно и вечно

Пылко страстно и сердечно,

Долго, долго не скоротечно".

В последнем стихотворении больной пользуется немногими словами, которые и повторяются в однообразных комбинациях. В это время его болезненное состояние резко ухудшилось.

Еще больной М. Этот больной поступил с более резкими симптомами проявления данного заболевания. Он начал с того, что написал несколько доносов на своего знакомого, по его мнению, укрывающегося от военной службы; спустя некоторое время, когда состояние его здоровья несколько улучшилось, он понял, что поступал неправильно, а потому и просил считать прежние его заявления недействительными, так как он их написал в состоянии „невменяемости". Он тоже является железнодорожным служащим, у него тоже был период творчества, проявлявшийся в написании ряда рассказов, образцы которых и приводятся.

Едем с облавой на волка и лисицу.

Лошадь подо мной арабской породы — стрелецкого Конно-Государственного завода.

Обложен: человечий след, по Дудникову балку; рядом, пеший охотник письмоводитель Начальника Дистанции, дорожный мастер, в Гарбе одиноко сидел доктор-акушер и сосал сигару, безучастно и пассивно относился к охоте; только изредка бросал свой взор на меня и что-нибудь шутил.

Начался гон по волку; поэтому я просил доктора сохранить тишину, гон шел на меня; собак держу на своре и центрального боя ружья наготове; конь фыркнул; за это я передернул удила и дал в бок плеть... Смирно скомандовал я и взглянул на доктора, который вместе с охотником взобрался на огромный дуб, я улыбнулся. Конь фыркнул и бросился в английском седле, — волк в сторону и чистое поле, по Дуднековской балке, я спустил собак; от выстрела сдержался и погнал за зверем, в 1/2 версте нагнал матерого волка с высунутым языком, собаки смело окружили: левая взяла первая за ухо зверя, я соскочил и вложил зверю мунштук и надел намордник, стреножил и положил в седло, поехал к главному виновнику охоты; он стоял на дрожках и увидев меня с радостью поздравил и, между прочим, заметил, что в хуторе Маслове нас ждут на Коледу".

Во всех написанных больным рассказах он играет главную роль, но это не действительность, а переоценка личности.

Больной — малограмотный железнодорожный служащий, поступил в больницу с значительным распадом интеллекта, а потому его творчество невысоко, но все же его влекло к писанию, и он давал то, что мог.

Бредовой период является также периодом творческим. Творчество этого периода характеризуется, как было сказано выше, переоценкой личности и бредовыми идеями величия. Вот некоторые образцы данных произведений.

“От великого до смешного один шаг.

Гений и безумие одно и то же.”

Обращение к Вечному и Великому духу Толстого.

Великий воплотитель Любви ко всякому дыханию. Гордость и слава своей родины. Ты много людям сделал добра, но то непостижимое для человеческого разума начало, которое интуитивно называют богом, дало Тебе не все. Под конец своей жизни земной, имея уже всемирную славу, Ты заболел не выгодной для временной жизни человека на земле душевной болезнью — манией опрощения. Счастье для людей, признавших в тебе гения, что ты заболел такою скромною болезнью; но мог заболеть и манией беспутства или распутства и такая болезнь есть. Тебе поверили бы, как гению, познавшему Истину, и ты бы принес еще больше вреда. Зачем ты русского гения обул в лапти. Между тем как американский гений является властелином всех земных благ, данных Богом для поддержания временной жизни на земле. Великая Россия не беднее Америки природными полезностями, которые необходимо превратить в ценности на удовлетворение потребностей, а для этого нужен труд— таже молитва. Бог любит молитву, да не такую, какую мы творим: Бог любит труд.— Святая Русь издревле славилась богатырями и всегда была богатырской, поэтому странно, как через столько сотен лет ее гений оказался в лаптях. (Лаптях) Искренне жаль.

Надо трудиться на благо и славу".

Он же:

„Из огня тот выйдет невредим,

Кто с вами день пробыть сумеет,

Подышит воздухом одним

И в нем рассудок уцелеет.

Эти слова подтверждаю через 101 год и имею право прибавить к своей фамилии имя бессмертного человека, переживаниями которого я жил всю сознательную жизнь, о чем войду с ходатайством в установленном законом порядке, всеподданнейшим ходатайством, о санкции Верховной Властью этой фамилии для моего потомства и моего многочисленного рода. И с полным убеждением говорю, что к этой фамилии через известные, более или менее длинные периоды будет прибавляться новая фамилия передового человека, который силою закона социальной капиллярности вынужден будет повторить слова Чацкого (этот закон интуитивно открыт мною — потрудитесь доказать, что он был известен раньше — на этом базируется расширение кругозора моего миропонимания)".

У больного яркий бред величия: он считает себя великим мыслителем, он претендует на фамилию знаменитого человека, потому, что сам себя считает знаменитым тоже, он уже лишен возможности точно оценивать факты действительной жизни, бред величия овладел им, и недалек момент, когда его личность потерпит новый ущерб и начнет

неудержимо распадаться, тогда и яркость бредовых идей начинает постепенно меркнуть.

Пышный бред величия разыгрывается у следующего больного, и он облекает его в формы, пленяющие его воображение. Он царь. Нужно добавить, что душевнобольные охотно считают себя царями, оно и понятно, так как бредовые идеи величия, обычно, выливаются в неприемлемые формы. Вот как он рассказывает о своем венчании.

„Церемониал Моего Венчания с Ее Императорским Высочеством Еленою Владимировною в первый день октября 1902 года.

В означенный день с десяти часов утра ко всем заставам г. Москвы отправить усиленный наряд жандармов и по 1 орудию батареи для того, чтобы в город более не имели возможности пройти Мои крестьяне из селения на Меня посмотреть и на Мою невесту. Я прекрасно знаю, что венчаться буду Я и Моя Невеста Ее Императорское Высочество Великая Княжна Елена Владимировна и что им нет никакой надобности знать как Я буду одет и как будет одета Моя Невеста. Кроме того Я вообще заметил, что они слишком ведут себя неприлично: бунтуют, поджигают дома помещиков, плохо слушают Начальство: Губернаторов, Губернских Предводителей Дворянства, Уездных Предводителей Дворянства, Вице-Губернаторов, Членов Суда, Прокуроров, их Товарищей, Судебных следователей, земских начальников, лиц, заседающих по воинскому присутствию, исправников, становых и урядников, так что против них нужно высылать войска. Поэтому Я их на свадьбу не приглашаю, как бы хотел вначале. А даю

им 33-летний срок владения теми землями, которыми они пользуются и с которых они не имеют право отлучаться без надобности, никогда, на прежних основаниях с взносом всех податей, оброки и всего по прежнему положению. Это первое. Затем Я извиняюсь перед Обществом Моим, что Я отвлекся от точных церемониальных Моих предначертаний. Одновременно с выездом жандармов и батарей назначить наряд полиции так же, как было в день Моего входа в Кремль во всех городах России. Затем собираться в Б. Императ. Кремлевском Дворце, всем имеющим приезд ко Двору I чинам Двора, церемонимейстерам и пр. по прежним церемониалам, котрые пойдут впереди Моей Невесты Ее Императорского Высочества В. К. Елены Владимировны с Ее родителями и братьями, которым быть в их форме парадной, в орденах. За ними последуют все Великие Князья по усмотрению Е. И. В. Вел. Кн. Алексея Александровича, затем мои шафера Е. И. В. В. К. Константин Константинович, Мои Товарищи по Министерству Общ. Работ С. И. Ельманов и Евг. Фед. Баянов-Богданов и Николай Владимирович Покатилло

с пажами. Затем шафера Моей Невесты Е. И. В. В. К, Дмитрий Константинович, Константин Николаевич Покатилов с супругою, Владимир Николаевич Покатилов с супругою, Е. И. В. В. К. Александр Михайлович с пажами и затем все Иностранные Представители Держав по усмотрению Министра Иностранных Дел, затем Супруга покойного Имп. Алекс. III и супруга ныне Госуд. преступника Александра Федоровна с сестрою только. Затем все офицеры всех гусарских полков, имея во главе Царскосельск. Моего Императорского Величества полка с его командирами.

Произвожу в полковники за храбрость Алекс. Генад. Львова. За ними до церкви все Кавалергардские, Кирасирские и Конно-Гренад. полки и их офицеры в церковь с обнаженными палашами. При чем для любопытных наряд полиции усиленный. Уланы, драгуны, артиллеристы с орудиями, казаки Донские, Черноморские, Сибирские и пр., Перлов-юкий полк в полном составе офицера в церковь направо от меня т.е. от возвышения во главе с Военным Министром К. И. Шуйским и Моим другом Алек. Павл. Макаровым".

Вышеприведенные примеры касались писаний больных, но больные выражают свои мысли и идеи не только писанием, но и красками и формами.

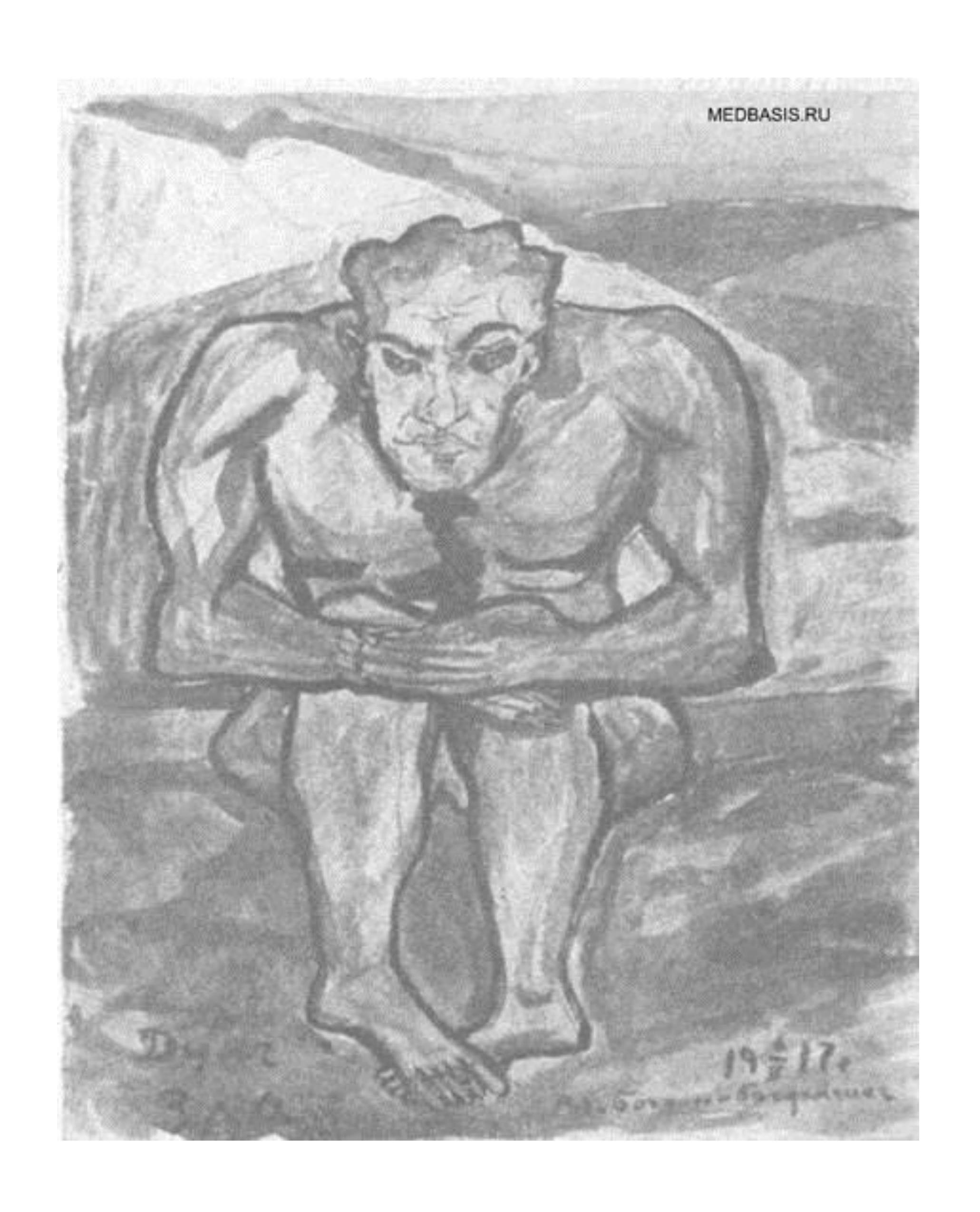
Больной, окончивший училище живописи, ваяния и зодчества, поступил в больницу в спутанном состоянии и в первые дни своего пребывания, несмотря на предложения, не рисовал, но через несколько дней, когда состояние его здоровья несколько улучшилось, он начал рисовать. Больной был в ажитированном состоянии, и это отражалось на его рисунке. Он рисовал, главным образом, движение. Вначале рисунок представлял из себя обычный примитив, выполненный им карандашей или одной, двумя красками. По этим рисункам нельзя судить, чтобы их рисовал человек, владеющий красками и кистью, ибо примитивность рисунка относится как к выполнению формы, так и к цветистости гаммы. Далее рисунок стал значительно улучшаться, и замысел и выполнение постепенно усложнялись. Этот же период расчленяется на две части: одна из них характеризуется темными красками и выражает депрессивное состояние больного. Постепенно усложняется как самый рисунок, так и его форма, а также изменяются и краски, которые приобретают более яркий колорит. В конце концов больной дает очень интересные образцы, свойственные экзальтации.

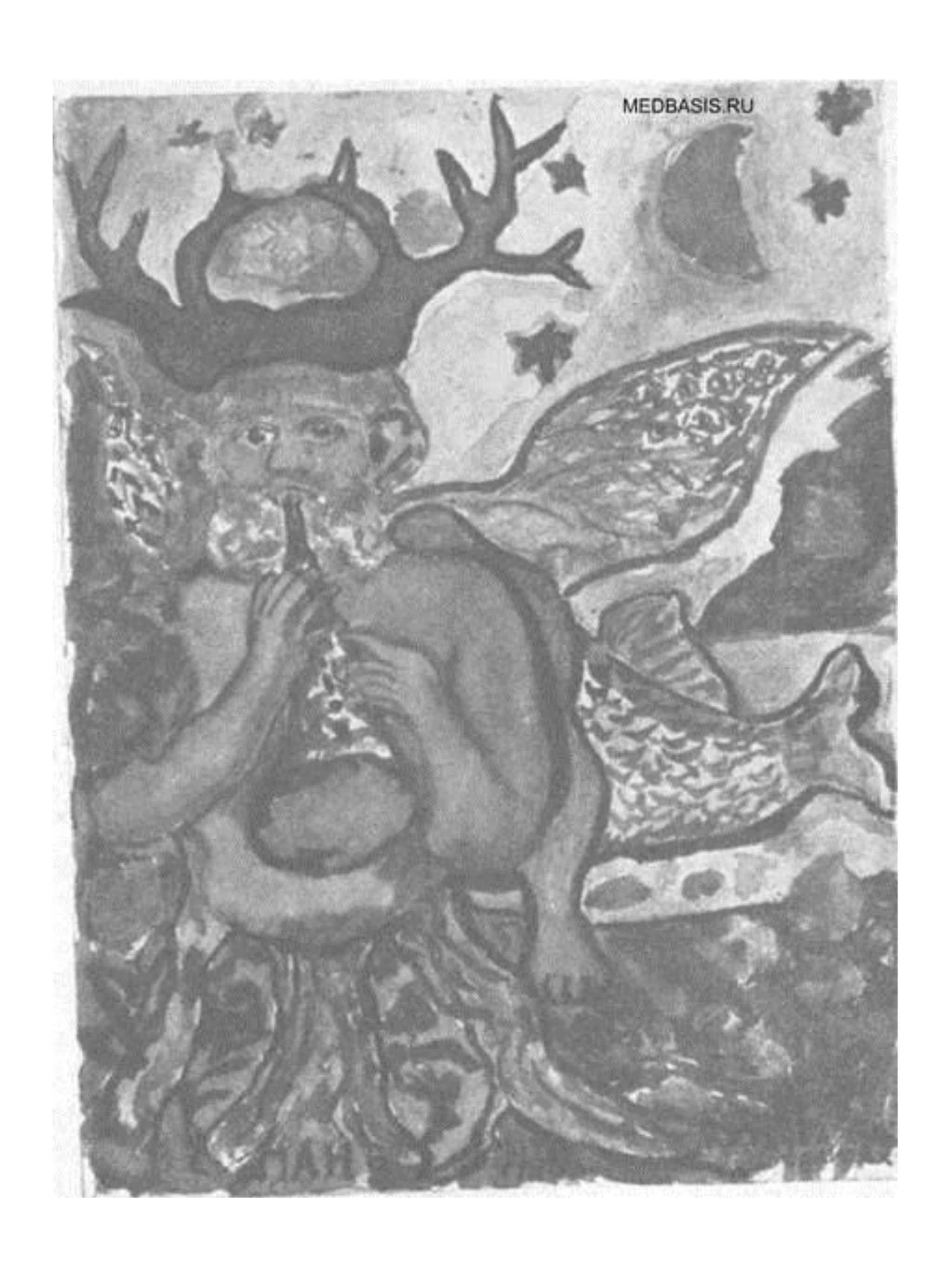
У больного несколько раз менялось настроение: он впадал то в состояние депрессии, то в состояние экзальтации, и всегда перемены в настроении одинаково отражались на его творчестве, в котором мрачные краски чередовались с яркими. Иногда больной впадал в игривое настроение, и он рисовал фигуры различных национальностей, здоровающихся

друг с другом. В период религиозных идей он, обычно, давал рисунки соответствующего содержания.

Очень часто больной рисовал животных, и по их выполнению можно было судить о состоянии его здоровья. Как далее больной переходит к изображению фигуры человека при чем начинает рисунок в виде примитива и пользуется почти одним красным карандашом. Потом он начинает пользоваться красками, но все же первые рисунки представляют из себя примитивы. В зависимости от улучшения его состояния улучшается и рисунок. В конце концов он доходит до очень интересных образцов, действительно характеризующих художника, владеющего кистью и красками. Рисунок, изображающий хоровод, отразил различные состояния больного; первый рисунок дан раньше, больной находился в плохом состоянии здоровья, 2-й рисунок написан в период ремиссии. К сожалению, первый рисунок по техническим соображениям не воспроизведен (табл. I, рис. 1).

Он же дал несколько рисунков, олицетворяющих сказку. (Рис. 12, 13, 14).


MEDBASIS.RU



Иногда больной впадал в эротическое состояние, тогда он давал рисунки соответствующего содержания.

Этот же больной в период ремиссии дал очень интересный рисунок (interieur).

Спустя некоторое время он дал рисунок, изображающий „грезы больного" (табл. II, рис. 1 и 2).

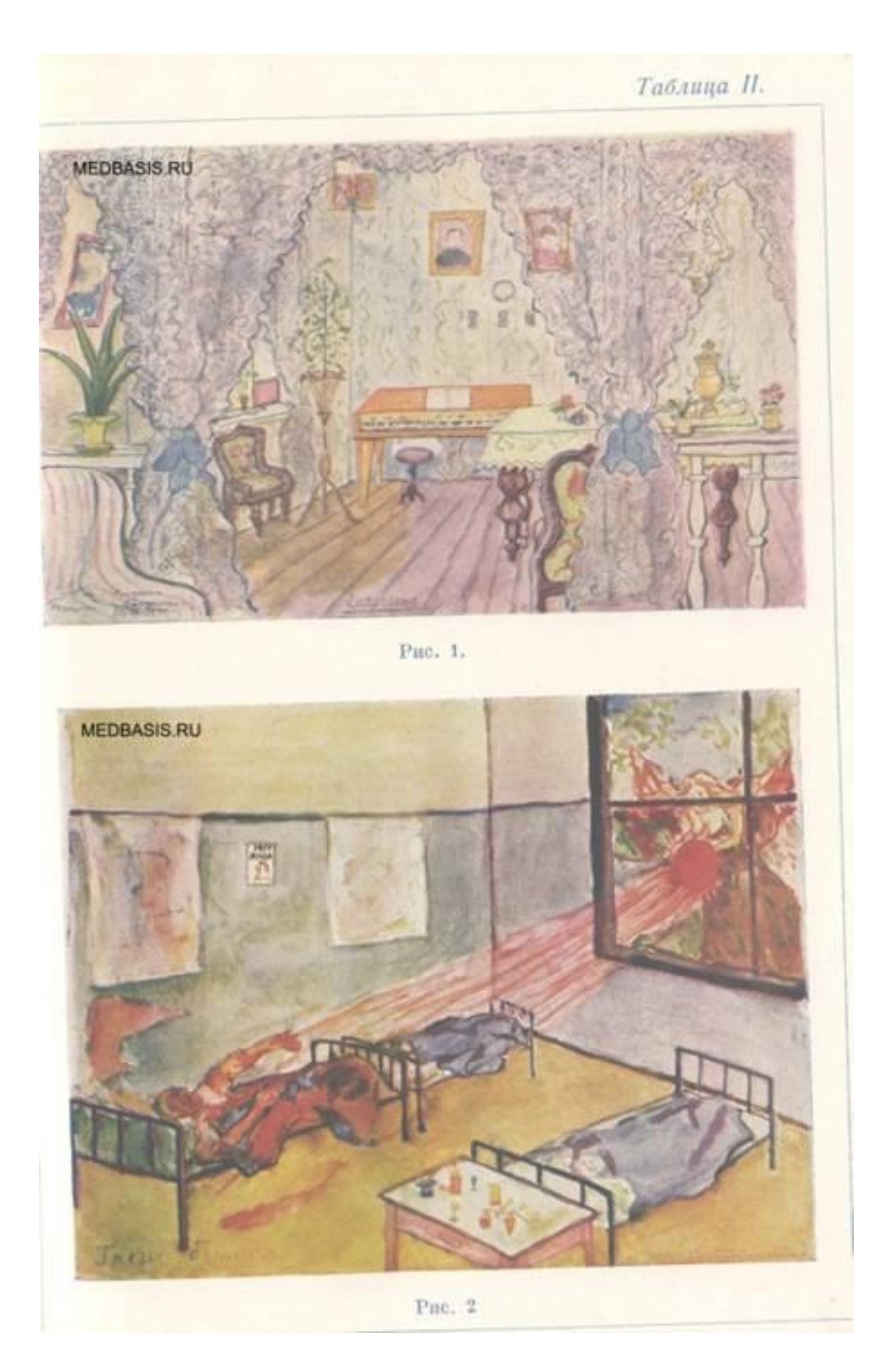
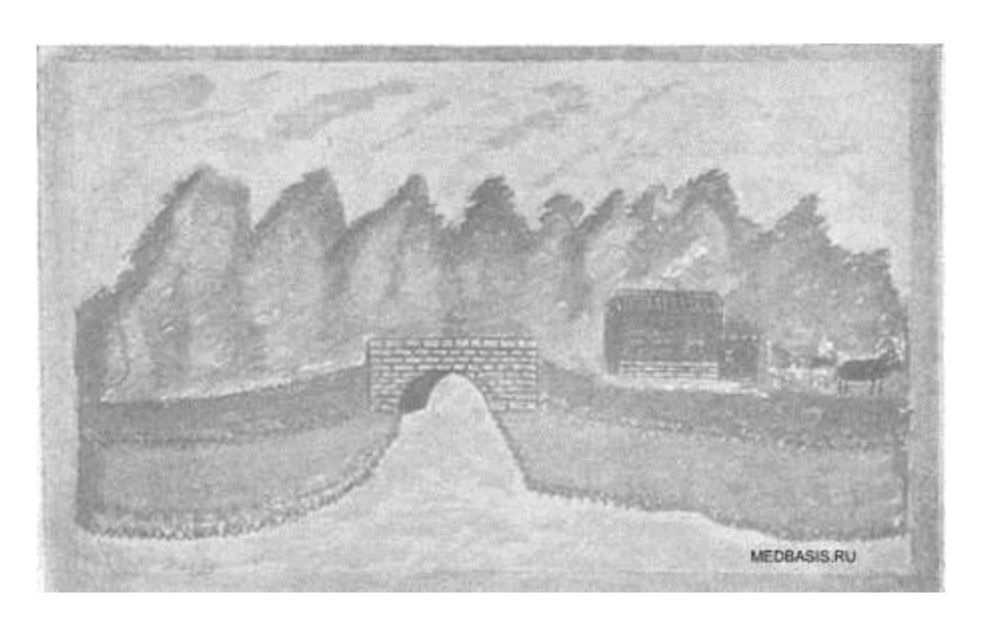


Рис. 1.

Рис. 2

Этот больной был очень плодовит, и на его рисунках можно проследить различные фазы его болезненного состояния.

Есть еще больной Г.— артист по профессии. Он поступил в период бреда, со значительным распадом личности. Его рисунки представляют значительно меньший интерес, так как он в большинстве их перерисовывал из журналов; но некоторые рисунки он создавал сам, и на этих образцах можно видеть, как он вначале осторожно подходил к рисунку, выполняя его одним черным карандашом, а затем постепенно усложнял как форму, так и красочность гаммы. Смотря на эти рисунки, видно, что состояние больного постепенно улучшалось: его комбинаторные способности, вначале слишком поврежденные, постепенно восстановлялись, и он переходил как к сложности рисунка, так и к сложности красок. Один из его рисунков воспроизводится (рис. 15).



Еще больной — художник, поступивший в период бреда с резко распавшейся личностью. В начале он давал интересный рисунок красками; но личность его очень быстро распадалась, и больной перестал пользоваться красками и перешел на рисование карандашом. Потом он уже не мог рисовать и давал одни черточки. Первый и один из последних рисунков воспроизводятся, по ним можно судить о начале работы и о ее конечном результате (табл. III и рис. 16).

Прогрессивный паралич не дает высоких образцов творчества, но бывают случаи, что больной понуждается к творчеству особенно в период экзальтации, и тогда врач должен утилизировать данное состояние больного, и от его умения и находчивости будет зависеть получить от больного образцы его творчества. Если же больной будет предоставлен самому себе, то он может перейти к творчеству разрушительного характера: он будет рвать белье, бить окна, нападать на соседей, служебный персонал и т. д. В период ремиссии творчество больных значительно повышается и доходит почти до нормы. Бредовой период богат творчеством, но творчество это уже несет на себе отпечаток резко поврежденной критики; поэтому творчество это часто уклоняется от реальности и переходит в область фантастики, особенно в отношении оценки собственной личности. При прогрессивном параличе не бывает таких моментов, которые позволяли бы больному создавать что-нибудь очень большое, обогащающее науку, исскуство или технику новыми, высокими ценностями. Таких моментов в прогрессивном параличе не бывает. Оно и понятно: данное заболевание разрушает головной мозг; благодаря этому нарушается психическая жизнь субъекта и вместе с тем разрушается и творческий процесс, и если произведения больного мы называем творчеством, то только потому, что больной побуждается к данным занятиям и, творя, он переживает приятные эмоции. В виду того, что эти симптомы характеризуют творческий процесс, мы называем работу больных при прогрессивном параличе творчеством. Это творчество постепенно угасает,

так же как постепенно угасает и жизнь больного. До сих пор мы не имеем верных средств для лечения этого тяжкого недуга.

ГЛАВА IV. ПАРАНОЙЯ

Творчество при паранойе

Сведения о данном заболевании сводятся к следующему: паранойя есть болезнь, редко встречающаяся; ею заболевают люди в среднем возрасте от 35 — 40 лет. Болезнь как бы внезапно приходит к человеку или постепенно вырывает его из обычной действительности и погружает в иллюзорный мир, сопровождаемый бредовыми идеями. При данном заболевании развиваются бредовые идеи при наличии ясного сознания; больной хорошо ориентируется во всем, что касается его потребностей и работы, но как только заходит речь о его бредовом отношении к жизни, так сейчас же, с полной яркостью выявляется его болезненное состояние. Нелепые мысли вполне овладевают им, и он никак не может освободиться от их власти. При данном заболевании у больного появляется эгоцентризм. Больной считает, что он находится в центре, и вокруг него вращаются все события, касающиеся неправильно оцениваемой им действительности. Во всем остальном он ведет себя как вполне здоровый человек. Очень часто те явления, которые окружают больного, символизируются им. Он часто действия, к нему не относящиеся, приписывает себе и истолковывает их, как ему подсказывают его бредовые идеи. Нередко у таких вольных появляются так называемые ложные воспоминания. Больной с полной верой относится к выдуманным фактам, считая их за ряд действительных событий, происшедших в его жизни. Данная болезнь разыгрывается, главным образом, в сфере интеллекта. Сфера интеллекта теряет способность правильно воспринимать и отражать действительные жизненные факты. Сфера интеллекта творит те бредовые идеи, которые присущи данному заболеванию и которые выливаются в форму бреда величия и бреда преследования. Бред величия и преследования слагается в особо четкую систему, а потому и называется систематизированным бредом, создающимся путем творческой фантазии больного, и это фантастическое создание бредового представления столь властно, что больной считает его за действительность, действительные же факты оказывают менее властное влияние на его поведение и его мышление. Бред величия часто сообщает больному более повышенное о себе представление, к которому он относится с полным убеждением, независимо от того, что в отношении других поступков у него вполне ясное сознание и ориентировка. В бред преследования больной чаще всего вплетает тех людей, которые ближе соприкасаются с ним. В этот бред попадают близкие люди, родственники и члены семьи, а также люди, с которыми он так или иначе соприкасается по службе, и на них он распространяет свое злобное чувство, присущее бреду преследования. В виду того, что творческий бред преследования одерживает больного в высокой степени, он относится к своим мнимым преследователям не только с явным недружелюбием, но и с приемами самозащиты. Самозащита может трагически окончиться для лиц, попавших в систему бреда больного. Иногда параноику может показаться, что преследователи тайно покушаются на жизнь его и его семьи, и он принимает несуразные меры самозащиты. У нас был больной профессор, которому показалось, что его семья, состоящая из двух детей, жены и его самого, отравлены какими-то бактериями, которые были приняты семьей с пищей. Чтобы освободиться от данного яда, больной купил сулемы, развел ее и напоил всех членов своей семьи. Жена, опомнившись, быстро обратилась к врачу, и только своевременно принятые медицинские меры спасли семью от неминуемой гибели. Другой раз этот же больной, страдая изжогой, обратился к лечащему его врачу за помощью, и когда последний дал ему половину чайной ложки соды, то больной воспринял данное мероприятие как отраву, считая, что принятая сода нейтрализовала соляную кислоту его

желудка и тем лишила дезинфицирующего действия желудочный сок и его содержимое, благодаря чему в желудке, по мнению больного, могли разводиться всякие патогенные бактерии; чтобы оградить себя от грядущего, несчастья, больной стал пить в большом количестве уксус и есть до 10 лимонов в день; только через несколько дней выяснилось, что больной такими приемами нейтрализует ту соду, которую он принял во время изжоги. Во всем остальном поведение больного не выходило из пределов нормы. Он читал лекции, писал книги по математике, делал доклады в научных обществах и в своей работе не внушал никаких опасений, кроме неправильного отношения к лицам, соприкасающимся с ним по службе. Как было сказано выше, все эти бредовые идеи являются результатом творчества сферы интеллекта; сфера эмоций почти совершенно не затрагивается, сфера движения вовлекается в болезненный процесс постольку, поскольку последней приходится приводить в исполнение ненормальные потребности интеллекта; следовательно, и поступки и поведение больного в полной мере зависят от тех бредовых идей, которые присущи ему в настоящее время. Бредовое творчество может видоизмениться, различно комбинироваться; в него могут вплетаться новые лица, и бред может пышно расцветать, развертываясь до больших пределов. Все же в конце концов, после десятков лет данного заболевания у больного появляется слабоумие.

Бредовые идеи, свойственные данному заболеванию, по-видимому, все же оформляются в недрах подсознания, но они не удерживаются в последнем, а выносятся в поток бодрственного сознания воспринимающего их без надлежащей критики. В подсознании происходит предварительный синтез, готовые выводы которого появляются в потоке бодрственного сознания и властно привлекают больной интеллект на свою сторону с тем, чтобы реализовать назревшие бредовые идеи. Благодаря тому, что больной не может критически отнестись к своим бредовым идеям, он является крайне опасным в общежитии; поэтому таких больных, обычно, довольно быстро помещают в лечебницы для душевнобольных. Характер бреда может быть различен: его можно подразделить на бред преследования, сутяжный, эротический, религиозный, изобретений. Независимо от содержания бреда, последний все же характеризуется вышеприведенными особенностями систематизации.

Творчество при паранойе можно разделить на две категории. Вышеприведенные бредовые идеи, овладевающие больным, нужно признать хоть и отрицательным, но все же творчеством, т.-е. таким творчеством, которое не имеет реальной базы, но которое несет за собой весьма тяжкие реальные последствия в виде нападения на мнимых преследователей. Многие больные, у которых появляется, например, сутяжный бред, без конца судятся е мнимыми преследователями. Эротический бред может создать условия, ввергающие больного в конфликт с существующими юридическими нормами. Религиозный бред наименее вредный в этом направлении, так как под влиянием религиозного бреда больные создают новые течения религиозно-мистического характера; эти вероучения иногда облекаются в столь убедительную форму, что вербуют в свою среду значительное количество последователей, и если параноик достаточно образован, то он, создавая систематизированный бред, подкрепляет его теми научными сведениями, которые находятся в его распоряжении, и потому больной нередко в состоянии убедить слушателей в реальности и жизненной правде его болезненных продукций.

Некоторые больные в период заболевания создают проекты, разрешающие, по их мнению, вопросы государственного характера. Такое лицо приезжало в Москву с тем, чтобы хлопотать перед властью об отводе ему нескольких сот тысяч десятин земли на юге России для организации на этой площади коммуны в сотни тысяч человек. У него написан проект этой организации и изготовлены чертежи построек. В центре помещен круглый дом, в котором сосредоточены учреждения, хранящие идею объединения; в этом же доме

должны быть сосредоточены все учебные и научные учреждения. Данный круглый громадный дом вмещает в себе и жилище для лиц коммуны. Из квартир выходят двери на поля в виде секторов. Границею данной коммуны являются пограничные здания, в последних живут также члены коммуны. Скот пасется вблизи данных поселков, с границами, защищенными живой изгородью. Для большей наглядности приводятся выдержки из его творчества.

„В. В. С. С. Идея, Требует, согласно своих Великих Правил, Изложения Высоты Учения, Торжества Торжеств, Вековечности Всеправды и Вековечности Все мира, Добра и Блага, Велико-Разумного Бытия Человека; — Иметь Свое Личное Национальное Государство, — Национальности В. В. С. С. Всепресладоропрецеланонеролан; Наименования В. В. С. С. Всепресладоровсеправдовсемироролана Таинственного Значения: „Всепресладость Всепресладости,—Всепресовершенства, Всеправды и Всемира, Вековечности Торжества Торжеств.

Данное Государство, или Владение В. В. С. С. Идея; Может открыть на Площади Предела, Между Реками: Днестром и Днепром, в Пространстве Четырех Губерний: Подольской, Херсонской, Киевской и Волынской.

Данную Площадь, В. В. С. С. Идея, — для Означенной Цели, Просит Российское Правительство и Международное Согласие Держав, Уступить в Собственность Ее Владения.

В. В. С. С. Всепресладоровсеправдовсемироролан, Должен Иметь Свой В.В.С. С. Центр, Своей Централизации; Состоящий из В. В. С. С. Города и Его В. В. С. С. Строя в Орденах.

В. В. С. С. Город, Должен Быть Построен Красиво - Кругообразным,— из Чистого Белого Мрамора; по Новому Высоко-Культурному В. В. С. С. Плану. В Центре В. В. С. С. Города, Должно Быть Построено В. В. С. С. Здание Славословия В. В. С. С. Закона Веры — В. В. С. С. Всепресладоро-вседарозаконоверославироролан; а Также, — В. В. В. С. С. С. Всепресладорозаконоверовластеправление; или В. В. С. С. Верховный Орган Ведения.

В. В. С. С. Город, Должен Быть Расположен, на Ровной Красивой Площади Земли Вдоль Сколько Видно для Глаза, и Вполне Плодородной для Растительности. Улицы В. В. С. С. Города, Должны Быть Крыты Стеклянной Крышей в Красивом Виде Устройства Самой Крыши. Самое Положение Полотна Улиц, Должно Быть Красиво Вымощено Лучшим

Материалом. Улицы Всего В. В. С. С. Города, Должны Быть Кругообразны, — без Начала и Конца. По Кругообразным Улицам, должны ходить Красивые Вагоны Трамвая, Первого Класса. Самый В. В. С. С. Город, Должен Быть Построен Догматически в Шестнадцать Этажей, по Вышине; в Честь Шестнадцатиславия В. В. С. С. Имени.

Жители В. В. С. С. Города, Должны Быть Все Домооседлые Собственники Собственности В. В. С. С. Идеи. При Устройстве в Высшем Тоне В. В. С. С. Правления В. В.С.С. Города; — Жизнь Должна Быть в Высшей Мере Всепресладость Созерцания; Благоухания Естественного Бытия Человека; Заключающего в Чистых Чувствах. Самый В. В. С. С. Город, Должен Изображать Собою По Всему очень Чистый Созерцательный Высоко-Интеллигентный Дом Святыни — Жизни, Высоко-Интеллигентных Людей Великой Разумной Всепремудрости в Природе их Рождения. Самая Священная Жизнь Жителей, живущих в Центре В. В. С. С. Города; Доляша Быть Догматически, в Ведении Верховного Органа, Вели¬кой Всепремудрости: Духовно, Телесно, Государственно, Гражданственно,

Общественно, Семейно и Частно; в В. В. С. С. Орденах, В. В. С. С. Закона Веры, в В. В. С. С. Созерцании Всепремудрости Жизни В. В. С. С. Торжества Торжеств В. В. В. с. с. с.

Вне В. В. С. С. Города, Кругом Онаго; Должна Быть Красивая Открытая, Тоже Кругообразная Улица. Вдоль Оной Улицы Должно Быть Шестнадцать зданий, Отдельных Красивых Строений, Соединенных Между Собою. Под Сводом Оных Зданий, Должно Быть в Арках Шестнадцать Красивых Священных Ворот. Вне Оных Священных Ворот Должно Быть Расположено Все Имущество для Содержания В. В. С. С. Города, Состоящее из Садов, Лесов, Сенокоса, Огорода, Пастбища для Скота, — в Живых Изгородях; Пахотная Земля для Посева Хлебов; Каковое Имущество Должно Быть Расположено Кругообразно в Полосах Кругом В. В. С. С. Города, в Пространстве Ста Тысяч Десятин. От данных Священных Ворот Все Владение В. В. С. С. Всепресла-доровсеправдовсемироролана, в Первом Его Круге, — Должно Делиться на Шестнадцать Частей; и во Втором Круге,— Должно Делиться на Шестьдесят Четыре Части, Итого Все

Владение В. В. С. С. Всепресладоровсеправовсемиролана, Должно Делиться, Догматически на Восемьдесят Частей, в Честь В. В. С. С. Имени — Восьмидесятисловия Полноты Его Священного Выражения, в Присущем Его Первообраз-ности" и т. д.

„Великий закрытый В. Враторол.

Отношение к Постороннему Человечеству В. В. С. С. Идеи.

Догматически отрицаемая сторона В. В. С. С. Идеей.

Отношение Великих Закрытых В. Врат к Постороннему Человечеству.

К Человечеству, Здоровому, Красивому, Доброму, Честному, Интеллигентному — в Природе; — Отношение Честное и Доброе; к Лже-Человечеству же, не Честному и Порочному;— Отношение Отрицательное; Лже-Учение Религий: Христианской, — всех ее исповеданий, без исключения; — простого ее софизма, галлюцинаций и идиотизма; а также лже-религий: магометанской, буддийской, еврейской и подобные им все лже-учение; лже-царизм, его оружие и войны: и вообще всякое лже-учение,— софизма и идиотизма, и их лже-партийность; а также национальность идиотизма, и вся¬кое произведение: аскетности бедности, смрадности неестественности и тому подобное; будут уничтожены до не существования в Великом В. В. С. С. Владении, и вне Великих В. Врат; а также во всей Великой Европе; как лже-учения не ведения, обмана, хулы, несправедливости и вообще всякой неправды для человека; — в эксплоатации порабощения, чужой честности совести и труда; путем насилия, в тунеядности лже-жизни, и ее порочности, — в нечестии греха и зла; — вековой тьмы неведения — саморастления и человеко-растления.

После чего будет создана для Постороннего Человечества,—Вне Великих В. Врат Новая Религия, Непогрешимости, Каковая Религия Приведет Все лучшее Человечество, к Непогрешимому Состоянию; — Путем Сознания и Путем Самопознания — в Отвержении пороков и не справедливости — лже-человечества" и т. д.

Под влиянием данного заболевания у больного часто обостряются творческие способности, и он может обогащать науку, искусство и технику новыми ценностями.

В нашем распоряжении имеется большое количество рисунков, выполненных одним больным. Данный больной с низшим образованием, мальчиком поступил в одну торговую

фирму, где в конце концов сделался бухгалтером. До 43-летнего возраста он не интересовался искусством, но в 43 года заболел паранойей, и интересы и работа его совершенно изменились. У больного вспыхнул яркий бред преследования. Он у себя в квартире запирал свою комнату несколькими замками, а когда ложился спать, то баррикадировал дверь вещами, стоявшими у него в комнате; к ножкам кровати привязывал веревки, концы которых прикреплял к ручкам двери и окон с тем, что если бы кто-нибудь открыл дверь или окно, то благодаря движению кровати больной должен был проснуться и принять меры против предполагавшегося нападения. Помимо отрицательного творчества, у больного выявилось и другое, высокое, положительное творчество. У больного проявилось свойство, никогда ранее у него не наблюдавшееся. Он начал робко рисовать в той книге, в которой вел свои повседневные домашние расходы, и вначале его рисунок представлял из себя простое штрихование; но в дальнейшем больной стал при помощи формы и красок давать удивительные рисунки как по содержанию, так и по выполнению. Удивительнее всего то обстоятельство, что больной ранее никогда живописи не учился и никогда ею не интересовался. Но рисунки, частью воспроизводимые здесь, дают полное представление о высоком творчестве, появившемся у него с началом душевного заболевания.

Данные рисунки нет надобности подробно объяснять, они говорят сами за себя и высота их творчества очевидна. Оценивать и отыскивать их достоинства—дело индивидуальное, наша же обязанность заключается в том, чтобы обратить на этот случай внимание лиц, работающих в области психологии творчества (см. табл. IV; табл. V, рис. 1; табл., VI; табл. XI, рис. 2; табл. XIII, рис. 1).

Таблица IV.

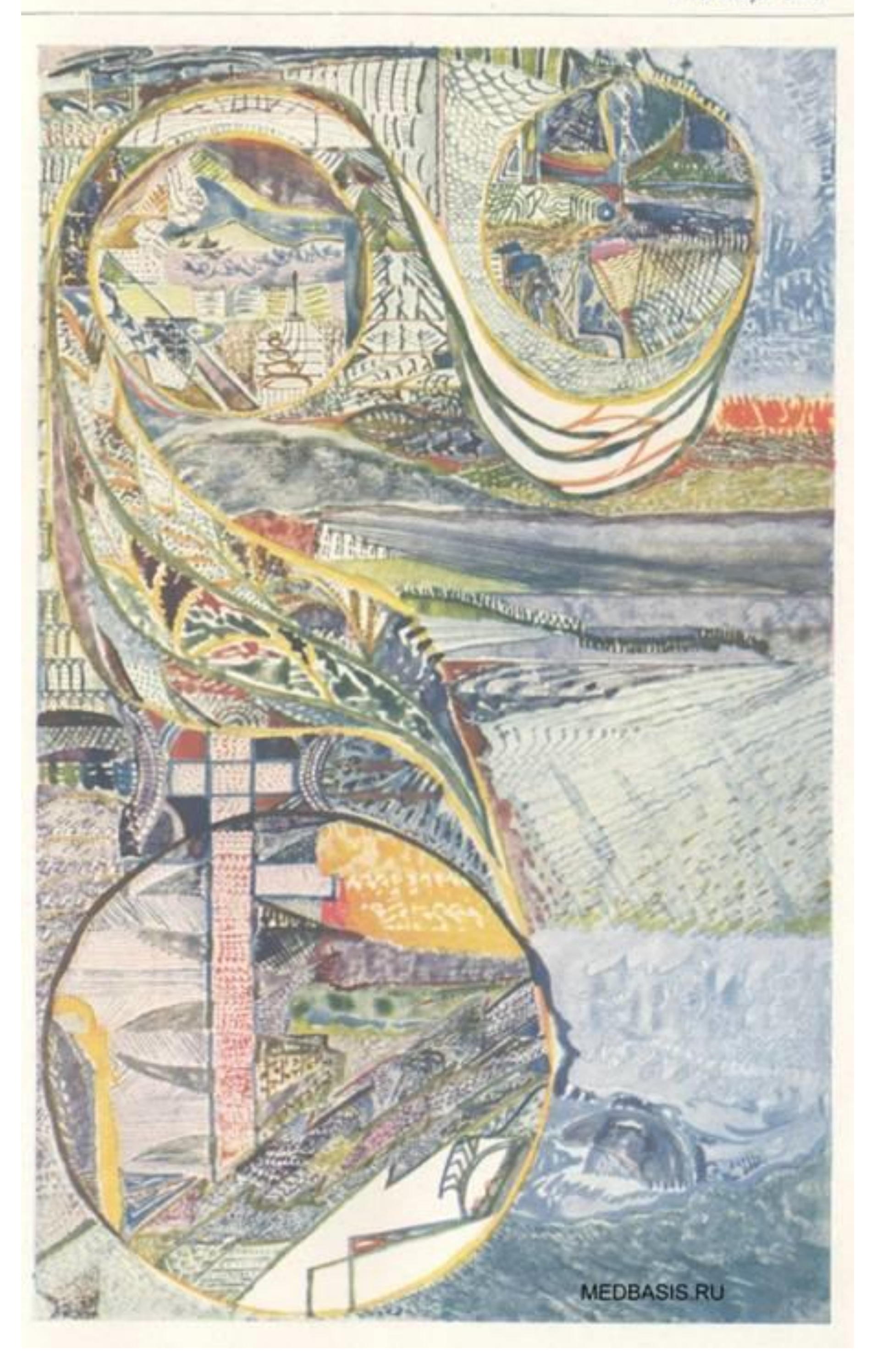


Рис. 1.

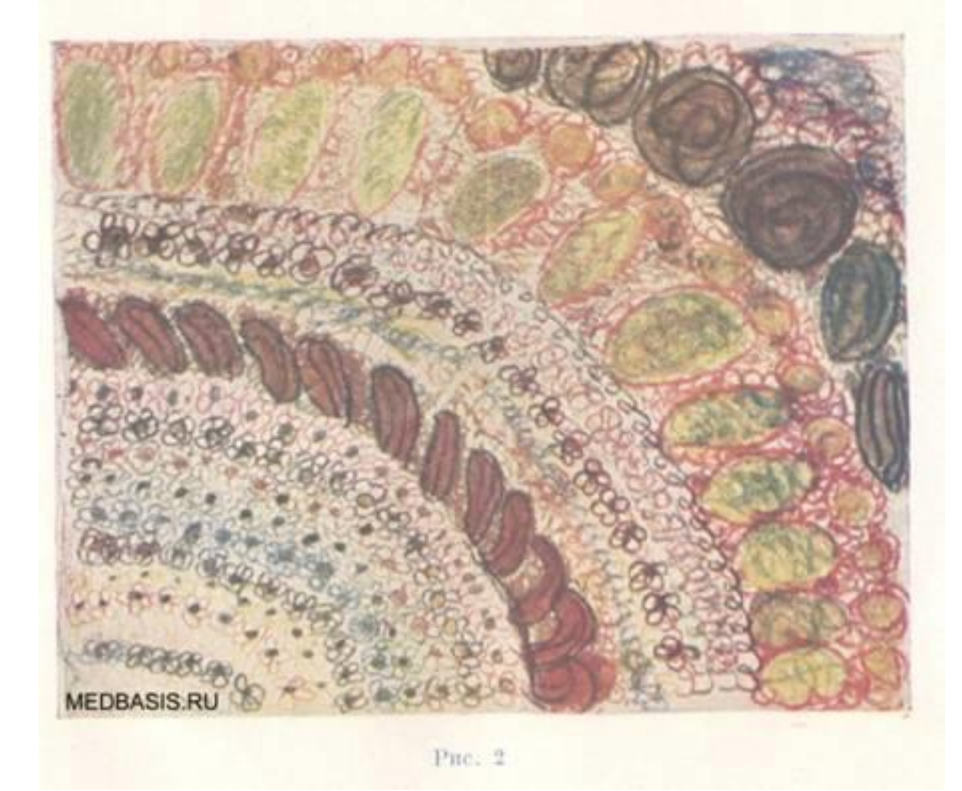


Рис. 2

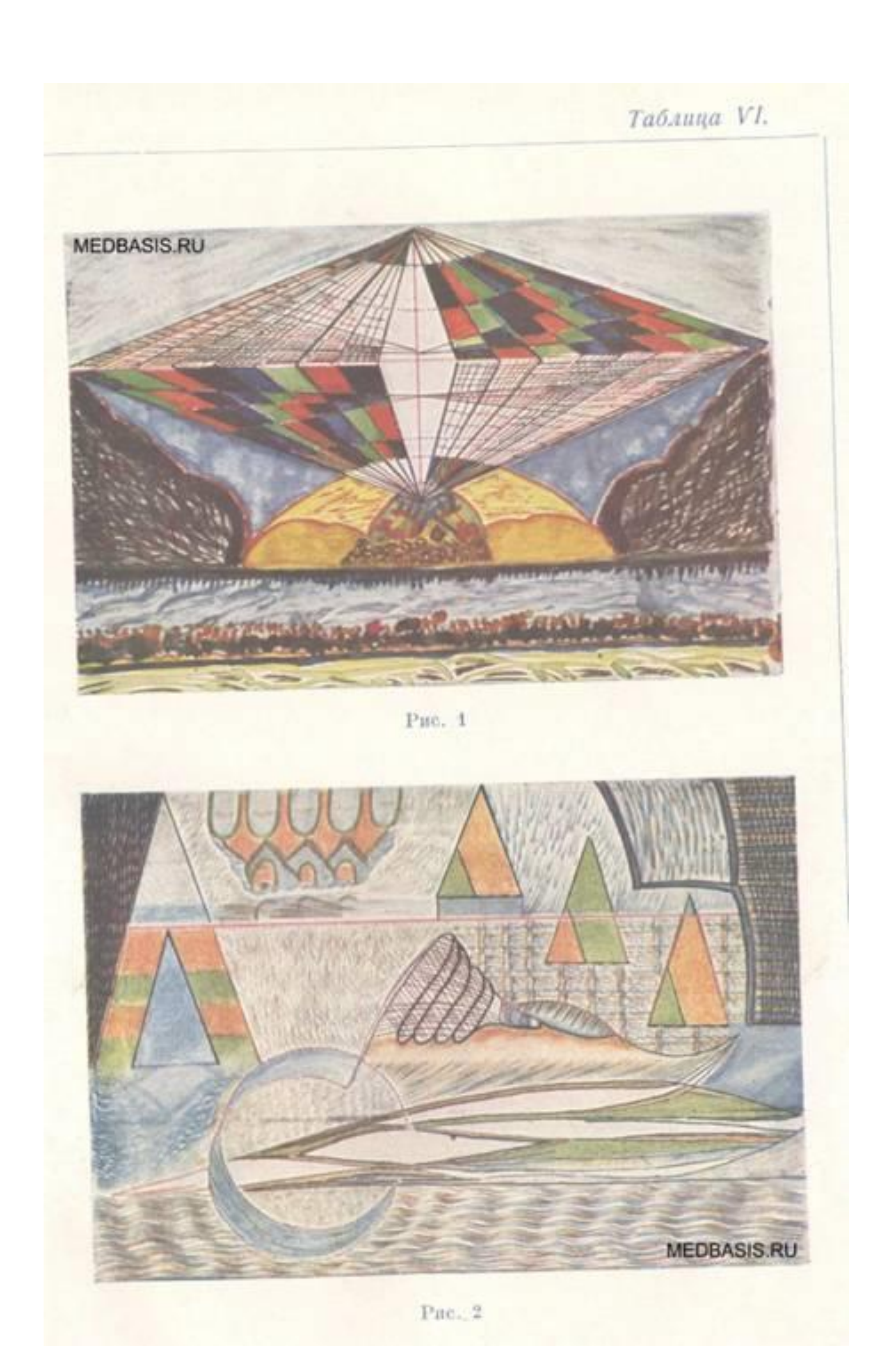


Рис. 1

Рис. 2

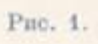
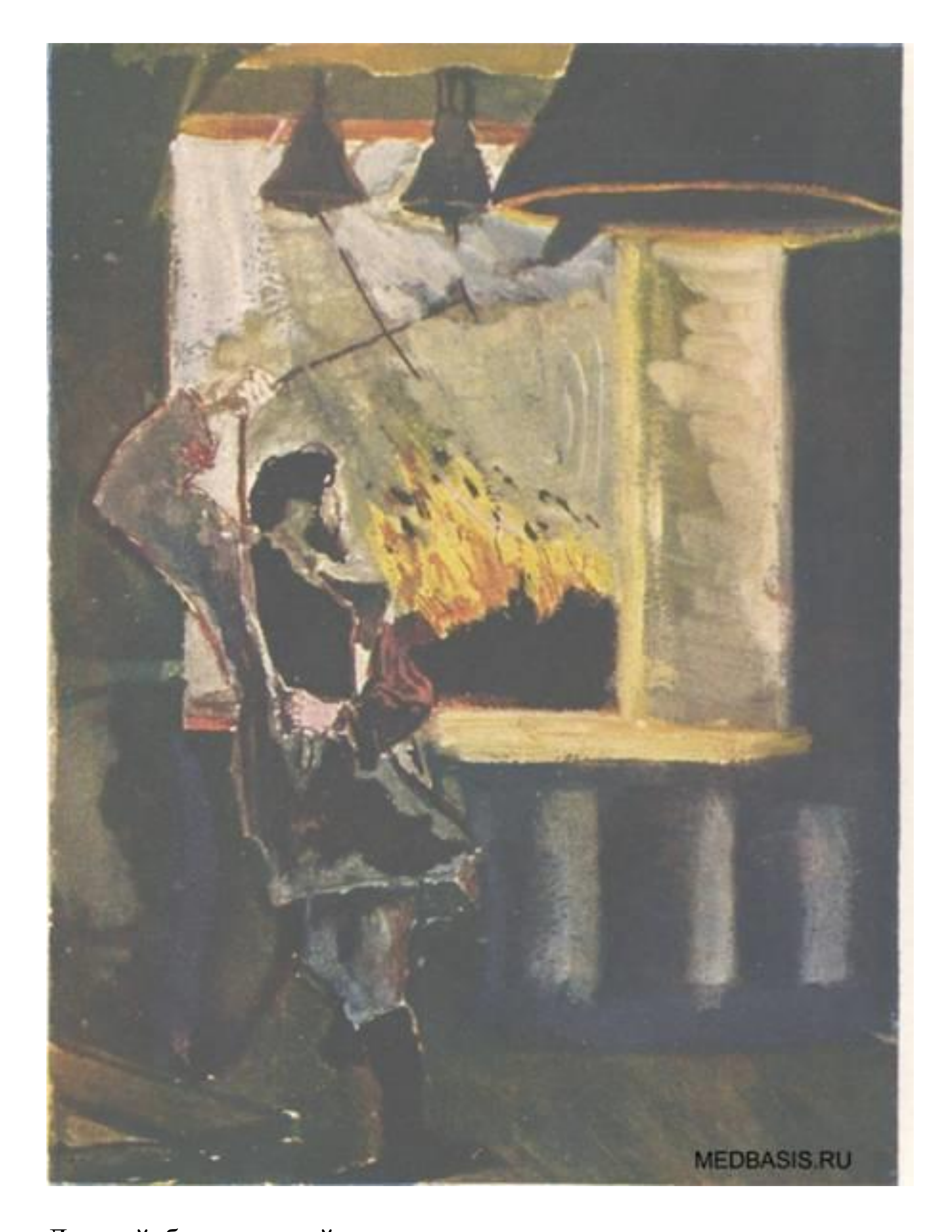


Рис. 1.

Рис. 2.



Данный болезненный процесс создал внутренние условия, не поддающиеся пока учету, способствовавшие выявлению более обширной связи между работою подсознания и функцией контролирующего (бодрственного) сознания. Беспрепятственное проникновение в поток контролирующего сознания богатства подсознательного содержания обогатило мышление больного настолько, что он из рядового работника превратился в творца высоких ценностей. Дремавшие в недрах подсознания творческие возможности, как вешние воды, освободились от ледяного покрова, овладели мыслительным аппаратом больного и через него получили возможность проецировать во внешнюю среду богатства своего содержания. Рисунки больного дадут большее представление о данном творчестве, чем словесное описание.

Но больные проявляют свое творчество и другими приемами: так, например, одна женщина с высшим образованием, заболевшая паранойей, стала проявлять бред не только личного преследования, но и бред, носивший характер космических бедствий. Эта больная, не писавшая раньше, вдруг почувствовала непреодолимое влечение к творчеству и написала книжку, немного более 200 печатных страниц. Она предполагала для земли неизбежную катастрофу, которая явится как последствие космических пертурбаций. Ее теория космической катастрофы, может быть, недостаточно убедительна, потому что у

самой больной недостаточно было сведений из области космографии, но тем не менее книжка была написана и отпечатана. Один из экземпляров ее, с личными приписками и поправками больной, хранится у меня. Выдержки из этой книги приводить не представляется удобным.

Из вышесказанного видно, что при наличии данного заболевания под влиянием каких-то внутренних причин больной впадает в особое состояние, благодаря которому У него открываются способности, ранее не проявлявшиеся.

ГЛАВА V. ЭПИЛЕПСИЯ

Творчество при эпилепсии

Прежде чем говорить о творчестве при эпилепсии, необходимо дать хотя бы поверхностные сведения о сущности самого заболевания.

Эпилепсия проявляется различными болезненными формами, которые кратко можно свести к следующим: grand mal, petit raal, status epilepticus, симптоматическая эпилепсия, Кожевниковская эпилепсия и другие формы.

Большая эпилепсия—grand mal—обычно имеет предварительную ауру—предвестник перед началом припадка. Чтобы охарактеризовать данное состояние, удобнее всего обратиться к автору, который сам страдал данным заболеванием; таковым автором является Достоевский. В его произведении „Идиот" имеются следующие слова, характеризующие данное предприпадочное состояние: „Он задумался, между прочим о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень, почти перед самым припадком (если только припадок приходил на яву), когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг, и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерялось в эти мгновенья, продолжавшиеся, как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то спокойствие, полное ясной гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствием той окончательной секунды (никогда не более секунды), с которой начинался самый припадок. Эта секунда была, конечно,, невыносима. Раздумывая об этом мгновении впоследствии, уже в здоровом состоянии, он часто говорил сам себе, что ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самопознания, а стало быть и „высшего бытия",— не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему.. И, однако же, он дошел, наконец, до чрезвычайно парадоксального вывода: „Что же в том, что это болезнь, — решил он, наконец, — какое до того дело, что это напряженье ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, кра¬сотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и встревоженного, молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?"

Вот слова, которые принадлежат Достоевскому, страдавшему эпилепсией, знающему данные моменты и оценивающему их значительно лучше, чем автор, не испытавший этого страдания.

Далее наступает полная потеря сознания, и человек впадает как бы в психический хаос. Но он сейчас же после потери сознания падает, и у него начинаются в начале тонические, а потом клонические судороги; далее он прикусывает язык, изо рта бьет слюна, расширяются зрачки, которые теряют реакцию на свет. Обычно в жизни думают, что припадки могут продолжаться очень долго, и нередко больные или родственники говорят, что припадок продолжался час и более, но такого положения никогда не бывает: припадок продолжается никак не больше нескольких минут. Если бы припадок продолжался дольше, то больной погиб бы от отсутствия дыхания, так как мышцы дыхания также приходят в судорожное состояние, как и другие мышцы тела. Припадок постепенно стихает, и больной впадает в последующий сон; после сна больной чувствует разбитость, и у него постепенно проясняется сознание.

Достоевский характеризует так послеприпадочное состояние: „Первое впечатление было очень сильное,— повторил князь,— когда меня везли из России через разные немецкие города, я только молча смотрел и, помню, даже ни о чем не расспрашивал. Это было после ряда сильных и мучительных припадков моей болезни, а я всегда, если болезнь усиливалась и припадки повторялись несколько раз сряду, впадал в полное отупение, терял совершенно память, а ум хотя работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось. Больше двух или трех идей последовательно я не мог связать сразу. Так мне кажется. Когда же припадки утихали, я опять становился и здоров, и силен, вот как теперь. Помню: грусть во мне была нестерпимая; мне даже хотелось плакать; я не удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало, что все это чужое; это я понял. Чужое меня убивало. Совершенно я пробудился от этого мрака, помню я, вечером в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы все прояснело".

Так постепенно проясняется сознание у эпилептика, страдающего grand mal,—большими судоржными припад¬ками.

Petit mal проявляется совершенно другими симптомами, чем grand mal, так как при petit mal никогда больной не падает и если теряет сознание, то на секунду или долю ее; поэтому, если больной делал какое-либо дело, то по окончании припадка petit mal он продолжает это дело так же, как если бы у него и не было болезни. Насколько мимолетно состояние petit mal, можно судить по словам того же Достоевского. Ставрогин говорит Тихону:

„ — Знаете, я вас очень люблю.

— И я вас,—отозвался вполголоса Тихон.

Ставрогин замолк и вдруг впал опять в давешнюю задумчивость. Это происходило точно припадками, уже в третий раз, да и Тихону сказал он “люблю” - тоже чуть не в припадке, по крайней мере, неожиданно для себя самого. Прошло более минуты.

Но и в этом состоянии у больного наблюдаются, особые признаки, когда у него обостряется внутреннее восприятие и когда его сознание какими-то неведомыми путями постигает истину или угадывает тот смысл, который не выявился во вне. Достоевский говорил так словами Ставрогина:

„ — Почему вы узнали, что я рассердился,— быстро произнес он. Тихон хотел было что-то сказать, но он вдруг перебил его в необъяснимой тревоге.— Почему вы именно

предполагали, что я непременно должен был рассердиться? Да, я был зол, вы правы, но вы грубый циник, вы унизительно думаете о природе человеческой... Злобы могло и не быть, будь только другой человек, а не я... Впрочем, дело не о человеке, а обо мне. Все-таки вы чудак и юродивый..."

Далее Ставрогин говорит:

„ — А вы наверно узнали, что я с чем-то пришел?

Тихон ответил:

„ — Я... угадал по лицу.

При petit mal бывает лишь застывание, но никогда не бывает судорог: но состояние потери сознания может продолжаться и более долгое время, при чем на этом промежутке времени больной не падает, но совершает ряд координированных действий, ничем не отличающихся от действия здорового человека. Поэтому эпилептики нередко являются путешественниками. Так, например, идя со службы, эпилептик может пойти в противоположную от дома сторону и очнуться в местности, куда он не предполагал идти; после первоначального удивления он возвращается домой; и, обычно, когда эти состояния повторяются несколько раз, то больной обращается за советом к врачу. Часто при наличии такого состояния наблюдаются бессознательные действия, благодаря которым больной вступает в конфликт с существующими юридическими нормами. Нередко такие больные воруют, поджигают или производят какие-либо иные разрушительные антиобщественные деяния.

Status epilepticus характеризуется быстро чередующимися припадками. Данное состояние, не оборванное вовремя, является крайне опасным для больного. В этом состоянии творчества у больного обычно не бывает.

Симптоматическая эпилепсия проявляется теми же признаками, как и grand mal, отличаясь от нее лишь причинами возникновения данного заболевания.

Кожевниковская эпилепсия имеет предприпадочные признаки, ибо она начинается с какого-либо отдельного органа, например, с руки, и судороги могут переходить затем на все тело.

Для общего представления о болезни, о которой идет речь, вполне достаточно этих сведений, но помимо самой болезни, проявляющейся припадками, у эпилептика образуется свойственный ему эпилептический характер, который несет на себе особый отпечаток. Речь человека, страдающего эпилептическими припадками, является медленной, как будто больной что-то обдумывает, как будто он не может быстро подыскать подходящих выражений. Помимо этого, речь несет отпечаток витиеватости, тяжелого стиля, что можно ясно видеть на сочинениях самого Достоевского. Речь очень часто характеризуется персеверацией (повторением одних и тех же слов или выражений), застреванием на мелочах, когда человек с ненужными подробностями описывает малозначащие явления. У Достоевского опять-таки есть характерное место, указывающее на данный симптом:

„ — Князь Мышкин? Не знаю-с. Так что даже и не слыхал-с,— отвечал в раздумье чиновник, — то есть я не об имени, имя историческое, я об лице-с, да и князей Мышкиных-то уже нигде не встречается, даже и слух затих-с.

—О, еще бы!—тотчас же ответил князь,—князей Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня; мне кажется, я последний. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали. Отец мой был, впрочем, армии подпоручик, из юнкеров. Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина очутилась тоже из княжен Мышкиных, тоже последняя в своем роде..."

Поведение больного характеризуется часто показной услужливостью. Обидчивость—постоянный спутник его характера, что можно найти у того же Достоевского в „Бесах", в характеристике Ставрогина и других героев. Ханжество является также отличительной чертой эпилетика, и Великий

Инквизитор как нельзя лучше характеризует это состояние-Всякий писатель наблюдает жизнь и отражает ее в своих произведениях. Достоевский для данного состояния является наибольшим авторитетом, так как он сам страдал этим душевным заболеванием, и все симптомы наблюдал как страдающее лицо. Поэтому его авторитет является неоспоримым при характеристике данного заболевания.

Особенно интересно в эпилепсии особое состояние, которое известно под названием эквивалентов. Эквиваленты характеризуются тем, что у больного затягивается бесприпадочное время и больной чувствует себя не совсем хорошо, по временам впадая в сумеречное состояние, нечто подобное эпилептическому трансу. Эти сумеречные состояния могут продолжаться очень недолго или же затягиваться на очень продолжительный срок, например, на несколько дней или недель. В этом состоянии больные также склонны производить странные поступки, а иногда и преступления. У этих больных нередко наблюдается предчувствия, граничащие с ясновидением. Мышкин, когда шел к Рогожину, почему-то заранее узнал его дом.

„—Я твой дом сейчас, подходя, за сто шагов узнал,— сказал князь.

— Почему так?

— Не знаю совсем. Твой дом имеет физиономию всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни, а спроси, почему я этак заключил,— ничем объяснить не могу. Бред, конечно. Даже боюсь, что это меня так беспокоит. Прежде и не вздумал бы, что ты в таком доме живешь, а как его увидел, так сейчас и подумалось: „так ведь такой точно у него и должен быть дом"...

„ — Это уже не отец ли твой?— спросил князь.

— Он самый и есть, — отвечал с неприятной усмешкой Рогожин, точно готовясь к немедленной бесцеремонной какой-нибудь шутке насчет покойного своего родителя.

— Он был не из старообрядцев?

— Нет, ходил в церковь, а это, правда, говорил, что по старой вере правильнее. Скопцов тоже уважал очень. Это вот его кабинет и был. Ты почему спросил по старой ли вере?"

Ставрогин во время разговора с Тихоном спросил: „ — А вы наверно узнали, что я с чем-то пришел? — Я... угадал по лицу, — прошептал Тихон, опуская глаза".

Однажды мне пришлось лечить одного больного в Москве, у которого наблюдались эквиваленты. Этот больной тягостно действовал на членов семьи потому, что постоянно

говорил окружающим о смерти его старшего брата. Он говорил о том, что слышит панихиду, он знает, что в зале стоит гроб с телом брата, и он думает, что родственники скрывают от него эту смерть, боясь его обеспокоить. Когда он говорил с врачом по этому поводу, то отрицал целиком это переживание, не желая впутывать постороннее лицо в семейное горе. Но на всех домашних он производил тягостное впечатление своими расспросами о подробностях смерти брата. Когда же приходил к нему сам старший брат, то он в начале удивлялся, а потом как бы соглашался с тем, что это ему казалось; но как только брат уходил, так он с прежней настойчивостью и полной убежденностью вновь начинал говорить о его смерти. Через несколько дней его брат действительно умер. Часто это состояние сопровождается галлюцинациями. Достоевский так говорит об этом состоянии словами Ставрогина:

„ — И вдруг он,— впрочем, в самых кратких и отрывчатых словах, так что мне трудно было и понять,— рассказал, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и „разумное",, в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь..."

Данный симптом описан тем же Достоевским в галлюцинации Ивана Карамазова. Состояние эквивалентов, повторяясь, так же как и сама эпилепсия, ведут, обычно, к слабоумию; но этот период богат творчеством, о котором будет сказано ниже.

Как было уже сказано, эпилепсия может вести к слабоумию; но это не есть правило; жизнь оспаривает данное явление. Жизнь знает, что эпилептики часто являются реформаторами в той или иной области человеческих знаний. Эпилептики обогащают науку, искусство и технику новыми ценностями, обогащают жизнь новыми идеалами, новыми стремлениями. К числу великих людей-эпилептиков, воздействующих на жизнь и на ее творчество, принадлежат: Петр Первый, который является великим реформатором и преобразователем России, который не только управлял государством, не только создавал для него новые пути совершенствования, новые искания, но сам участвовал в этом творчестве как обыкновенный, простой, рядовой работник, он своим примером понуждал людей к следованию за ним, но если он встречал на своем пути сопротивления, то, как сильная натура, не останавливался перед тем, чтобы уничтожить их. Он связал Россию с Европой и создал для России новую культуру, порвавшую связь с ее прежним бытом.

Наполеон является таким же реформатором, завоевавшим почти весь мир.

Юлий Цезарь, один из великих людей своего времени, также страдал эпилепсией, но история навсегда сохранит о нем воспоминание, и он будет являться героем для потомства.

Магомет был реформатором в другой области, и его реформа захватила много миллионов людей, которые до сих пор являются последователями его учения.

Достоевский, один из мировых литераторов, достиг высокой степени духовного прозрения в этой области.

Эти немногие примеры говорят о том, что эпилепсия иногда не только не ведет к слабоумию, но, наоборот, как бы обогащает психическое содержание больного. В больницах, обычно, великих людей почти никогда не бывает, но те обыкновенные люди, которые являются пациентами больницы, работают и творят теми же приемами, как и

великие люди; поэтому на более простых образцах можно выявить и механизм творчества и высоту его.

В нашем распоряжении имеется некоторый материал, собранный в обычной городской больнице, пациентами которой являлись самые обыкновенные люди. Этот материал убеждает нас в том, что среди обыкновенных людей, в период эпилептического состояния, повышается творческий процесс.

Рисунки, выполненные этими больными, представляют глубокий интерес и объясняют очень многие явления, свойственные данному заболеванию.

Мы имеем несколько примитивных рисунков, окрашенных в один красный цвет; мимо этих рисунков можно пройти, не задав никакого вопроса. Обратим внимание на тот симптом, что красный цвет перед самым припадком является как бы аурой, и этот красный цвет часто вызывает неприятное ощущение у самого больного; вот почему эти рисунки выполнены в один цвет, и вот почему они представляют собой известный интерес.

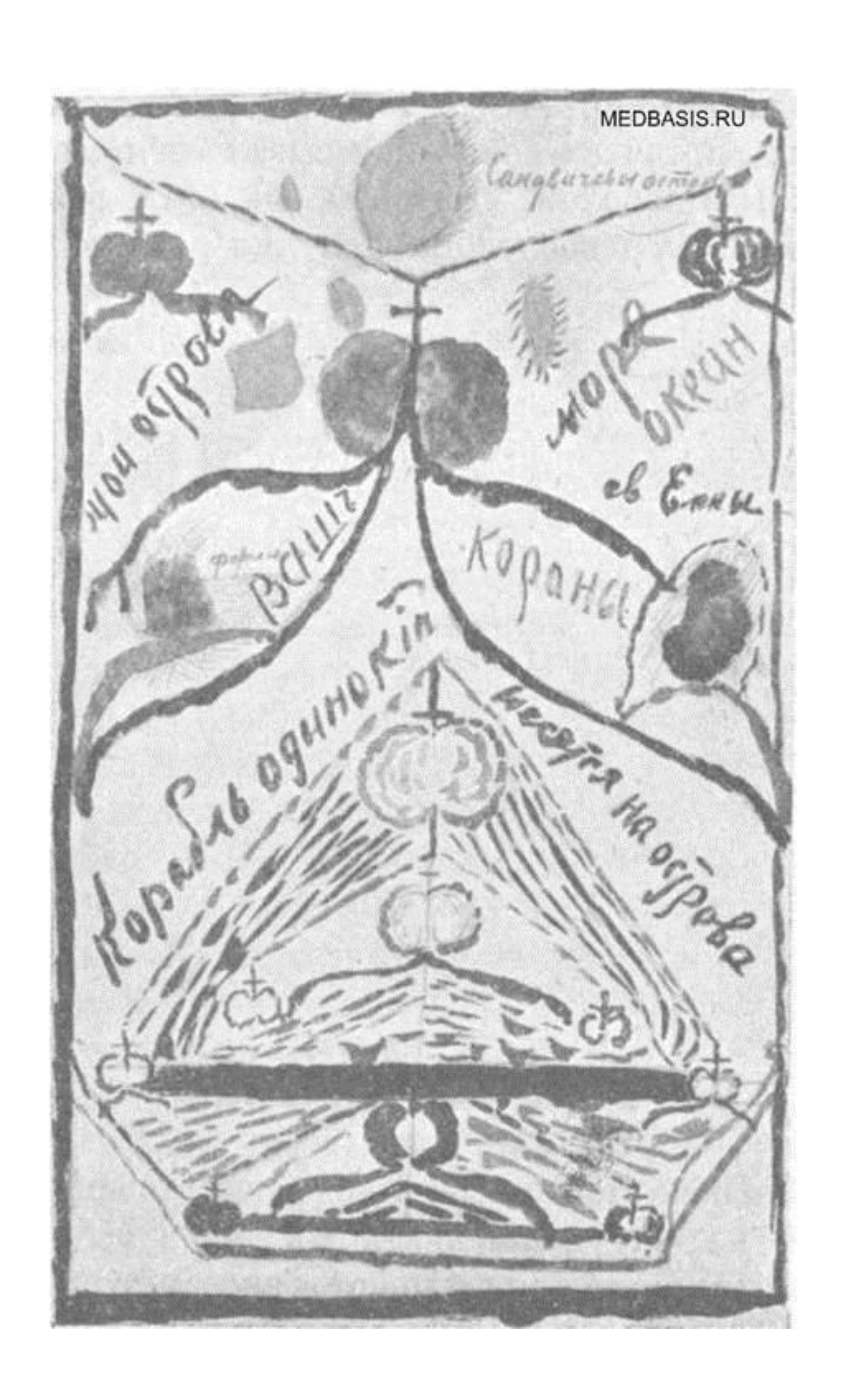
Наблюдая творчество этих больных, можно отметить характерную особенность, свойственную только данному заболеванию и имеющую большой диагностический интерес для врача.

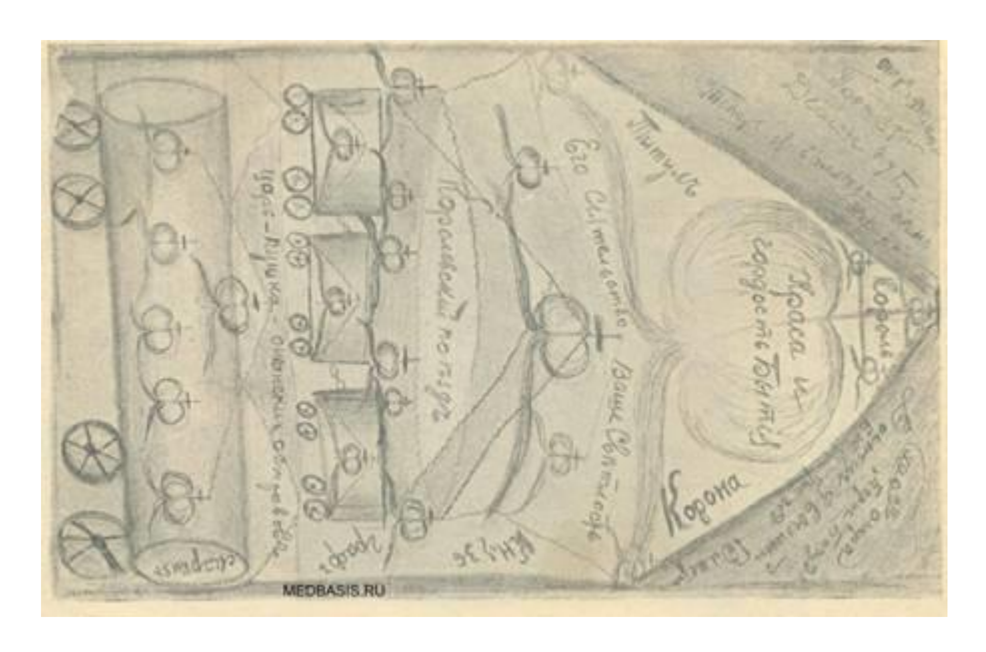
Эпилептик рисует и пишет медленно; во время рисования его карандаш или кисть как будто прилипают к одному месту, и долго больной не может перейти к штрихам на другом месте. Это прилипание кладет отпечаток на весь рисунок. Рисунок, сделанный акварелью, кажется написанным масляными красками, так как больной кладет краски слой за слоем по одному и тому же месту. Кроме того, по первому взгляду на данные рисунки их можно разделить на две группы. В первую группу входят рисунки, выполненные темными красками; в другую группу входят рисунки, выполненные более яркими красками. Разница в рисунках стоит в полной зависимости от настроения больного. Рисунки, выполненные мрачными, темными красками являются отображением мрачного, пессимистического, депрессивного состояния самого больного. Мрачные мысли, которые одолевают его в период болезненого состояния, помимо его воли выявляются на его рисунке. Больным обычно дается двенадцать красок, но тем не менее, когда они находятся в депрессивном состоянии, они всегда и неизбежно пользуются только темными красками. Как только болезнь сменяется состоянием возбуждения или эуфорией, так сейчас же сменяются и краски рисунка: в эти краски уже входят голубые, желтые, красные цвета, и рисунок представляет из себя иногда довольно красивое сочетание красочной гаммы.

Часто к болезни присоединяется бред величия, и он также выявляется в творчестве больного. Один больной, никогда не занимавшийся рисованием, в период сумеречного состояния, с невысказываемым бредом величия, давал очень интересные рисунки, которые вначале выявлялись в виде визитной карточки с короной (рис. 17).

Рис 17

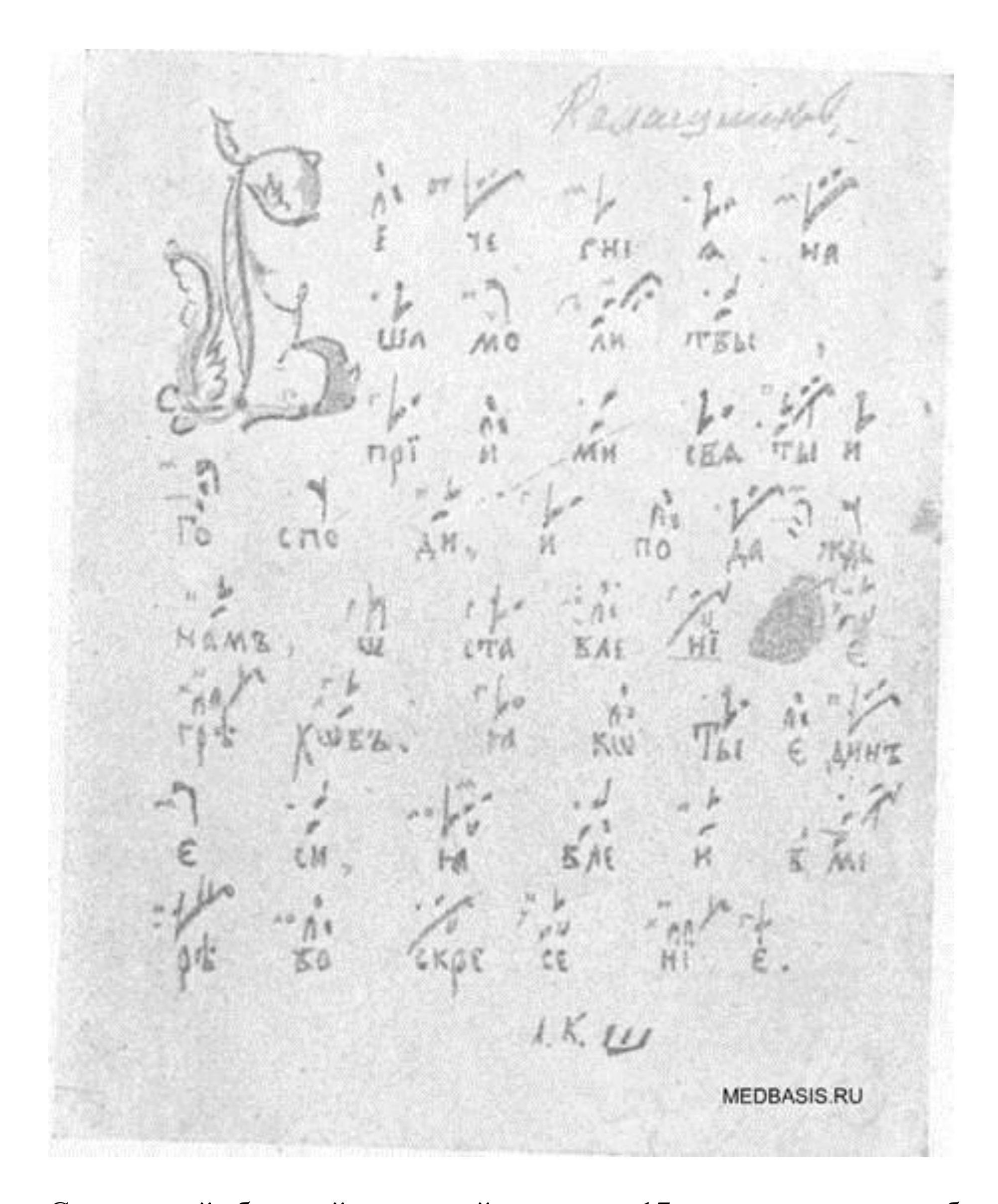
На этих карточках больной называл себя то князем, то владетельным королем. Наконец, он стал разрабатывать первый рисунок, и последний получил дальнейшее усложнение. Больной стал рисовать свой собственный паспорт, изображая на рисунке корону и называя себя также или владетельным князем, или просто князем. Смотря на эти рисунки, может показаться, что у больного имеется стереотипия. На самом же деле при анализе данных рисунков видно, что это явление только кажущееся. Стереотипии же в этих рисунках нет, а имеется лишь разработка и усложнение темы (рис. 18 и 19).


мои острова
ваши
корана
моря
океан
св Елены
Корабль одинокій
несется на острова

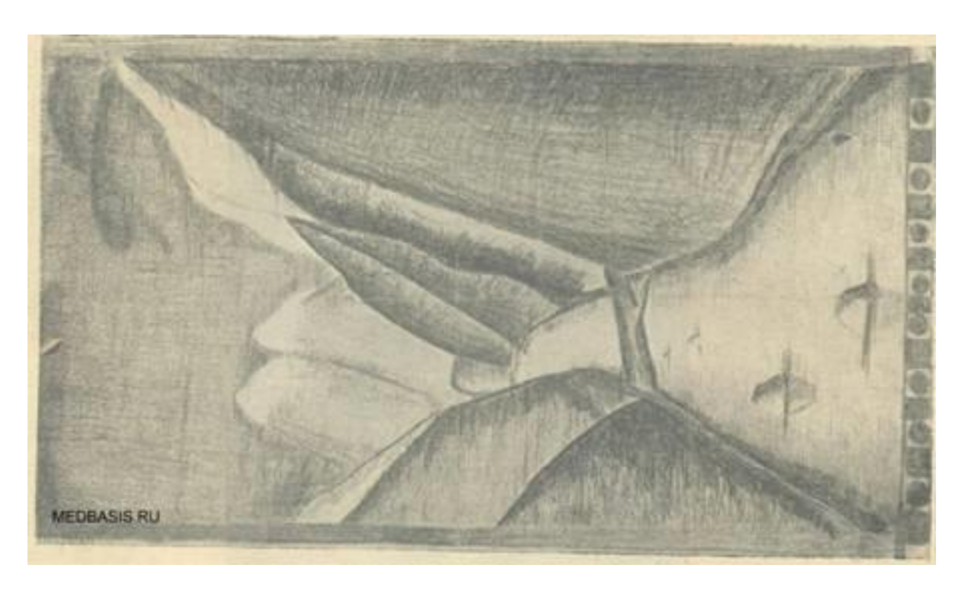


Некоторые больные пишут церковно-славянскими буквами, при этом их работа отличается тщательностью выполнения и точностью соответствующей фигуры. Некоторые эпилептики пишут письма, при этом буквы письма и конверта старательно вырисовывают.

Вот образец этой мелкой кропотливой работы, которую также можно назвать творчеством, ибо больной понуждается к ней, он старается дать выход своей творческой фантазии и для этого подбирает доступную его развитию форму, такую форму, которая своим выполнением не затрудняла бы больного. Конечно, данное творчество не высоко, оно несет черты механической работы, но все же отличается от последней понуждением, бескорыстностью и удовольствием (рис. 20) от реальной работы.



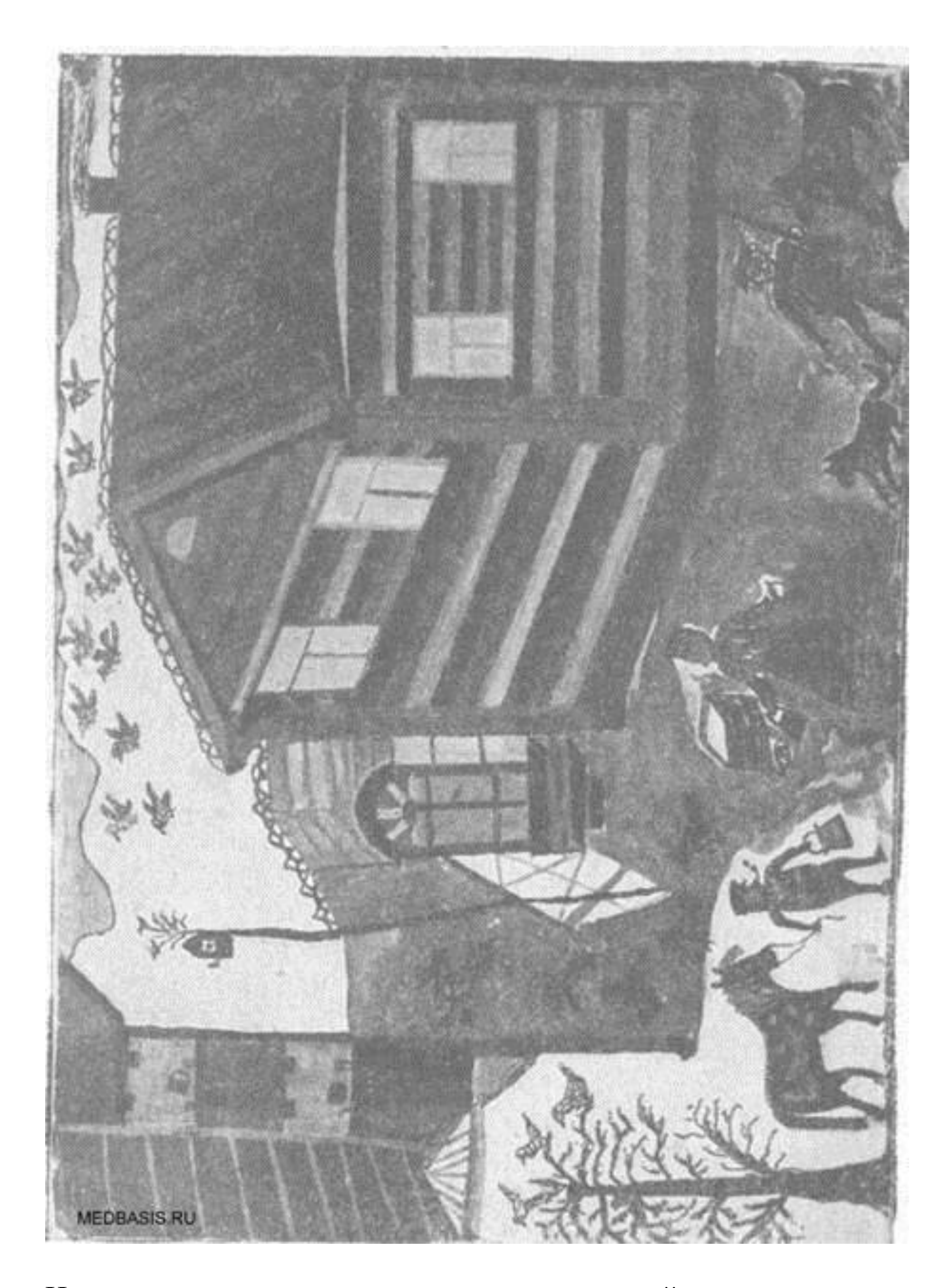
Следующий больной, молодой человек 17 лет, поступит в больницу в сумеречном состоянии, и ему также, как и другим больным, были предложены краски, кисти и бумага. Больной находился в состоянии депрессии, и первые рисунки несут отпечаток его душевного состояния; они представлены в виде темных мотивов, вглядываясь в которые видно, что они представляют из себя не заурядное творчество. Надо принять во внимание, что автор этих рисунки краской. Его рисунки представляют из себя высокий творческий процесс. В его рисунках нельзя видеть прежних восприятий, так как они не носят отпечатка подражания, тем более, что автор этих рисунков никогда сам живописью не занимался и никогда не посещал ни выставок, ни картинных галерей, тем не менее высота его творчества очевидна. Сумеречное состояние сменялось иногда экзальтацией. В период экзальтации больной рисовал так же хорошо, но краски его рисунков были более яркими, более светлыми. Родственники, приходившие в больницу, часто спрашивали, скоро ли их больной поправится (рис. 21,22,23).


MEDBASIS.RU

MEDBASIS.RU

Рисунок 24" src="/karpov_1926/img.files/image026.jpg">

Обязанность врача мы выполняли добросовестно: через некоторое время больной действительно поправился, и те краски, которые были в его распоряжении, служили ему и в дальнейшей работе после поправления. Но если сравнить творчество данного больного в период его сумеречного состояния и творчество, которое свойственно было ему в период выздоровления, то на первый взгляд покажется странным, что они принадлежат одному и тому же лицу. Если творчество данного субъекта высоко в период его заболевания, по замыслу и выполнению ставит его на уровень незаурядного художника, то в период выздоровления все это как будто куда-то исчезло. Больной стал рисовать так, как рисует самый обыкновенный рядовой маляр. Мы вылечили больного от его душевного состояния, но вместе с тем мы разрушили его творческий процесс, который свойственен был ему в период болезни (рис. 24).



Некоторые из рисунков приводятся, последний из них получен от больного в то время, когда он должен был оставить больницу.

Как расшифровать данное состояние? Больной был дезориентирован, очевидно, в период сумеречного состояния бодрственное сознание находилось в пассивном состоянии. Он пребывал во власти подсознания и, благодаря пассивному состоянию бодрственного сознания, подсознание получило возможность проецировать во внешнюю среду богатство своего содержания, и это богатство выявилось в красочной гамме, в композиции рисунка. Как только бодрственное сознание вступило в свои права и взяло управление поступками, поведением и мышлением больного на себя, когда оно пропускало все через свой фильтр, когда в его поток отбирались только нужные ему образы, ненужные же оттеснялись в недра подсознания, — тогда творческий процесс данного больного превратился в процесс механический, ремесленный. Приведенные рисунки ярко обнаруживают разницу в творчестве двух состояний. Выявление таких моментов имеет весьма важное значение для раскрытия механизма, лежащего в основе творческого процесса и уяснения взаимоотношений бодрственного сознания и подсознания в моменты творческой работы.

ГЛАВА VI.

ТВОРЧЕСТВО ПРИ ЦИРКУЛЯРНОМ ПСИХОЗЕ

Циркулярный психоз можно разделить на 3 фазы: фаза здорового состояния, фаза депрессивного состояния и фаза маниакального состояния. Эти состояния чередуются, а потому данная болезнь и называется циркулярным психозом. Циркулярный психоз является одной из весьма интересных болезней, больные которой принимают самое существенное участие в творчестве во всех его проявлениях. Поэтому на данной болезни придется остановиться несколько подробнее.

Так же, как при описании творчества при других болезнях, мы остановимся прежде всего на симптомах данного заболевания с тем, чтобы составить о них некоторое представление, могущее помочь разбираться в творчестве, присущем данному недугу.

Итак, данная болезнь будет описана в двух ее фазах: фазе депрессии и фазе маниакальной.

Депрессивное состояние имеет как физические, так и психические симптомы.

Физические симптомы характеризуются прежде всего состоянием питания; последний процесс в периоде депрессии является крайне ослабленным, и для этого ослабления имеется много причин: прежде всего, больной теряет аппетит, так как у него понижаются все функции органов пищеварения; питание понижается и потому, что желудочный и кишечный соки, переваривающие пищу, выделяются в значительно меньшем количестве; питание понижается и потому, что моторные способности пищеварительного тракта также находятся в угнетенном состоянии.

Поэтому у данных больных все отправления в этой области резко ослаблены и требуют тщательного наблюдения и лечения.

Также расстраивается и кровообращение. Если больной плохо питается, то в кровь поступает значительно меньшее количество питательного материала, благодаря чему у больных появляется иногда очень резкое малокровие. Сами органы кровообращения также принимают участие в болезненном процессе. В строение кровеносной системы входят мышцы, а мышечная система вся находится в подавленном состоянии так же, как и психическая сфера. Поэтому кровообращение замедлено, что отражается на пульсе, иногда это замедление доходит до „наполеоновского пульса". Больные, обычно, представляют из себя болезненных субъектов, бледных, малоподвижных; движения совершаются медленно, как будто всякий жест, всякое движение больной обдумывает. Его мимика значительно понижена; черты лица опускаются, на нем отражаются тени скорби, глаза теряют свой блеск и ясность, в них также почти ничего не отражается, кроме страдания.

Дыхание больных значительно реже нормального, благодаря чему обмен веществ резко падает. Больные ощущают в различных частях тела, а иногда и во внутренних органах резкие боли; эти боли причиняют больным много страданий; иногда боли и неприятные ощущения сосредоточиваются под ложечкой и производят так называемую предсердечную тоску. Температура тела понижается благодаря понижению ассимиляции и диссимиляции в организме. Сон часто непродолжителен, всегда тревожный, сопровождающийся яркими неприятными сновидениями, благодаря чему больной не отдыхает ни днем, ни ночью. Помимо этого, сон не освежает больного, и обычно такие

больные по прошествии ночи, утром, чувствуют себя даже хуже, чем вечером, ибо у них появляется мысль о том, что им предстоит новый день, полный страдания.

Психические симптомы. Данное состояние разыгрывается, главным образом, в сфере чувств. Чувства крайне угнетены, и это угнетение ложится мрачным покровом на весь психический облик больного. Больные, главным образом, испытывают тоску; тоска не только испытывается внутри, она отражается и на внешности больного. Как было сказано выше, больной имеет крайне удрученный вид, что отпечатывается на фигуре больного и на его движениях. Блики тоски отпечатываются на лице больного, и по взгляду на последнее можно судить о тяжких переживаниях, свойственных больному в этот период страдания.

По-видимому, сфера эмоций, находясь в угнетенном состоянии, не оживляет деятельности интеллекта, и последний впадает в тоскливое, бездейственное состояние. Тоска столь захватывает больного, что на почве этой тоски у него появляются так называемые астенические аффекты, доходящие до появления raptus melancholicus.

Raptus melancholicus, главным образом, характеризуется предсердечной тоской, когда больной без всяких видимых причин, не поддающихся лабораторному обследованию, чувствует в области сердца неприятное ощущение, или в форме давления, сжимания, или в форме просто неприятного ощущения. Эти ощущения поглощают все внимание больного и причиняют ему мучительные страдания. Аффекты бывают разного рода: то аффекты страха, то ужаса; нередко данное заболевание сопровождается бредовыми идеями: самоуничижения, греховности, преследования, демономании, заключающейся в том, что больные считают себя одержимыми враждебными сущностями. Иногда больные воображают себя разоренными, хотя для этих идей нет никаких реальных оснований. Иногда болезнь сопровождается иллюзиями и галлюцинациями. Тогда больные не ориентируются в окружающей действительности и впадают в спутанное состояние. Тоскливые переживания столь овладевают больным, что жизнь теряет для него все привлекательные свойства, поэтому у таких больных все помыслы направляются на способы уничтожения жизни, причиняющей им слишком много страданий. Самоубийства в таких состояниях весьма часты, и на эту сторону необходимо обращать самое серьезное внимание как врачу, так и родственникам, если на их попечении находится больной. Если вовремя поставить больного в надлежащие условия лечения и ухода, то он всегда поправляется, но если уход будет недостаточен, то эта болезнь может вести к неизбежной катастрофе, что граничит с легальным убийством, так как больные от этого недуга всегда поправляются, если они находятся в благоприятных условиях. Тоска и мотивы, приводимые больными в оправдание ее существования, как было сказано выше, не имеют реальной почвы, но тем не менее они столь властны, что убедить больного путем логически-реальных доказательств не представляется возможным; болезненный процесс, захвативший внимание больного, значительно сильнее логических убеждений и реальных фактов, которые не фиксируются и не переживаются больным; последний всецело находится во власти своих внутренних ощущений, и эти внутренние ощущения накладывают на него печать отчуждения от действительной реальной жизни.

Если так тяжко расстраивается сфера чувства, то не менее тяжкие ощущения выпадают и на долю разума. Разум, не оплодотворяемый эмоциями, не согреваемый их теплотой, не освещаемый их яркой, цветистой гаммой,— беднеет, жизнь его становится тусклой, мрачной, непривлекательной, причиняющей больному большие страдания. Но эти страдания не разыгрываются в самой сфере разума, а являются побочным страданием, исходящим из сферы чувств. Иногда это состояние усиливается настолько, что доходит до так называемого ступора, когда все идеи, все желания и внешние двигательные

проявления столь затухают, что больной проводит свое время так, как будто бы он совершенно ушел из действительной жизни. Нет сил, нет средств, нет убеждений, при помощи которых можно было бы вывести больного из этого тяжкого, безучастного к жизни состояния.

Что касается сферы движения, то последняя если и страдает, то так же, как и интеллект вследствие отражения со сферы эмоций. Движения, как было сказано выше, медленны, не многочисленны, не сложны и мало выразительны, они совершаются только тогда, когда в них является настоятельная надобность. Замедление в движениях относится как к гладкой, так и к поперечнополосатой мускулатуре. Речь больных также расстраивается. Правда, ее расстройство носит специфический характер, заключающийся в том, что речь обычно немногословна, но ответы больной дает правильно, по существу предлагаемого ему вопроса. Иногда этот ответ затягивается надолго, и может показаться, что больной не понял предложенного ему вопроса; на самом же деле предлагаемые вопросы усваиваются больным хорошо, но реакция наступает медленно; благодаря этому нужно быть терпеливым, и в конце концов от больного получится определенный ответ, правда, не многословный, но по существу.

Маниакальная фаза. Маниакальная фаза также имеет свои психические и физические симптомы. Питание больных в маниакальной фазе если и страдает, то от иных причин, чем в состоянии меланхолическом. Аппетит больных при маниакальном состоянии обычно не падает, а даже повышается. Пищеварительные процессы протекают правильно, но тем не менее больные все же худеют; похудение больного зависит не от слабости пищеварения, а от тех трат, которые производит больной в этот период заболевания. Обычно больной суетится, мало спит, производит очень много нужных и ненужных движений, благодаря чему расходует большое количество энергии. В его организме повышается ассимиляция и диссимиляция, и равновесие между этими процессами нарушается в пользу диссимиляции, поэтому больные несколько худеют; температура тела у таких больных чаще несколько повышена, благодаря вышеприведенным условиям. Пульс значительно учащается, дыхание совершается также чаще, при этом поглощается большое количество кислорода, усиливающего сгорание в организме, благодаря чему повышается температура тела. Сон обычно непродолжительный, но вполне удовлетворяющий самочувствие больного. Независимо от того, что больной мало спит, он на непродолжительность сна никогда не жалуется, так как его внутренние потребности совершенно соответствуют недолгому сну. Период бодрствования является самым удобным для жизни больного, так как вся его жизнь состоит из неудержимых стремлений как в смысле накопления идей, так и в смысле выявления движений. Тонус сил, управляющих жизнью, повышается, и жизнь бьет кипучим ключом, производя те или иные полезные или бесполезные действия и поступки.

Психические симптомы. Настроение больного значительно повышается; больной все видит в розовом свете; он переоценивает свою личность, думая о себе лучше, чем он есть на самом деле; он переоценивает свои способности, считая, что в области творчества может произвести переворот. Эти состояния восторга и нетерпения ярко характеризуют все поведение больного; последний может от незначительных причин впадать в гнев; гнев его ярок и нетерпелив, но от этого гнева он может очень быстро переходить к радости. Обычно больные находятся как бы в состоянии эйфории, которую мы можем наблюдать в жизни от таких средств, как, например, алкоголь. Больные, страдающие маниакальным состоянием, производят впечатление как бы несколько одурманенных людей. Состояние эйфории может сопровождаться аффектами. Аффекты также окрашиваются в своем проявлении различно: то радостью, то печалью; но последняя никогда не захватывает больного так, как это мы наблюдали в состоянии депрессии; печаль скорее выражается

мимолетным гневом, но никогда надолго не задерживается. Мысли больных бегут быстро, их поток значительно ускоряется, при чем от ускорения этого потока зависит возможность улавливания, так как ускорение может доходить до того, что больной не в состоянии овладеть ими. В зависимости от течения мыслительного потока больной производит впечатление интересного собеседника, трактующего о различных вопросах жизненного или отвлеченного характера. Но словесные продукции больного несут отпечаток, свойственный данному заболеванию, заключающийся в отвлекаемости и заключении по недостаточному количеству признаков.

Отвлекаемость характеризуется тем, что больной часто перепрыгивает с одной идеи на другую. Очень часто он не прорабатывает своей идеи; его мысли можно уподобить течению электрического тока, который скользит по поверхности проводника, не проникая в глубину его. Такое сравнение удобно для понимания психического механизма, свойственного данному заболеванию.

Заключение по недостаточному количеству признаков является весьма важным симптомом. Эта способность важна в творческом процессе, и если люди овладевают ею, то они мыслят так, как гении. Правда, не все циркулярные больные являются гениями, но все гении, по нашему мнению, суть циклотимики, мыслящие по шаблону, свойственному и больным циркулярным психозом.

Гению присуща именно возможность заключения по недостаточному количеству признаков, и этот механизм мышления обогащает науку, искусство и технику новыми высокими ценностями, опережающими жизнь иногда на целые века.

На простых образцах удобнее и проще выявляется сложная мысль, поэтому мы приводим один рисунок, сделанный больной циркулярным психозом; данный рисунок как нельзя лучше характеризует эту особенность мышления.

Больной, находившейся в состоянии экзальтации, был предложен трафарет в виде домика, нарисованного сверху. Больная взяла карандаш, нарисовала крышу домика, затем, засмеявшись, она провела внизу четыре линии и продолжила горизонталь, благодаря чему получился рисунок, похожий на мышь. Этот простой рисунок весьма характерен для механизма мышления, владеющего способностью делать заключение по недостаточному количеству признаков (рис. 25).

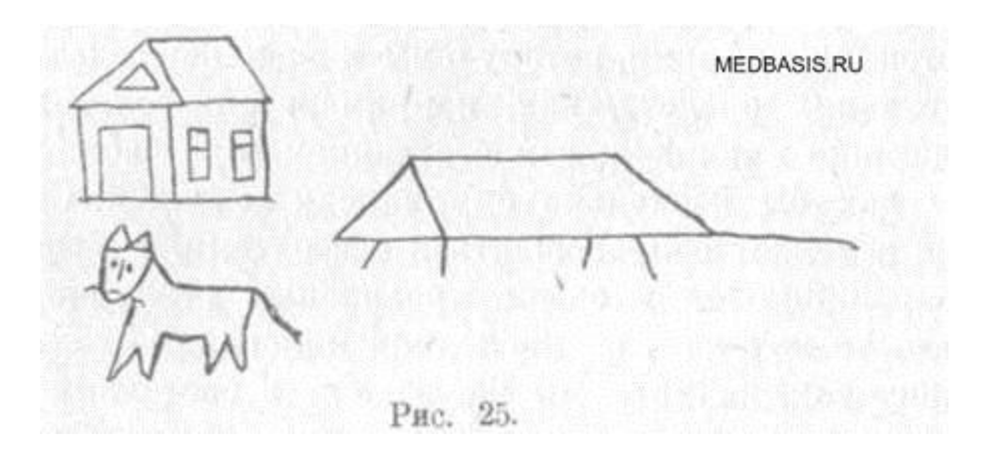


Рис. 25.

Этот же рисунок характеризует и отвлекаемость.

Данная больная, нарисовав мышку, отвлеклась, она нарисовала, конечно, и кошку, повернув последнюю головою в противоположную от мышки сторону, „для того, чтобы кошка не съела мышку", говорит больная.

Ускорение идей в потоке подсознания может повыситься до такого предела, что бодрственное сознание не в состоянии овладеть ими. Такое состояние лишает больного возможности овладения этими мыслями, он не может облечь их в слова и выдергивает из каждой идеи лишь по отдельному слову; поэтому, когда такой больной говорит, то мы воспринимаем его речь как набор слов (Salatwort). Эта речь в значительной степени отличается от речи, присущей раннему слабоумию. При наличии словесной окрошки маниакального больного нельзя говорить о распаде ассоциационного аппарата, а нужно понимать эту словесную продукцию таким образом, что идеи слишком быстро сменяют одна другую, и больной не в состоянии целостно овладеть своими мыслями и облечь их в стройную, приемлемую словесную форму. Такие состояния известны под именем fug a idearum.

Сколь ни были бы существенны идеи, вытекающие из подсознания и сменяющиеся с неимоверной быстротой, мешающей больному овладеть своими мыслями, — эти идеи не могут быть утилизированы человеком, и потому они исчезают и не могут учитываться как творческий процесс. Механизм бодрственного сознания в значительной степени неповоротлив, он не может улавливать того, что сменяется с значительной быстротой, так же как глаз, при быстром вращении колеса со спицами, принимает эти спицы за сплошной круг.

Память у циркулярных больных, обычно, хорошо сохранена как на недавно, так и на давно прошедшие события.

Осмысление несет на себе отпечаток и отвлекаемости и заключения по недостаточному количеству признаков. Очень часто больному предлагают в рисунках целый рассказ, и больной, нередко, не просмотрев всех рисунков в последовательном порядке, обращает внимание на последний и по нему создает рассказ, выявляя впечатление, которое этот рисунок на него произвел, и облекая это впечатление в творческий процесс при помощи оживленной фантазии. В период экзальтации возбужденная сфера эмоций преувеличенно воспринимает каждый раздражитель и охотно реагирует на него.

Нередко к состоянию экзальтации присоединяются бредовые идеи, и тогда больной может неправильно ориентироваться в окружающей действительности, так как эти идеи приковывают к себе его внимание и лишают возможности правильно оценивать то, с чем он приходит в соприкосновение. Бредовые идеи имеют разный характер: они могут быть идеями величия, и тогда больной выявляет повышенное о себе мнение, его внешний вид принимает гордую осанку, и он часто мнит себя не тем, чем он является на самом деле. Нередко бредовые идеи выливаются в эротические переживания, и тогда больные ведут себя соответствующим образом. Идеи могут принимать религиозный оттенок, накладывая свой отпечаток на все поведение больного. Какого бы характера ни был бред, больной творит в период экзальтации, и его творчество обогащает бредовые идеи своей эмоциональной окраской.

Нередко у больных выявляются иллюзии; тогда больной окружающих его людей принимает за своих родственников, знакомых и т. д. В это время больные легко пугаются обычных предметов, которые они принимают за какие-нибудь устрашающие видения.

Иногда к данному заболеванию присоединяются галлюцинаторные переживания. Галлюцинации чаще бывают слуховые и зрительные. Больные, находящиеся во власти галлюцинаций, ведут себя в соответствии с характером последних. В это время больные могут быть опасны и для себя, и для окружающих, а потому их необходимо изолировать в специальные больницы с надлежащим уходом и лечением.

Особенности мышления больных циркулярным психозом создают условия гениальности, как было сказано выше; и если эту мерку приложить к личностям, отошедшим в область истории, то мы увидим, что как в области науки, так и в области искусства и техники имеется большое количество лиц, мыслящих по описанному выше шаблону. Особенность мышления, дающая возможность обобщать по недостаточному количеству признаков, принадлежит гению; но гении, помимо особенности механизма творческого мышления, должны иметь богатство творческого содержания, и это богатство творческого содержания должно выявляться в виде интуитивного процесса, выносящего в поток бодрственного сознания готовые решения.

В области научного творчества имеется много таких типичных лиц, у которых была при жизни способность мыслить по вышеназванному шаблону. Для примера можно взять Ньютона, о котором существует весьма характерная легенда, характеризующая данный способ мышления. Легенда говорит: однажды Ньютон сидел в саду и увидел, как упало с яблони яблоко; по этому признаку Ньютон создал теорию всемирного тяготения. Эта легенда как нельзя лучше характеризует вышеизложенное.

В искусстве можно привести в пример Чурляниса, который до 25 лет занимался музыкой не только практически, но и творчески, он оставил после смерти несколько музыкальных произведений. 25-ти лет он увлекся живописью; его увлекла аналогия между музыкой и цветом, заключающаяся в семи основных цветах и семи основных тонах. Он решил ввести в живопись музыкальный ритм, который до известной степени символизировал бы движение, так необходимое живописи. И, надо сказать, что его бледные по краскам полотна действительно как будто разрешили эту задачу; смотря на полотна Чурляниса зритель улавливает музыкальный ритм, созданный автором при помощи цветистой гаммы. Все картины Чурляниса являются плодом его творческой фантазии и совершенно лишены реального значения; тем не менее они влекут к себе и оказывают чарующее влияние на зрителя как музыкальностью, так и замыслом самой картины. Миф преобладает в его произведениях. Этот плод творческой фантазии овеществляет сказание, не ясно брезжущее в сознании каждого человека, а творчество Чурляниса реализовало данные переживания и зафиксировало их на своих полотнах.

Врубель создал новый вид живописи, красочная гамма которой представляет из себя как бы сочетание большого количества разноцветных камней, создающих врубелевский рисунок. Краски Врубеля и оживают, и влекут к себе, и заставляют разгадывать переживания, свойственные творцу в период его творчества. Среди картин Врубеля особенно выделяется мифическая идея демона; за возможность воплощения данной идеи ранее брался Зичи, реализовавший ее в виде франтоватого красавца. Врубель придал этому фантастическому образу совершенно иной характер. Последние годы жизни Врубеля эта идея так захватывала его, что во все последующие свои произведения он вносил характерные черты этой мифической личности. Картины Врубеля имеют очень мало связи с реальной действительностью; они являются продуктами его творческой фантазии; даже портреты, которые он рисовал с натуры, одухотворялись его творческим процессом и не несли на себе сухости, присущей портрету вообще.

Для примера приводится рисунок демона, выполненный акварелью и еще не репродуцированный ни в одном издании. Этот рисунок относится к 1904-му году, когда М. А. Врубель много раз брался за карандаш или краски с тем, чтобы реализовать мифическую идею, звучавшую в нем повелительным призывом к творчеству; в это время он создавал много рисунков на данную тему, но они, повидимому, не удовлетворяли его, а потому он почти все их уничтожил, этот же экземпляр сохранился лишь потому, что непосредственно был отдан мне в момент его окончания (табл. VII).

В технике можно привести в пример Уатта, о котором также существует весьма характерное сказание, оправдывающее наши предположения о технике мышления гения.

Уатт увидел, как пар кипящей воды приподнимал крышку на чайнике, и по этому одному признаку ему пришла мысль создать паровую машину, что он, как известно, и осуществил. Этот исторический пример также говорит о том, что способ мышления гения тот, на котором мы настаиваем.

Если мы возьмем литературные произведения и станем оценивать творчество авторов, то увидим, что большинство этих произведений создавались при наличии у авторов смены настроений, что указывает на циклотимический характер, свойственный этим автором. Бывали моменты, когда творцы мучились своим бездейственным состоянием и жаловались окружающим, что они не могут творить, что творческий родник как будто иссяк и из него нельзя уже выжать ни одной живой капли. Если мы припомним жизнеописание Гоголя, то окажется, что этот писатель как нельзя лучше подходит под данное определение, в то же время мы знаем ту высоту, на которой стоят его произведения. Этим же страдали Пушкин и Лермонтов, Бальзак, Дюма и многие другие авторы. Период угнетения всегда характеризуется уничтожением творческого процесса, кроме того, подавленность сама по себе причиняет страдание больному, сугубо увеличивая эти страдания наличием невозможности творить, и эта невозможность творчества создает у данных лиц безнадежную тоску, граничащую с отчаянием. Но проходит определенный период времени, и творческий процесс вновь разгорается ярким пламенем и вновь призывает творца к столу; и тогда как будто из какого-то родника черпаются новые идеи, выкристаллизовываясь в стройные научные теории или в изящные произведения искусства. В этот период времени человек творит без надрыва, с радостью и гордостью, сознавая, что он производит интересные, полезные, а иногда и высокие ценности. Период творчества может индивидуально продолжаться дольше или короче, и как будто за этот творческий период, в который цикло-тимик делает очень много, он принужден расплачиваться, когда наступает период депрессии. Нет гения, нет таланта которые ни переживали бы увлекательных моментов творчества, которые не испытывали бы радости, доставляемой им этими переживаниями. Радость творческого процесса есть величайшая радость, доступная людям, и эту радость испытывает и талант, и гений; но за эти радости они и расплачиваются жестокой депрессией, которая повергает их в бездеятельное состояние. В природе как будто существует закон определенного возмездия или равновесия: всякое счастье влечет за собой такое же по силе переживание неприятного характера.

Творческий процесс нередко авторами принимается за стороннюю работу, так как они говорят, что творчество, в которое они впадают периодами, является столь высоким, что оно не присуще им, когда они находятся в состоянии обыкновенного мышления. Творчество создает ценности выше их обычных понятий, кроме того, руководствуясь личными переживаниями, они утверждают и вполне искренно, то, что они никогда не работали над тем, что явилось само в их сознании. Между тем способность в готовом виде выявлять решения в потоке бодрственного сознания причиняет им радостные

переживания. Поэтому среди творцов до самого последнего времени прочно живет идея о том, что к ним прилетают музы, и слуха их касаются звуки, то слетающие с волшебных арф, то нашептываемые им сладостным голосом этих муз; поэтому многие творцы говорят, что они не являются действительными творцами, а что они есть не что иное, как проводники, через которые передается воля высших существ живущим на земле людям. Эта вера в высших существ или демонов, которые посещают творцов и передают им свои высокие идеи, настолько прочна, что она держится во всех классах, создавая прекрасные легенды о богоподобных музах, живущих на горах Парнасса, и спускающихся оттуда для того, чтобы вступить в общение с смертными, поведав им свои волшебные тайны и вложив в их произведения волшебный ритм, чарующий воображение человека и окрыляющий его творческую фантазию, уносящий его от опостылевшей ему повседневной действительности, увлекая его из этой действительности в мир воздушных замков, в мир сказочного царства, в мир миражей и грез.

В последней главе настоящей работы мы даем больше сведений о творческом процессе, там же мы указываем на подсознание как на первоисточник творческого процесса, что в полной мере развенчивает таинственность легенд о музах, пользующихся обаянием у многих творцов и в наши дни.

Материал, который собран нами у постели больных, представляет из себя значительное богатство. Среди этого материала имеются стихи и проза, дневники и рассужде¬ния, рассказы и романы. Из этих материалов мы имеем возможность привести лишь некоторые. Ниже мы приводим несколько стихотворений, могущих служить образцами творчества данных больных.

Больной, провизор по образованию, написал объемистую тетрадь, где имеются стихотворения и проза, некоторые из них сопровождались рисунками. Вот одно из его стихотворений.

„Quis quis amat—valeat! Percat, qui nescit araaro! Bis tanto pereat, quis quis amare vetat.
Античная надпись.
Кто поймет, кто разгадает,
Как обмануты мы сами!?
Отчего всегда витает
Чей-то призрак между нами?
Отчего, когда так страстно
Жаждем мы заветной встречи,—
Чей-то голос шепчет властно
Укоризненные речи?
Призрак сна, иль призрак рая?
Неземное, или земное?
Все твердит, не умолкая:
„Вас не двое! Вас не двое!"
Меж землей и небесами
Безнадежно мы витаем...
Для чего — не знаем сами...
Для кого — не понимаем...
Так, — в ненастный день, в смятеньи,
Листья блеклые взлетают,
Оживляются мгновенно,
И мгновенно замирают..."

Следующий больной находился в смешанном состоянии, мысли его не всегда ясны, он иногда думает серьезно о смерти, а потому за его поведением был установлен строгий надзор.

„И обняв вселенной пламя
Вознесу, я, в небо знамя!
Наконец одно я жажду:
Я хочу у ног малютки
Распростерть свои объятия
Их лобзать лежа у праха.
Я хочу у ног малютки,
Той малютки, что отняла
У меня покой, забвенье,
И лишь ряд мучений дала.
Я хочу лобзать без цели,
Без надежды, без желаний,
Я хочу одних лобзаний:
Ног моей единой Сони.
Я хочу в немом молчаньи
Возлежать в сырой могиле
Никого не ожидая,
Ничего, нигде не тратя
Лишь покой свой получая
Сил свои отдать лопате.
Той лопате, что мне яму —
Рыть — и выроет по смерти,
Я хочу отдаться хате,
Той, что в вечности есть — „клети"...
Наконец, хочу спасти я
Ту прелестную, что Соней —
Жизнь назвала, мне в насмешку,
Беспощадно издеваясь.
Я хочу спасти любовь ту,
Ту прекрасную обитель,
Что дала мне счастье солнца
И позвала: „неба житель,
Снизойди на землю нашу
Посмотри: „она" прекрасна,
Покормись; „ее" ты кашу,
Неужель отвергнешь.
„Красно, — Солнышко и звезды, море, лето и растенья,
Посмотри, как жизнь ясно
Светит всюду шлет забвенье"...
Я сошел с высот небесных.
Сон встряхнул и стары кости
Стал я править, выпрямляясь
И на все, любя, взирая
Вдаль с улыбкой... „ухмыляясь".
И насмешкой и любовью
Над собою насмехаясь...

А теперь войду я в царство
Для меня родное. Тихо
Лягу я, спою там песню
И засну на веки лихо.
Соня! Я — „довольно!.."
Говорю тебе я, вольно
Не могу иль не желаю
Дале ждать — того не знаю.
Соня! Я любить умею.
Но любить права истратил.
Ненавидеть, сил — не смею —
Я свои, пытать и —спятил:
Я с ума. Иль буду „пятить",
Но на ненависть, я тратить, —
Сил свои, я, не позволю —
Ни себе, ни своей воле.
Соня! Я просил прощенье.
Повторяться не умею
И твое иль жизни мщенье
Принимать себе —не смею!
Не хочу я ждать и плакать,
Не хочу любви, надежды;
Я хочу покоя, смерти,
Я хочу свободы, жизни,—
Не хочу совсем страданья,
Не хочу любви признанья.
Я хочу борьбы и света,
Я хочу прямого дела.
Я хочу отдохновенья.
Я хочу во всем забвенья.
Не хочу я писем, веры,
Не хочу любви сквозь сумрак,
Я хочу стихию моря.
Я хочу боренья ветра.
Я хочу удары грома
Я хочу пожара неба...
Я хочу покоя, мира;
Я хочу добра и света.
Я хочу прохлады ночи.
Я хочу покой могилы.
Я хочу сраженья, грозы.
Я хочу раскаты смерчи,
Я хочу уничтоженья
И опять, опять забвенья.
Я хочу безумья мира,
Я хочу преступность солнца
Я хочу греха, убийства,
Я хочу любви без смысла.
Жертв хочу я без сознанья,
Я страданий ряд желаю; —
Я хочу свои вдруг вены
Перерезать: — „умираю"...

Этот больной с низшим образованием хаотически переживал свои желания, что до известной степени отразилось и на его произведениях.

Больной, находившийся в игривом состоянии, вспоминал свои частые столкновения с полицией, был хорошо знаком с ее деятельностью и отдельными деятелями, он зафиксировал свое к ним отношение в нижеследующих строках.

„САТИРА.

Полицейский акафист.

Радуйся, преподобие отче

Околоточный, и моли бога о нас.

Припев.

Радуйся, пьяных нас поднимающий, радуйся, карманы очищающий, радуйся, по шее дающий.

Припев.

Радуйся, в дом забегающий, радуйся, чаевые собираю¬щий, радуйся не получив, хулы изрыгающий.

Припев.

Радуйся, протокол о нечистоте составляющий, радуйся взятку получающий и протокол разрывающий.

Припев.

Радуйся, проституток встречающий, радуйся, и от сих мзду получающий.

Припев.

Радуйся, мзды не получив, всепрощающей, радуйся, в Мясницкую их отправляющий.

Припев.

Радуйся, извозчика нанимающий, радуйся, в цене притесняющий, радуйся, записыванием № пугающий.

Припев.

Радуйся, пивную посещающий, радуйся, пиво и вино выпивающий, радуйся, проститутку лобызающий.

Припев.

Радуйся, всем страстям своим удовлетворяющий, радуйся, гроша медного непроживающий и даже на дорогу рубль получающий.

Припев.

Радуйся, в карты нечестно играющий, радуйся, уголки загибающий, радуйся, на мелок часто играющий, радуйся долги не возвращающий.

Припев.

Радуйся, всюду бывающий, радуйся, все в жизни знающий, радуйся, правду на ложь искажающий, радуйся, всюду и всех зацепляющий.

Припев.

Приводятся также некоторые рассуждения.

Проблема любви.

(Записки сумасшедшего.)

I.

Любовь к Тамаре.

Если мы представим себе одинокого человека, не связанного ни с какими обязанностями перед родными, близкими, своим народом, религией, общественными интересами дружбой, идеалами и традициями своего века и окружающих его людей, но живущего чистой нравственной жизнью независимо лишь своим духом, но абсолютно не вооруженного ни знаниями, ни опытом, ни особенными способностями и потому живущего обыденным трудом заурядного человека, которого надолго приковывает к месту его труда неприспособленность его к общественной жизни и его физическая ординарная сила, не дающая ему возможность смело и просто скитаться по земному пространству, добывая себе свое пропитание случайным физическим трудом— носильщика, дровосека, пахаря и т. п., — то вам станет ясным факт его женитьбы, в кратких словах, могущего быть выраженным, описанным, так:

В один случайный момент, получив телеграмму об опасной болезни у его матери, он в тот же момент под влиянием момента, подчиняясь инстинкту, чувству необходимости в виду всех соображений о других, так называемых родных, людях,— едет за 1000 верст на свою родину и там венчается с девушкой, которая занимала его мысли, как противоречивое существо, ничем не отличающейся среди своих подруг за исключением характерной для нее черты,— поведением легкомысленной миловидной барышни, не считающейся, по-видимому, ни с каким о себе мнением; иначе — пользующейся ухаживанием множества молодых мужчин ради развлечения, провождения времени без всяких привязанностей с кем бы то ни было. Венчание, факт возможности этого для человека, который отрицал все и вся и исключительно женщин, как носителей порока и бессмысленной жизни и именно с такой девушкой, которая представляла собой воплощение отрицательного типа женщины, такого масштаба людей, взгляды которых на жизнь и мир божий равняются размеру их аппетита, удовлетворяемого в каждый отдельный момент согласно их капризу;— и

исполнение этого явления в течение двух трех часов,— при чем герой этого романа „пробыл на своей" родине одни сутки, так как служба и постоянное его местожительство—большой столичный город,— были неразрывной частью его всей жизни и всех его интересов.

Итак, повторяю, если мы представим такого человека томящегося в своем положении, безвыходно одинокого, никому ненужного и но его понятиям „ничего" не делающего,— (т.-е. не имеющего „полезного" труда),— то вам станет ясным и факт его женитьбы и вся последующая ..игра",— жизни его с женой,— семейной комедией в кошмаре безумия и дрязг окружающих, в течение двух лет, вплоть до водворения им себя в дом умалишенных"...

II.

Елизавета Леонтьевна — интеллигентная, красивая, самостоятельная девушка, как воплощение разумного друга-девушки подруги жизни.

III.

Как единственный ч е л о в е к".

Больной, считавший себя поправившимся, заботится о своей дальнейшей судьбе.

„Шарада.

Маленький план „бегства" из дома покоя на вольную арену труда.

1) Саадья Семенович — написать письмо, просить прийти на свидание; в письме извиниться за прием мой его при первом свидании объяснив прошлое — „прошлым".

Результаты препятствия.

а) придет на свидание; письмо от меня с такой и прочей просьбой (о службе мне) примет как залог, дающий ему право надеяться „помирить" меня с женой Тамарой —

это его глубокое желание, могущее дать ему при осуществлении большое удовлетворение,— показатель его обаяние личности — умной и влиятельной... и еще многое, касающееся его.

б) может при свидании со мной — расстроить своей бестактной словоохотливостью с поучениями и рассуждениями,—но это, т.-е. „расстройство нерв выздоравливающего",— мне очень полезно. Следовательно, нужно написать письмо ему.

2) Б. (студент на лекции) мог бы с удовольствием помочь найти службу; как крымский караим, богатый, имеет полную возможность попросить кого угодно их богатых крымских караимов принять меня на службу и его просьбу очень легко могут исполнить. Как разыскать Б. и как найти возможность просить его об этом, имея в виду то, что он вообще меня совершенно не знает.

3) Ехать к брату в Нежин хорошо; там спокойно, лучший воздух, но уезжать из Москвы сейчас нельзя: много вещей, их девать некуда; оставить Москву нельзя сейчас еще потому, что здесь моя жизнь потечет нормально, а в Нежине будет все то, что было в Поневеже и Конотопе — безумие, психопатство. Этого повторения нельзя допустить себе и потому нужно подготовиться ранее, пожив на службе до Весны или Лета в Москве. Москва, своей жизнью, своим простором, своей общечеловеческой жизнью, интересами — моя колыбель: в ней я получил свое воспитание, жизнен¬ную силу вот для той борьбы в жизни, которая мне казалась и кажется необходимой ради самостоятельной жизни— трудовой и честной, не обременяющей никого из окружающих.

4) Голвин. Из свидания с Мих. N беседы с ним, я прихожу к несомненному выводу, что рассчитывать на заработок на фабрике своего б. хозяина невозможно: там мне места нет, за это говорят очень много пунктов соображений об обитателях фабрики и их отношений ко мне. И так пока пишу письмо к N.

Мысли о человеке.

Мне хотелось бы говорить не вообще о человеке, а об отдельном человеке, однажды виденном мною.

Но... этот человек, оставшийся в моей памяти, как прекрасное явление, светлое и ясное пятно на бесцветном горизонте,— далеко от меня; я видел его в юности своей.

Это было в те далекие дни, когда мне было 19-й год и я, живя за гранью Московской жизни,— Бутырской заставой,— посещал по вечерам лекции в Политехническом музее, организованных Городским Народным Университетом.

Она („отдельный человек") провинциальная девушка лет 18, приехала в Москву поступить на Высшие женские курсы, но... опоздала...

Вы встретились на улице в тот момент, когда выйдя вслед за ней из вагона трамвая у Страстного монастыря около 8 часов веч., она обратилась ко мне с вопросом, как пройти в Солодовнический театр. Нам было по пути и я объяснил ей это. Мы пошли вместе. Она, оказалось, жаждала видеть оперу: „Орлеанская дева", и — так как пропустить одну лекцию для меня показалось естественным, в виду выяснившего обстоятельства: она в 11 ч. вечера, после театра, должна была вернуться домой, т.-е. к родственнику офицеру, где она остановилась после приезда в Москву,— одна, а последний жил у Бутырской заставы. И, я пошел вместе с ней смотреть „Орлеанскую деву". Мы вернулись домой — я дошел с ней до ее крылечка и, боясь спросить у нее адрес ее дома на родине, ушел.

19—15-ГО/П—15 Г., 2 Ч. 25 М. Д.".

Больной желает написать шараду или письмо, касающееся его устройства в Москве, но мысли его вращаются все время около одного предмета и навязчиво побуждают его работать в одном направлении.

„Свод мыслей.

Есть ..свод законов". Законы природы, законы человеческого общежития. Но, „свод мыслей", как я хотел бы охарактеризовать свои воспоминания и предположения о способе лечения психических больных—такой формулы— нет. Т.-е. нет такого кодекса мыслей.

Однако, бывает что-то в жизни и не обыденное. Этим необыденным явлением я и хочу объяснить свое выздоровление. По-моему, это необычайное явление и — вот по каким соображениям.

Во-первых — два основных положения: а) психическое заболевание, перенесенное мною— исключительно тяжелое, может быть очень редко излечимое, во-вторых — быстрота излечения.

Эти два положения и говорят о необычайном явлении. II доводы к этому, если сумею выразить сейчас их — таковы.

Привезенный в дом, куда доставляются обычные зарвавшиеся люди, хватившие „через край", т.-е. люди, устраивающие беспорядок на улицах столицы, но по состоянию своего здоровья неподдающиеся полицейскому способу „лечения", я обратил на себя внимание врачей необычайным для душевнобольных поведением, вернее сознательностью. Но это не верно: скорее, ближе к истине будет то, что обычно заболевания подобного рода бывают от какой-либо жидкости, от венерических болезней, сильного нравственного потрясения и т. п.

Опять не то. Ибо я помню следующее: врач-профессор, принимавший меня в приемном покое при участке, между прочим, услыхал от меня: „я боюсь попасть в сумасшедший дом, не мог бы перенести вид крови" и т. д. Сегодня „вид крови" не произвел на меня никакого впечатления, дав лишь окончательное убеждение не столько в разумном, гениальном, мог бы сказать,— лечении душевнобольных (ибо в этом я был убежден ранее, давно),— сколько в том, что вид крови — есть последний страх в одном прекрасном целом, прошедшем перед моим умственным взором.

Хронологически перечислить все моменты испытаний, т.-е. дней — картин лечения я, конечно, не могу; может быть на свободе я сумею и очень многое вспомнить. С другой стороны, я сожалею и очень отчасти, что не имея возможности переложить на бумагу те представления, какие рисовались мне при втором переводе во второй палате; об этом я во время переживаний тогда думал и жалел, что находился тогда не в третьей. Я не могу выразить свою благодарность врачам и радость испытанную и испытываемую за то, что не перевели меня в этот раз вновь в те палаты. Перемещения с места на место, когда это делалось из лучшей палаты в худшие, действовало на меня столь угнетающе, что три четверти своих переживаний я приписывал, почти,— именно факту перемещениям.

Кратко оканчивая свою мысль, я могу добавить, что выслушивая мои полусознательные, личные и письменные „исповеди" о характере моих представлений заболевания вы, врачи-психиатры, комбинировали соответственно этим безумным картинам разумно-организованные картины — противоядия (4 ч. 50 м. д. 19/П 1915 г.).

II.

Когда я думал о желании передать последовательно все свои „видения" во время болезни, то всегда предполагал, что для возможности исполнения этого необходимо, или иначе — достаточно, — узнать от врачей историю своей болезни. Так думаю и сейчас. Но в то же время я понимаю, что это не логично. Если интересно узнать от больного его воспоминания, то узнавать их после того, как ему их напомнят — вовсе не интересно. Другой вопрос, если он сам все или часть вспомнит без всякой осведомленности его со стороны врачей.

Кроме этого является соображение, вопрос,— кому и чем интересно изложение бреда больного здоровым, т.-е. выздоровевшим. На это просто можно ответить: пожалуй это интересно для психиатров, если принять за факт, что обыкновенно душевнобольные ничего не помнят из того, что с ним происходит во время болезни, ибо мозг их бывает поражен в какой-либо части, что и лишает их возможности передать свои видения другим более-менее логично, так как эти видения обыкновенно бессвязны. II вот самое правдоподобное во мне будет то соображение — факт, что моя болезнь была точная картина всего того, что спало и томилось в моей душе: все мои мечты, желания, стремления, будучи задавлены жизненной беспросветностью моего существования, нашли себе выражение в моем безумии. Поэтому я так сильно страдал и бился, будучи не в силах понять, что со мной происходит и поэтому так трудно мне верилось в то, что я психически заболел, как болеет всякий сумасшедший.

III.

Получилось вместо „свода мыслей", лишь лепет ребенка. Но... и то хорошо. „Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало", может быть это самое ближайшее к истине объяснение всего того, что я вижу и испытываю со стороны моих сожителей.

Так или иначе вокруг меня радость. Радость жизни, радость солнца и все это сейчас-же по заявлении мною, что я здоров. Радость эта меня не смущает, но и не опьяняет. Поддаваться радости как и грусти — разумно,— удел разумного: в этом торжество настоящей жизни.

IV.

Вопросы, смущавшие меня раньше,— все разрешены. Прийдет ли „Лизочка" или нет это мне теперь не важно: важно было написать такое письмо и именно получение ею его. Но, если бы врачи и не отослали это письмо, беды в этом никакой не вижу: выйду на волю — нужно будет найду возможность сказать тоже еще лучше.

О себе беспокоиться то же нечего. Захочу поеду на родину — там ничего страшного то же не будет, ибо я теперь новый и безумством заниматься при всем даже желании не сумею, так же, как не мог раньше не заниматься „психопатством". Нежин, Москва, Поневеж — абсолютно везде хорошо. Кроме этого я убежден, что работу, дающую пропитание такому взыскательному, как я, зверю, найду теперь очень быстро. Слово „теперь" имеет значение следующее: после 4-летней жизни в Москве и такой школы, которую прошел здесь за время лечения. Пока достаточно".

Больной сам замечает, что никакого свода мыслей у него не получилось, он не может удержаться в пределах темы или поставленной задачи вследствие отвлекаемости. Он это чувствует, но сейчас же подыскивает оправдание, говоря: „чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало".

„Мысль, требующая осуществления.

Я прошу доктора прислать мне все записки, переданные -за время болезни. А когда я их разберу и пришлю обратно вместе с изложением: „свода мыслей" на основании тех записок и воспоминаний теперешних, тогда прошу прислать все то, что принес N из моих писем и все письма, полученные на мое имя, если таковые есть.

А. П.

Этот лист тоже, вместе с записками.

19/III 1915 г. веч.

Поведение N 19 дек. и накануне, в связи с картиной, „панорамой жизни", согласно моему мировоззрению в Петр, парке —и приемом меня того же 19 дек. NN доказали мне верность безумного воображения в руководстве моими действиями — „коллективным разумом. Отношение ко мне в Сыскном отделении, в участке (Тверской части вероятно) встреча на Красной площади с воображаемым Государем Императором и терпимость городовых и дворцовой стражи во время моего дебоширования, вместе с инцидентом с остановкой трамвая п пр. говорило моему воображению о том, что: „не готовят ли они меня в живого святого вместо „мощей", для чего повезут на театр военных действий в виде вдохновляющего воинство субъекта, или — поднимают дух народа, общества, пустив такое „чудо" проповедывать по вдохновению... Очутившись в больнице

я понял, что это научная лечебница и окружающих меня больных вовсе не принимал за тех, как величал и отно¬сился к ним по временам; предполагая, гадая не изображают ли они собой тех или иных символов происходящего, т.-е. не играют ли они роль: один германского императора, другой представителя революции и т. д. я, реагируя на их крики и жесты, на мгновение убеждался в правдоподобности этих воображений больного.

Но только что я убедился в силе своего „всеобъемлющего мозга" в коридоре, как перевели во вторую палату. Тут я должен признаться происшедшее не помню сейчас, ибо все пережитое потом, а главное повторение в более сознательном и спокойном виде во второй же палате во время второго перевода, — смело из памяти те картины полоумного, в горячке безумия мечущегося от одной догадки к другой — т.-е. не хотят ли они из меня сделать Христа, ибо такового вовсе не существовало; не делают ли объект всемирного примирения посредством чего наука достигает равенства, братства и любви всего мира. При этом должен добавить, что это как и прочие предположения были лишь мгновенные ведения, меняющиеся соответственно с отношением ко мне служащих, врачей, больных и т. д.

II.

Настроение превосходное. Допустим доктор скажет: надолго ли,— а мне важно не это. Важно то, что это настроение ни на мгновение не омрачается сомнением, опасением, что оно вытекает из всего прошлого, как из здоровых легких воздух;— дышется легко, свободно. Нет того почти беспрерывного опасения быть не понятым врачем. Доктор— стал другом, товарищем не на словах, не на миг. Это просто, естественно как свет солнца, о чем не приходится ни заботиться, ни задумываться. И вот в этих признаках и есть главная основа здоровья бессомненного, полной гармонии духа и тела, полного, ясного примирения со всем человечеством каждым „малым" и „большим",—обидевшим и обиженным.

А. II."

Мы дали записки больного в том виде, как он их написал, с целью показать: как мыслит обычный, не мудрящий в жизни человек в период заболевания, как в его мыслительном аппарате преломляются действительные факты, и в какую форму облекает их больной при воспоминаниях.

У нас собрано много рассказов, которые требуют особого издания, так как место в данной работе они найти не могут. Некоторые записки представляют большой интерес. Среди записок имеются дневники мужчин и женщин, по последним легко отличить: был ли автор в подавленном состоянии или в состоянии экзальтации. Среди дневников особенно ярко выделяются дневники женщин, оставшихся без работы, без крова и вынужденных скитаться по различным притонам; некоторые из них, по их же признанию, ночевали на лестницах за неимением более удобного пристанища. Интересны дневники женщин, бывших в состоянии экзальтации, по внешнему виду дневников можно поставить диагноз, так как они имеют сложные рисунки на обложках, для объяснения смысла которых иногда прилагаются отдельные описания. Цветистость украшений, тщательная отделка их и сложность, замысла создают диагностическую ориентировку.

При наличии экзальтации больные понуждаются к творчеству, и если творческий порыв не будет в достаточной мере использован, то больной будет расходовать свою энергию на разрушительное творчество. В больницах нередки случаи, когда больные, находящиеся в состоянии экзальтации, бьют стекла, рвут белье, нападают на ухаживающий персонал и вообще причиняют в больнице много неприятностей. Если к таким больным отнестись с надлежащим вниманием и предложить им бумагу и перо, карандаш и краски, то они будут заниматься производительным творчеством, и нельзя заранее сказать, что данный больной не создаст чего-нибудь интересного; с уверенностью можно сказать, что каждый больной, находящийся в состоянии экзальтации, создаст нечто оригинальное, красивое, заслуживающее внимания.

Изучая творчество душевнобольных, можно проникнуть в глубину творческого процесса и по его механизму составить ясное представление о том, что данный процесс целиком совершается в недрах самого творца. Далее нами будет предложена теория психотехники творческого процесса, в которой мы подробно остановимся на взаимоотношении сознания и подсознания в творческой и привычной работе. В настоящее же время мы только обращаем внимание на то, что творческий процесс циклотимиков, находящихся в периоде экзальтации, является весьма важным и несет на себе отпечаток гениальности. Фаза экзальтации характеризуется активированием сферы чувств, последняя синтетически творит в подсознании различные ценности и выносит их в интеллектуальный поток, окрашивая все в яркий творческий цвет. В зависимости от степени активирования сферы чувств активируется и бодрственное сознание; от степени потока идей из подсознания зависит отвлекаемость больного; если идеи хотя и быстро сменяются, но так, что больной в состоянии ими овладеть, то в этот период времени он является значительно отвлекаемым; его органы восприятия также находятся в повышенном тонусе, благодаря чему наиболее воспринимающие из окружающей среды — слух и зрение привлекаются всяким мелким вмешательством: с каким бы увлечением ни говорил больной о предмете, его легко отвлечь в совершенно противоположную сторону, высказав иную мысль, на ко¬торую он сейчас же начнет реагировать, так как вскользь брошенное слово служит импульсом для разработки новой темы.

Рисунки больных циркулярным психозом можно разделить на две, совершенно обособленные части, так как они на первый взгляд совершенно отделяют одну группу от другой. При первом взгляде на рисунки видно, что некоторые из них выполнены или черным карандашом, или темными красками; другая же группа выполнена более яркими красками: у них более выработана форма. Данные явления соответствуют тому настроению, которое свойственно депрессии и экзальтации.

Депрессивное состояние не богато творчеством, и обычно, если оно слишком углублено, то творческий процесс совершенно отсутствует; но когда больной начинает поправляться,

то депрессивное состояние создает такие внутренние условия, что больной побуждается к творчеству. Состояние депрессии 'не богато продукцией; поэтому и материал, которым мы располагаем, не отличается богатством по количеству и содержанию. Обычно, депрессивные больные, хотя им и было предоставлено такое же количество красок, как и другим больным,— непроизвольно, не замечая, употребляли краски только темного цвета, и это явление всегда присуще депрессивным больным. Какой бы формы ни было душевное заболевание, сюжет, выбираемый депрессивными больными, является несложным, так как работа очень быстро утомляет таких больных, и если они дают какой-нибудь рисунок в состоянии глубокой депрессии, то только по настоянию врача; но когда разрешается депрессивный период, тогда больные и сами начинают работать, и эта работа как будто способствует разрешению угнетенного состояния, свойственного данным больным; в производимой ими работе они забывают о том тяжком недуге, который хотя и ослабел, но еще не излечился.

Депрессивные больные начинают с простых форм, граничащих иногда с детским творчеством; по мере ослабления болезни они усложняют форму рисунка, иногда охотно рисуют даже фигуру человека, иногда дают пейзажи, но последние отличаются мрачными красками и несложностью содержания; форма рисунка также является не проработанной. По мере разрешения болезни в мрачные краски вкрапливаются и яркие цвета, и этот признак говорит о том, что данный больной выходит из своего тяжелого депрессивного состояния и находится на пути к выздоровлению. По продукции очень легко судить о начале выздоровления, и она является объективным признаком или улучшения, или ухудшения болезни. На слова же больного, обычно, полагаться нельзя, так как депрессивные больные до полного выздоравливания говорят врачу, что им нисколько не стало лучше, что они также страдают, что у них такое же безнадежное состояние, какое было и раньше; но творческие продукции дают совершенно верные сведения врачу о настоящем состоянии больного. По рисункам врач легче может судить о состоянии здоровья

больного, чем по продукции писания, так как в писании больные придерживаются такой же тактики, какая присуща их словесному выражению. Краски же больной независимо от себя выбирает такие, которые соответствуют его внутреннему состоянию. Мы так привыкли к данному явлению, что рисункам верим значительно больше, чем показаниям самих больных. Многочисленность материала, собранного у нас, дает нам право утверждать, что этот признак никогда нас не обманывает, и мы всегда находились на верном пути относительно состояния больного в каждый данный момент. Чтобы яснее ознакомиться с творчеством при депрессивном состоянии, приводится несколько снимков, могущих характеризовать данное творчество.

Что же касается состояния экзальтации, то последняя много богаче по творчеству, чем состояние депрессии. Оно и понятно: состояние экзальтации характеризуется деятельностью более или менее многообразной, и эта деятельность предъявляет требования к самому больному, понуждая последнего к ее реализации. В зависимости от обстановки и забот о больном эта деятельность может вылиться или в форму разрушения или же в форму полезного творчества, что в большой мере зависит от вмешательства врача: последний может направить эту деятельность или в полезное или в разрушительное русло. В городских больницах чаще всего лежат больные, не владеющие ни карандашом, ни красками, но тем не менее они охотно рисуют и дают разнообразные продукции. Иногда они рисуют дома, иногда пейзажи, иногда человеческие фигуры, иногда наблюдается простая игра линий; но независимо от сложности или простоты рисунков в них ярко выявляется творческий процесс, характеризующий изобретательность больного и самым выполнением, и наложением красок. Краски в этом состоянии всегда яркі;

нередко больные пользуются и черным карандашом, но карандаш не выявляет мрачности замысла, а скорей характеризует повышенное состояние самого больного, так как помимо темного карандаша нужно еще считаться и с темой рисунка. Для примера можно привести снимки с карандашных рисунков юмористического характера. Один больной нарисовал даму с хвостом и написал: „Общество Московского Медицинского Отдела" (рис. 26).

Другая больная с не особенным доверием относилась к женщине-врачу, ежедневно посещавшей ее, и нарисовала карандашом карикатуру на себя и на эту женщину-врача, внизу сделала надпись: „Больная у ног доктора", и далее крупным почерком „Пощадите"...

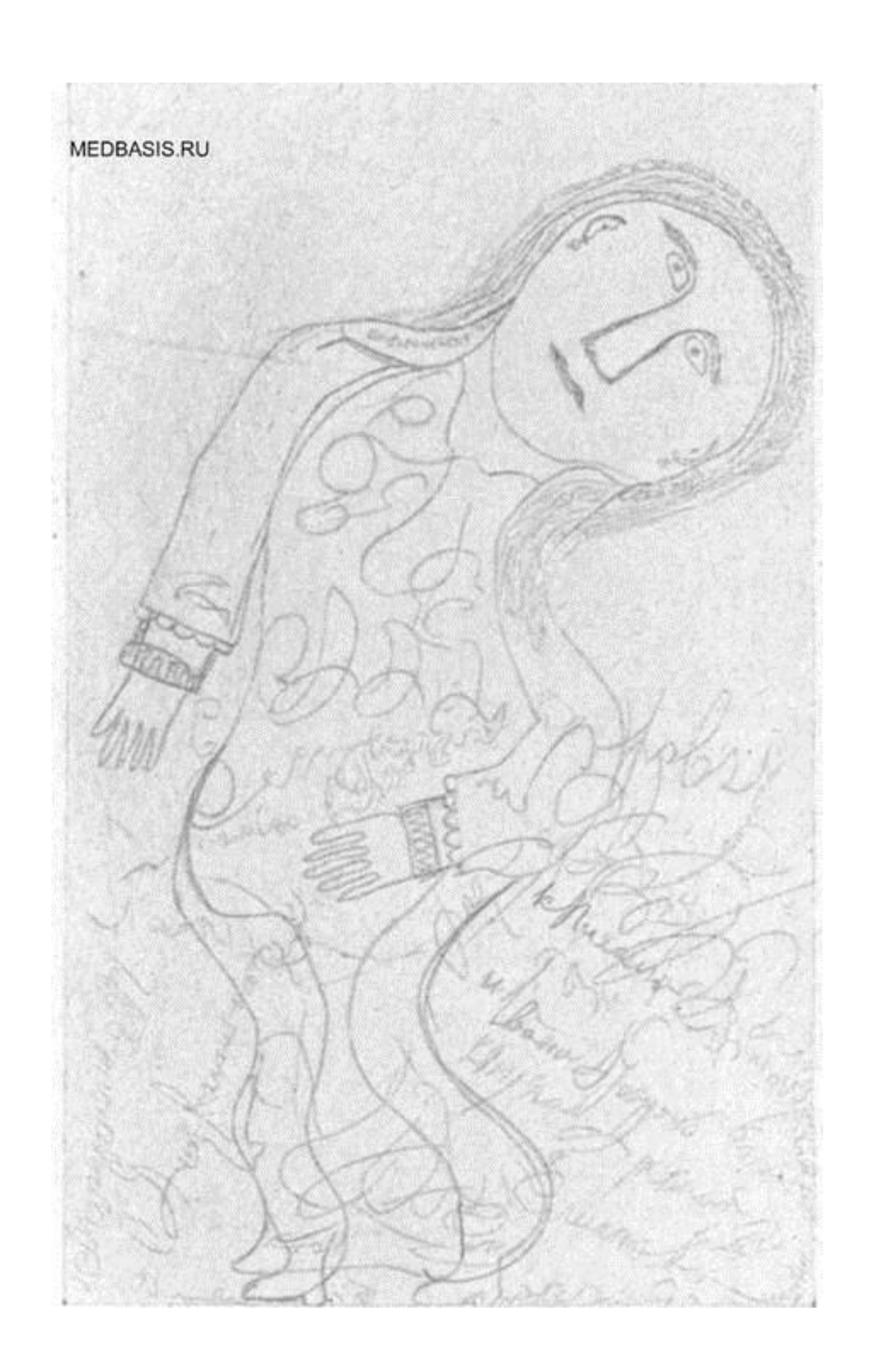
Среди рисунков больных, находившихся в состоянии экзальтации, есть много примитивов, но эти примитивы по красочной гамме являются иногда очень

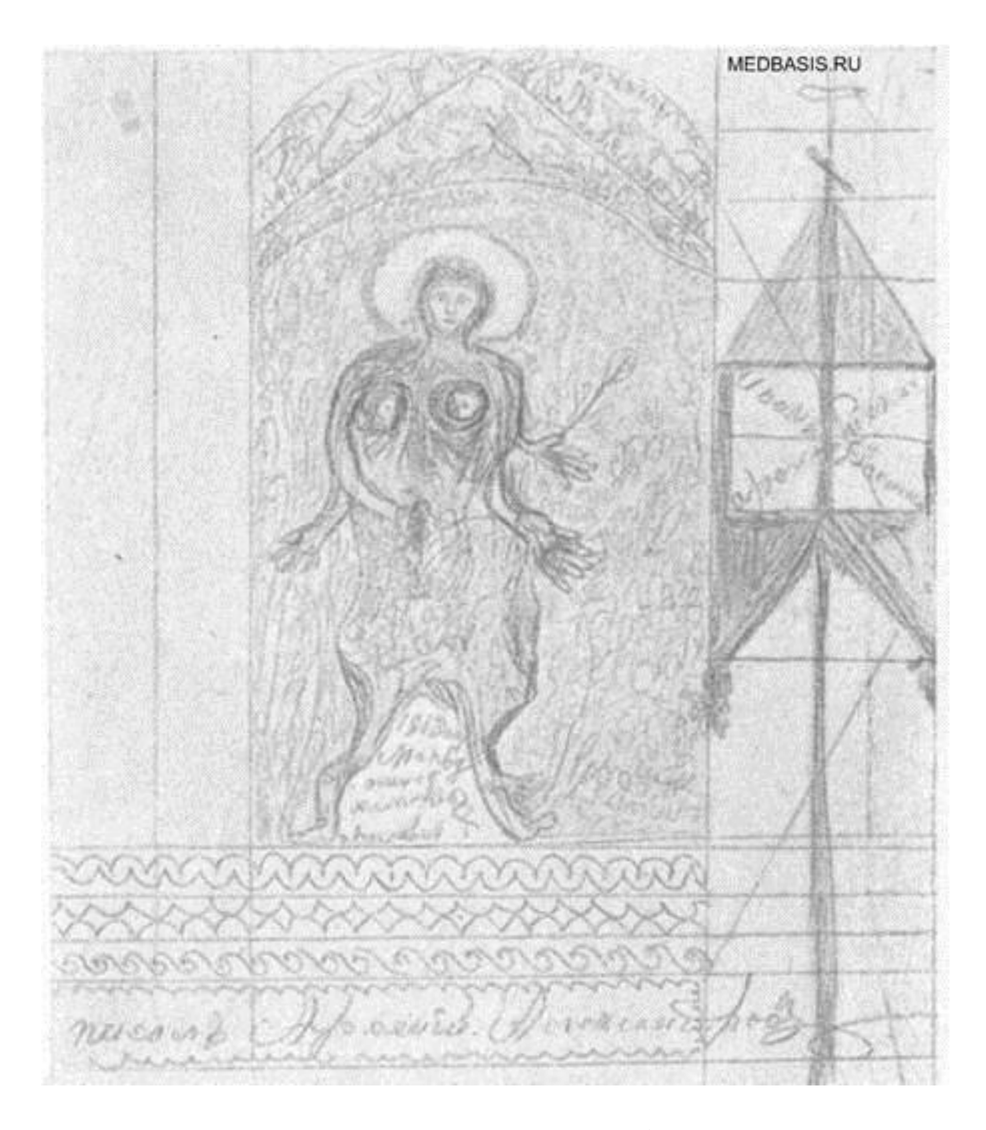
привлекательными Иногда эти больные впадают в эротические переживания и тогда они дают рисунки соответствующего содержания.

Больные, совершенно не умеющие рисовать, иногда дают игру линий как карандашом, так и красками; но эта игра линий не является мертвой, она постоянно живет, живет

и в красках, и в карандаше. На некоторых рисунках линии дают представление о смешанном состоянии больного и говорят о том, что данное заболевание имеет больше элементов депрессивных, или депрессия уже разрешается, и далеко ли заходит разрешение данного заболевания.

Иногда у больных появляются религиозные симптомы, которые ярко вырисовываются в ходе болезни, и тогда больные рисуют образа: чаще всего эти образа представляют из себя обычный примитив, но в этот примитив вносится такое движение, которое не свойственно данной живописи. Трудно характеризовать в словах эти рисунки, но снимки с них дадут более яркое представление о том, что создают больные в этом направлении (рис. 27 и 28).





Больные иногда очень охотно рисуют фигуру”.человека, но трудность исполнения заставляет их прибегать к примитиву, но этот примитив имеет очень интересные свойства; описывать эти рисунки довольно затруднительно, но опять-таки снимок может дать более яркое представление о том, как разрешают больные данную задачу (рис. 29).

Про эти рисунки можно сказать, что в них смешивается профиль и en face и очень часто на профиле имеются два глаза: нередко через накинутый плащ просвечивают ноги и т. д. Некоторые фигуры представляются довольно странными; большинство из них сопровождается надписями, поясняющими, что должна изобразить данная фигура. Опять-таки симптом, который почти никогда не встречается у дементных больных; дементные больные почти никогда не объясняют ту фигуру, которую они рисуют, а если объясняют, то настолько путано, что проникнуть в смысл надписи представляется или весьма трудным, или невозможным.

Иногда рисунки бывают исписаны, и надписи, сделанные малограмотным человеком, трудно разобрать, между тем сама фигура может представлять интерес по замыслу и по выполнению, например, рисунок, представляющий одну голову с семью лицами, при чем у каждого лица имеется глаз, помещенный на вершине лба; у каждого лица имеется свой рот и нос, но все они объединены одной головой, сидящей на общей шее и имеющей одну фигуру с двумя руками и двумя ногами. Рисунок выполнен карандашом, линии его довольно слабы, а потому его трудно представить в репродукции.

Среди изображений человеческих фигур имеются такие рисунки, которые выполнены лицами, владеющими карандашом и красками; они уже представляют из себя меньший

интерес, чем примитивы. Больные, владеющие красками и пером, иногда рисуют афиши представлений, даваемых артистами в стенах больницы, и надо сказать, что к этой работе больные относятся с большим интересом, ибо спектакли скрашивают однообразную жизнь в больнице, а потому афиши выполняются с большой любовью.

Большой интерес представляют рисунки, выполненные красным, синим и черным карандашами, а иногда и красками, принадлежавшие малограмотной больной. Эта больная никогда раньше не рисовала, но в период заболевания, поступив в больницу в смешанном состоянии, она давала характерные рисунки, объективно выявлявшие ее настроение в эти периоды. У этой больной, так же как у других больных, был набор, состоящий из 12 красок, синий, красный и черный карандаши, тем не менее совершенно непроизвольно, в зависимости от своего внутреннего состояния, больная пользовалась то одним черным карандашом, то давала рисунок без определенной формы, но красочные пятна его сочетались подобно изящной вышивке или узору ручного ковра. Больная охотно рисовала в период заболевания, в наступивший же период выздоровления она совершенно перестала интересоваться живописью, и все просьбы, обращенные к ней, оставались без удовлетворения: больше она не рисовала. (Табл. VIII и табл. V, рис. 2).

Табл. VIII

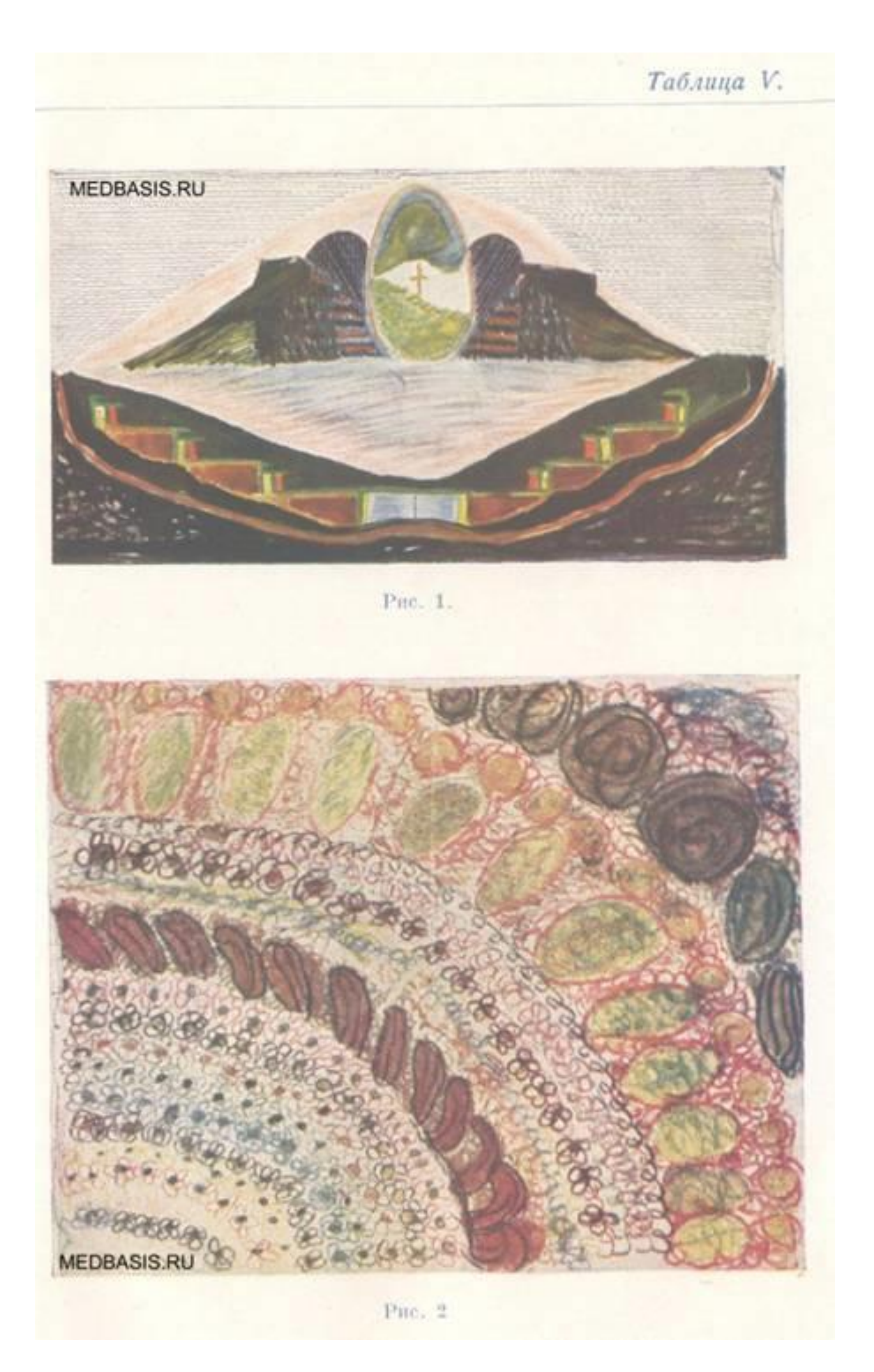


Табл. V

Чтобы охарактеризовать данные ею рисунки, мы приведем образцы их, могущие говорить за себя лучше, чем это можно выразить словами. Единственно, что необходимо отметить относительно этих рисунков, это то, что больная в период экзальтации и сменяющейся неглубокой депрессии сама побуждалась к работе и была очень довольна, когда эта работа у нее находилась. Если бы такую больную не отвлечь рисунками, то она, конечно, была бы будирующим элементом среди пациентов больницы и причиняла бы ухаживающему и врачебному персоналу много неприятностей.

Большой интерес представляют рисунки больной, поступившей в больницу в состоянии глубокой депрессии. Глубокая депрессия продолжалась довольно долго, и больная не делала никаких попыток к проявлению творчества. Надо заметить, что данная больная является специалистом-художником, и, тем не менее, у нее не было никакой потребности к рисованию. Прошло некоторое время, и больная стала выходить из состояния глубокой депрессии и проявлять, хотя небольшой, но интерес и к жизни, и к своей профессии; в период этого интереса она дала ряд рисунков, характеризующих ее болезненное состояние. Эти рисунки, можно сказать, являются историей болезни, написанной в красках, эти же рисунки на обратной стороне сопровождались весьма интересными надписями, выражающими настроение больной. Больная является в высокой степени культурным человеком, и она очень удачно, метко и точно характеризует свое состояние, а поэтому является большая потребность в воспроизведении некоторых из этих рисунков и сопровождающих их надписей. Рисунок будет говорить сам за себя, а надписи мы приводим в том виде, в каком они сделаны самой больной.

Табл. IX. На обратной стороне его написано следующее: ..Целебной опоре моего колеблющегося духа. 17-го января 1921 г.

Это- моя боль. Вы должны понять ее. Это ее точное изображение, как она ярко и больно рисуется в моей голове. Налево — мрачно и грозно строят, строят и нагромождают бесконечно и остро, и безжалостно бросают камни, острые, как боль.

Направо внизу — лазурная зыбь моих переживаний

И плывут и спиральным вихрем крутятся...

А этот бесцветный — это обруч, несносный и давящий, сжимающий мне мозг.

Выше — звезды моих мечтаний, не ясные в мыслях и принявшие формы уже на бумаге.

А наверху направо—странно, причудливо светлый внешний мир и от него три нити послушания.

Почему их три — не знаю, но их всегда три.

Кружки под звездами — нажимы боли на мой мозг.

Форма в виде зонтика налево создана фантазией, а не переживанием, но так слилась с композицией, что я не могу ее уничтожить".

Левая сторона данного рисунка занята острыми мрачными предметами, на которых лежит зонтик, слившийся, по словам больной, с композицией. Пространство, занятое острыми, мрачными предметами, в достаточной степени велико, и те острые пики, которые нависают, вклиниваются в данное мрачное нагромождение, занимают также большое пространство. Из мрачного пространства спиралью выходит серый обруч, спирально сворачивающийся и сжимающий мозг больной до ужасной боли. Внешний мир больной представлен направо, наверху, в виде желто-оранжевых кружков, занимающих крайне малое пространство. Направо, внизу, изображен внутренний мир больной в виде голубых кружков, занимающих немного места. Внутренний мир мало дифференцирован, и это, по-видимому, соответствует тем переживаниям, которые были присущи больной в ее состоянии. Звезды, находящиеся наверху данного рисунка, занимают крайне малое пространство, и от этого пространства идут три синие нити, названные больной „нитями

по слушания". Над внешним миром рассыпано несколько звезд; вот и все, что больная могла написать радостного о своих переживаниях, о внешнем мире и звездах. Большее

пространство данного рисунка занято переживаниями мрачного характера, и эта часть рисунка выработана значительно лучше, чем часть, относящаяся к внешнему миру и к внутренним приятным переживаниям, что вполне соответствовало ее болезненному состоянию.

Рисунок 30. „В моем мозгу расцветает пышный цветок мудрости... Отражение одной из острых мыслей, десятых чисел января, 1921 года, в моем воспоминании о ней 18 января 21 г."

Рисунок представляет из себя также большой интерес. На данном рисунке, внизу, представлена одна сфера с синими и бледно-синими извилинами, что должно представлять мозг больной. В мозгу звезда с острыми и длинными концами, больно пронизывающими его. Только в середине эта звезда имеет темно-красноватый оттенок, обведенный серебряной каймой. Сзади этой многолучевой звезды поднимается стебель, на котором пышно расцветает тот цветок, о котором говорит

больная. Но этот цветок, хотя и не нарисован мрачными красками, тем не менее по форме своей с заостренными

концами, по-видимому, причиняет мало радости больной. Цветок нарисован почти на белом фоне, и поверх его идет синий кант, отграничивающий данный цветок от коричневого поля, занимающего верх рисунка. Этот рисунок выполнен менее мрачными красками, и только звезда, бороздящая и причиняющая боль больной, остро внедряется в ее мозг, остальное не так мучительно, и действительно, рисунок вполне соответствовал ее здоровью. По этому рисунку уже можно судить, что тяжкие переживания, свойственные ей в прежнее время, начали смягчаться, и больная уже находится на пути к выздоровлению, а если мрачные мысли иногда одолевают ее, то они уже продолжаются не так долго, как это было прежде.

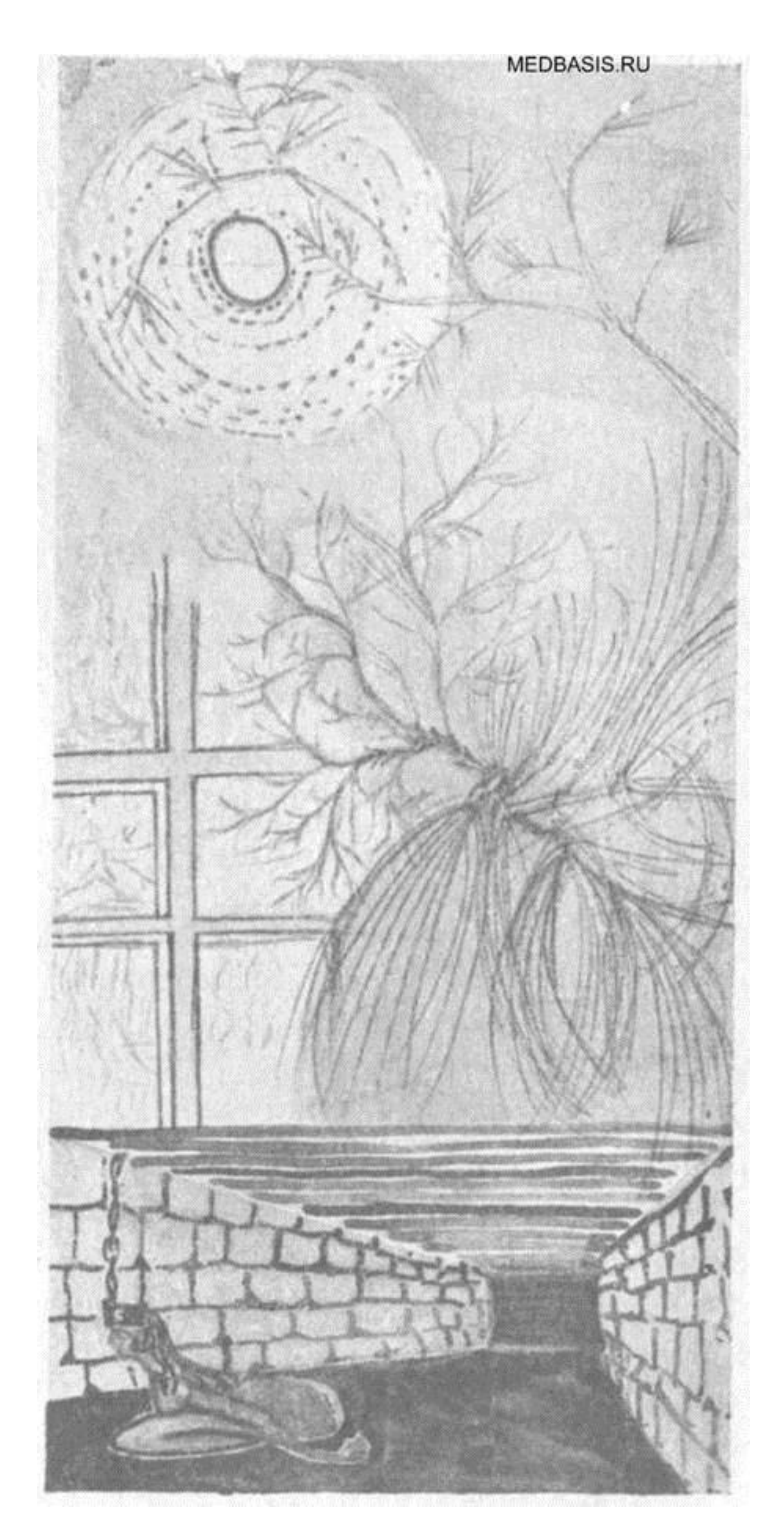


Рис. 31. „Квинт-эссенция впечатлений внешнего мира 24 января 1921 г.

А в лесу играет оркестр, трубы звенят, и даже слышен бой барабанов, и я знаю, что это ветер, и я слышу определенные мотивы.

Этот рисунок остался не законченным, потому что кончать его и смотреть на него страшно. И лучше не видеть его "больше, и не чувствовать".

Больная озаглавила рисунок: „Квинт-эссенция внешнего мира". Что же на самом деле представляет он собой?

Внешний мир представлен солнцем холодным, бледно-бесцветным с серо-синими пятнами и частями малообработанной ветки с длинными иглами хвои, далее намек на окно... Вот и все представление о внешнем мире.

Внизу — мрачный подвал, на темном полу, согнувшись, лежит женщина, на голове ее укреплен черный шлем, от последнего идет цепь, второй конец которой прибит к стене у потолка. Женщина прикована цепью к стене... Можно представить ее страдания... И эти страдания представлены в мрачных красках и вырисованы значительно лучше, чем внешний мир.

Больная говорит, что рисунок остался не законченным, кончать его страшно. Мы верим больной и представляем муки, которые испытывала она в период охватившей ее депрессии.

Предыдущий рисунок как будто обещал улучшение в состоянии здоровья больной. Почему же мрачные мысли, страдание, безысходная тоска и мучения вновь овладели больною?

Данное заболевание почти никогда не кончается сразу, обычно первые признаки улучшения вскоре уступают место прежним страданиям, но уже эти страдания продолжаются недолго и хотя несколько раз повторяются, но, кроме укороченных по времени приступов, и степень страдания значительно смягчается.

Рисунок 32. „Когда я думаю о моем выздоровлении,— мне кажется: в этот день взрыв моей глубокой радости взовьется ввысь и брызги ее долетят до солнца. 5 февраля 1921 г."

Больная как будто бы распростилась со своим тяжким недугом, и ее настроение выровнялось настолько, что она стала проявлять интерес к самой жизни и к окружающей ее обстановке. У нее уже появились просьбы разного характера, и это обстоятельство вызвано симптомом улучшения ее болезни; но все же словесные продукции ее были не

столь ярки, как рисунки этого времени. Уже по надписи этого рисунка видно, что он не выполнен в тех мрачных тонах, в которых сделан рис. на табл. X. И действительно, рассматривая формы данного рисунка и краски, на нем положенные, видно, что у больной имеется чувство радости, надежды и стремление к реализации творческой фантазии, последняя вылилась в очень интересный, яркий, красочный рисунок, образец которого приводится. Внизу опять-таки как будто мозг ^больной, состоящий из двух полушарий, и из него выходят брызги радости, достигающие высоты солнца, занимающего большое пространство наверху рисунка, и лучи его, если и не достигают до самой больной, то брызги радости в виде причудливых завитков и нитей связывают этот живительный образ с самой больной. Смотря на этот рисунок, легко можно сказать, что тяжкие переживания оставили больную, и если еще нельзя быть уверенным в ее полном выздоровлении, то можно сказать, что она уже овладевает последним. Этот рисунок интересен еще и тем, что выполнен он с удивительной точностью, изяществом и любовью к своей работе, чего также раньше не наблюдалось у больной.

Таблица X. „Я хочу лететь к знаниям, к свету и радости,— а моя болезнь безжалостно обрезает мне крылья... 12 февраля 1921 г.".

Некоторая безнадежность появилась у больной, и она очень интересно изобразила это переживание. На предлагаемом рисунке больная представлена в образе цветистой птички, стремящейся к свету, к радости и знаниям, но появившаяся извне рука безжалостно ножницами обрезает крылья, поднимающие больную ввысь. С правой стороны рисунка уже обрезано крыло, и нояшицы безжалостно впились в крыло слева, но эти ножницы обрезают крылья не у их основания, а оставляют значительное количество оперенья, которое дает возможность больной все же мечтать о том, что она, даже и на обрезанных крыльях, может подняться к лучезарному солнцу.

„В безмолвии — созерцание истины. 15 февраля 1921г.". Рисунок представляет из себя многоветвистое дерево знания, которое заполняет мозг больной. Вверху голубое поле со звездами и лучами, образующие внешний мир, и этот внешний мир в виде золотых лучей, исходящих от бесчисленных звезд, оплодотворяет мозг больной новыми надеждами, новыми ценностями и новыми чаяниями не болезненного, а здорового характера, понуждающими к творчеству ее фантазию. Этот рисунок не имеет мрачных красок, и только многоветвистое дерево знания изображено черным карандашом. В этом рисунке

есть полная надежда самой больной на грядущее выздоровление; она уже в нем не сомневается, но в словесных продукциях еще осторожно относится к своему выздоровлению. (Рис. 33).

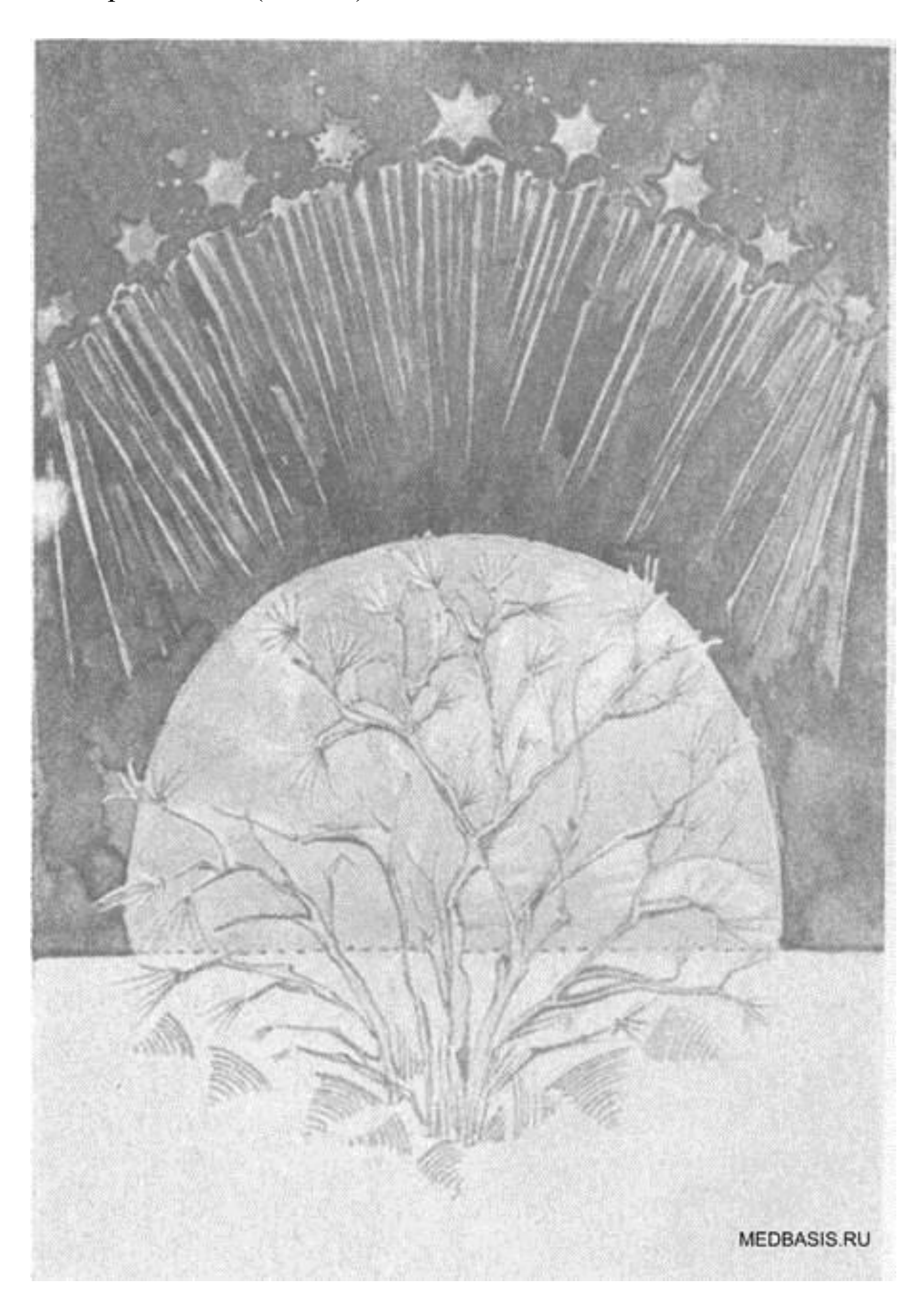
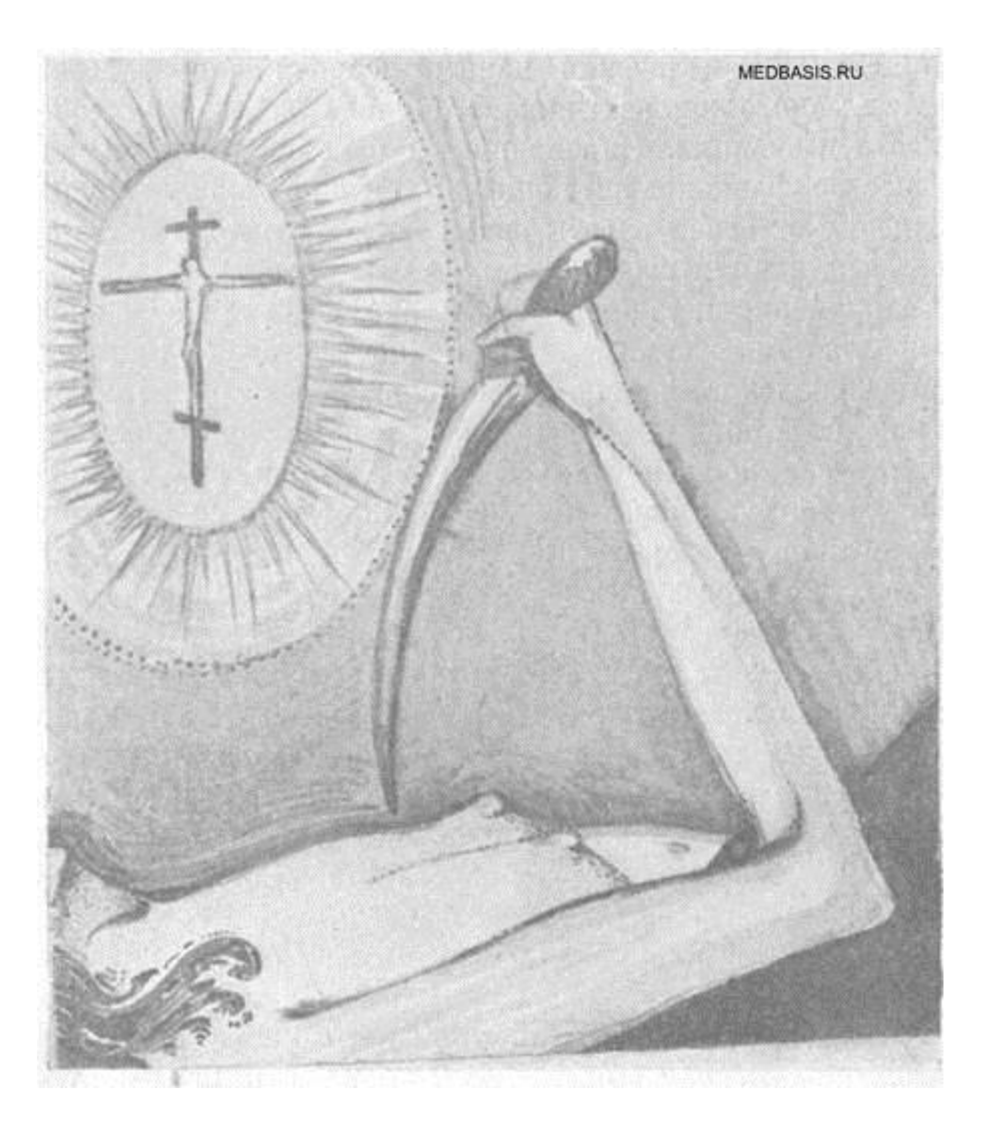


Рис. 33

Табл. XI, рис. 1. „Ты откроешься, замок... 18 февраля 1921 г."

На голубом поле изображена стилизованная птица, стремящаяся вверх; на спине ее лежит серый, большой, тяжелый, давящий замок, скоба которого перекинута через правое крыло птицы; но скоба не доходит своим правым концом до замка, следовательно, замок не является закрытым и держится лишь на нескольких перьях правого крыла. Такое полоясение замка, хотя и давящее, и неприятное, и причиняющее страдания, дает все-таки полную надежду и даже гарантию в том, что он в конце концов раскроется совсем и будет сброшен, и птица получит ту свободу, о которой она так долго мечтает.



Ряс. 34. „Да не осмелишься... 22 февраля 1921 г.".

Данное заболевание является заболеванием коварным; больные, почти вышедшие из депрессивного состояния и уже окрыленные надеждами на выздоровление, внезапно вновь могут впадать в пессимистическое настроение, отравляющее их вкус к жизни и лишающее их тех стремлений и интересов, которые им были свойственны недавно. Это состояние весьма тяжкое. Как ухаживающий персонал больницы, так особенно и врачи должны зорко смотреть за такими больными и караулить эти быстрые перемены в настроении больного, так как в этот период времени весьма легко потерять последнего, ибо во время нахлынувшей глубокой тоски и беспокойной безнадежности больные, вдруг придя в отчаяние, могут лишить себя жизни, и если это случилось, то вся тяжесть и ответственность неизбежно ложатся на персонал больницы; оно и справедливо, так как при надлежащем уходе и лечении данный больной поправляется, и болезнь не оставляет никакого следа на его трудоспособности и знаниях. Оправившийся больной вновь входит в общество равноправным членом, он вновь получает наслаждение от своей работы, он вновь становится семьянином и кормильцем своей семьи.

Седьмой рисунок, принадлежащий кисти той же больной, как нельзя лучше характеризует данное состояние. Надежды на выздоровление, влившиеся в больную, как будто совершенно иссякли, и она впала во власть мрачных переживаний; у нее вновь появились тяжкие мысли, влекущие ее к самоубийству. Данный рисунок олицетворяет эти тяжкие переживания и говорит сам за себя.

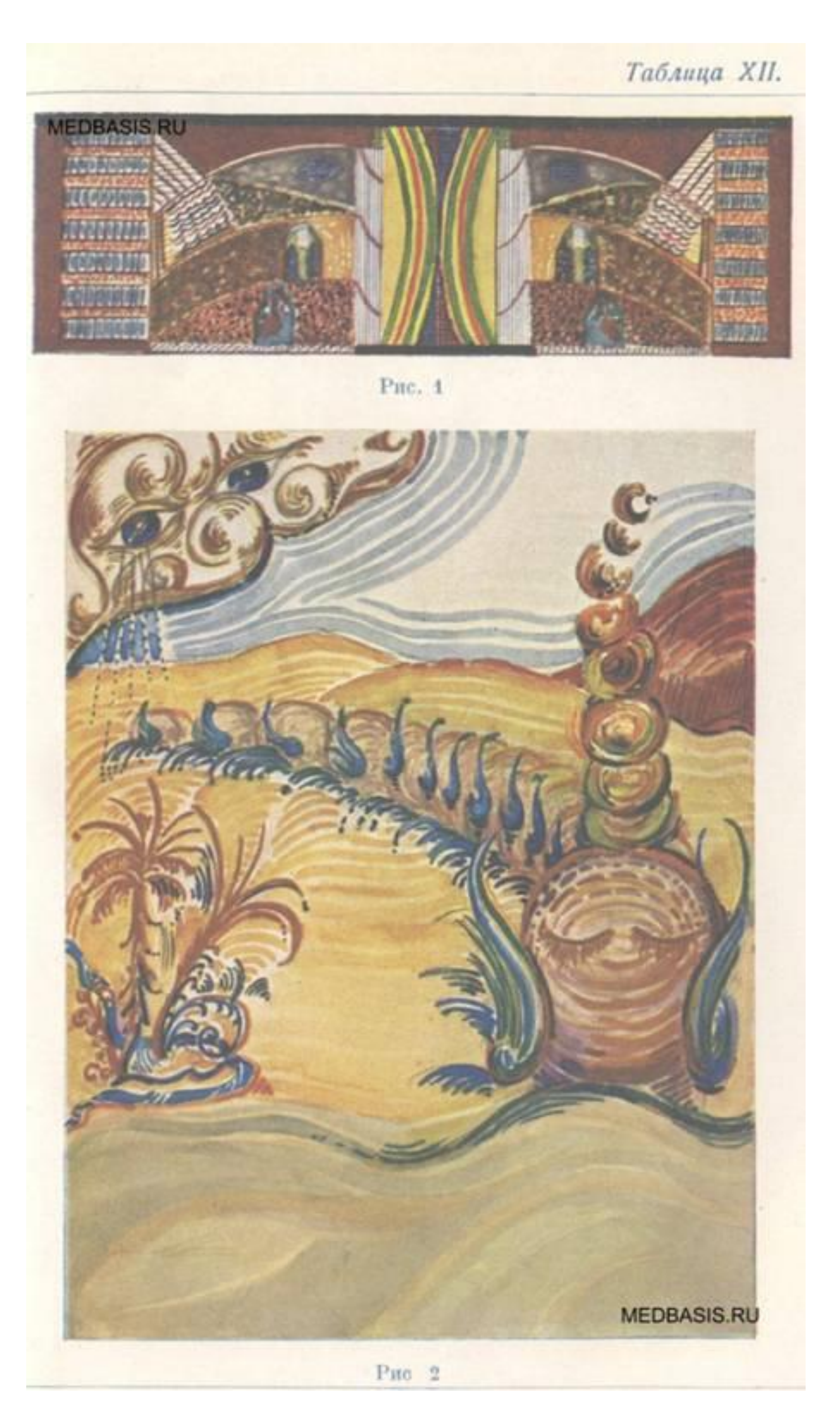


Табл. XII, рис. 2. „Жизнь наша мчится, и нам неведомы пути ее... 27 февраля 1921 года".

Где те мрачные краски, которые наблюдались в прежних рисунках больной, где те мрачные мысли, которые присущи были ей и проявились в последнем рисунке, где то тяжкое страдание, которое влекло больную к гибели, где те серые обручи, которые сжимали мозг больной и лишали ее творческих переживаний, где та скорбь, которая оттеняла мрачной краской все переживания больной?

Глядя на этот рисунок, видно, что жизнь с многообразием ее интересов захватила больную, которая в творческом порыве создала рисунок удивительного ритма; этот ритм нельзя описать словами, а нужно пережить его, смотря на самое произведение. Оно не сложно, но оно удивительно красочно построено, и формы его представляют как будто гимн вновь пробуждающейся жизни с ее многообразными интересами.

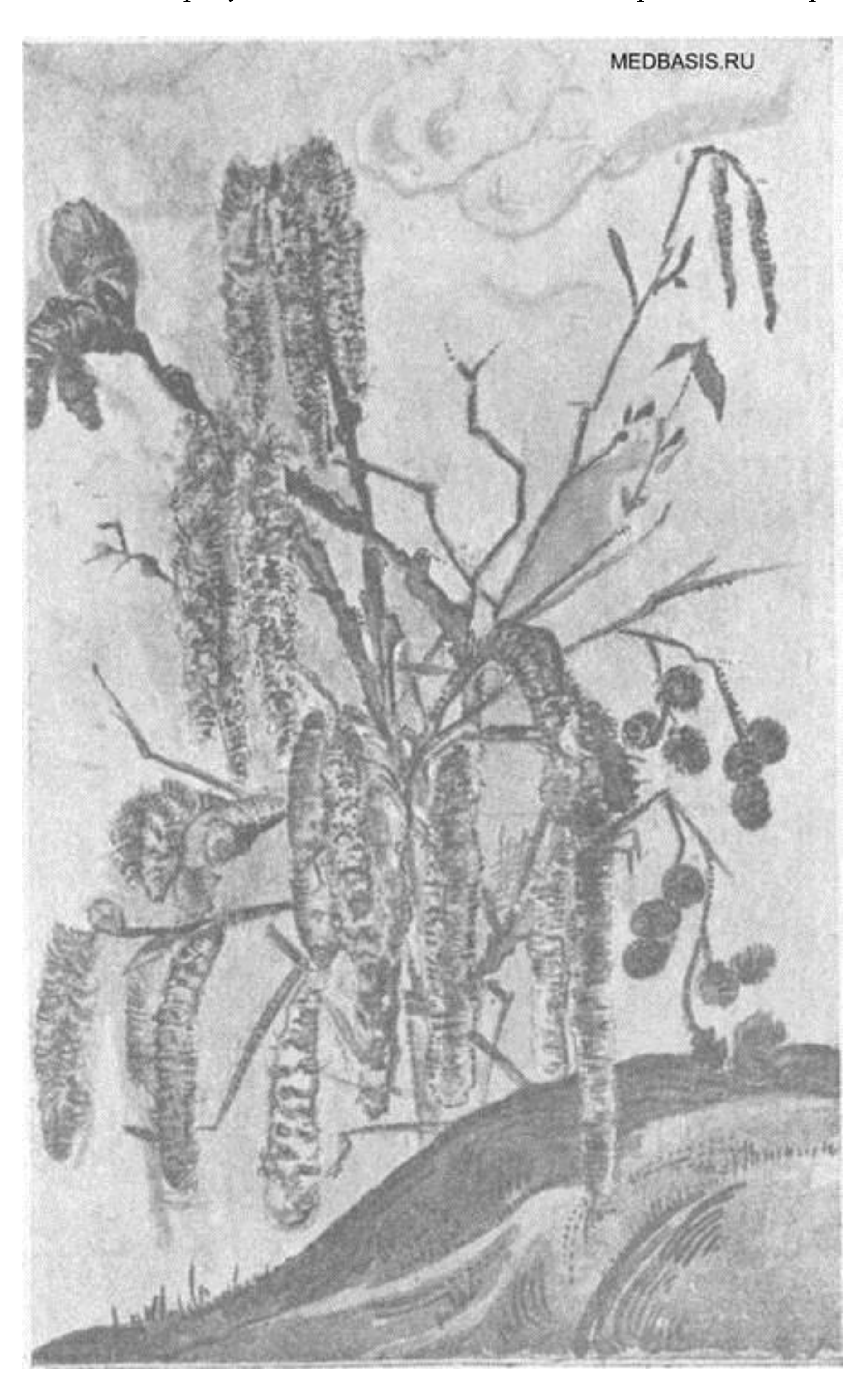


Рис. 35. „В день 15 марта 1921 года".

Больная поправилась, она уже оставляет стены больницы, у нее уже нет тех мрачных переживаний, которые свойственны были больной в период болезненного состояния.

Природа только что сбросила свой снежный покров, и как будто с переменою в природе изменилось и настроение больной, изменились ее переживания. Радость природы, ее вечное обновление, ее красота, ее постоянное творчество захватывают больную, и она как бы сливается с живительным потоком, творящим чудеса новой жизни.

Данный рисунок является как бы гимном новой жизни, представленной в виде разноцветных гирлянд, несущих на своих цветах тычинки и пестики, зачатки новых семян, зародыши новых особей, украшающих мир зеленью и цветами. Этот гимн вечной жизни поднимается к небесной лазури и как будто курит фимиам вечной жизни, ее красоте и величию.

Больной—художник, находившийся в смешанном состоянии, давал рисунки, выполненные не только в темных тонах, тем не менее эти рисунки по теме нужно считать депрессивными, напр., рисунок, изображающий набат во время пожара. (См. табл. XIII).

Таблица XIII

Циркулярный психоз представляется весьма интересным заболеванием с общественной точки зрения. По нашему мнению, главными творцами в жизни и передовыми водителями ее являются больные таким психозом. Этим мы не желаем сказать, что больные, запертые в стенах желтого дома, являются этими высокими творцами, но огромный материал, собираемый в течение пятнадцати лет, и жизненные наблюдения глубоко убеждают нас в том, что творцами прогресса во всех его проявлениях являются лица, мыслящие и творящие по закону мышления, присущему данным больным. Выше уже было сказано, что циркулярные больные несут в своих психических особенностях симптомы отвлекаемости и заключения по недостаточному количеству признаков; последний симптом дает возможность данным людям творить высокие ценности и оплодотворять жизнь высотой знания, не присущего вполне уравновешенному здоровому типу. Но данные больные за то высокое и творческое состояние, которое присуще им в период экзальтации, расплачиваются, переживая состояние депрессии. Депрессия — состояние бездейственное, бестворческое; оно весьма тяжко переживается больными. Природа как будто нарочно создала такие этапы, которые уравновешивают счастье неизбежным страданием. В период страдания больные находятся в столь безнадежном настроении, что они теряют всякую надежду на выздоровление, и если больной даже не раз впадал в депрессию, то все же каждый раз он говорит о том, что он не верит в свое выздоровление, что теперь настал такой период, из которого не будет выхода, и он навсегда останется во власти тяжких переживаний, что поэтому, может быть, лучше прекратить эти нечеловеческие страдания и расстаться с жизнью. Они часто ищут тот покой, от которого уже нет возврата.

На обязанности общества лежит бережная забота о таких больных, так как никогда нельзя предвидеть, что может дать данный больной, когда он впадает в период экзальтации. Исторические данные и жизненный опыт учат нас, что эти больные, даже не владеющие большим образованием, могут вносить в жизнь яркие многообразные ценности, и каждый из читателей знает и исторических, и до сих пор живущих лиц, оправдывающих вышеприведенное положение.

Почти все болезни имеют популярную литературу, но душевные болезни такой литературы лишены; поэтому мы поставили одной из задач популяризировать до некоторой степени симптомы, присущие некоторым душевным заболеваниям. Это даст возможность не врачу, а лицам и других профессий ознакомиться с этими болезнями и, если бы было нужно, они могли бы принять соответствующие своевременные меры к сохранению больных, находящихся на их попечении и впадающих в депрессивное состояние. Мы делаем это и потому, что жизнь и опыт должны учить нас охране депрессивных больных, очень часто оканчивающих жизнь самоубийством.

Недосмотр, недостаточная заботливость об этих больных может лишить человечество выдающихся его предводителей. Если бы мы со своими слабыми силами могли что-нибудь сделать положительного в смысле защиты этих больных, то мы считали бы свою задачу выполненной.

Среди наших больных были инженеры, которые в период экзальтации создавали новые ценности в технике, например, один из больных создал центральную вентиляцию, пользуясь возможностью производить обобщение на основании недостаточного количества признаков. Обстоятельства данного изобретения сводились к следующему: больной лежал в постели; при проветривании комнаты жена больного открывала форточку и опускала штору, благодаря чему поступающий холодный воздух не устремлялся с силою в комнату, а постепенно и равномерно распределялся в последней.

Больной заметил прием жены и положил его в основу устройства центральной вентиляции в домах (заключение по недостаточному количеству признаков).

Малограмотный кровельщик в период экзальтации построил машину, сокращающую время и облегчающую работу в данной профессии.

Если принять во внимание приемы, при помощи которых больные реализуют изобретения, то окажется, что все они в основе имеют признак, приведенный выше; этот же механизм мышления, как было сказано ранее, присущ и Ньютону, и Уатту, и другим гениям, оплодотворяющим жизнь новыми ценностями.

Счастье гения, что он не всегда попадает в стены больницы, но мыслит он по механизму, присущему больным циркулярным психозом.

Талант и гений проистекают из недр неуравновешенных натур, охранять и беречь последние — одна из почтенных задач, выпадающих на долю общества и государства.

ГЛАВА VII.

ПСИХОТЕХНИКА ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Наблюдение над повседневной жизнью знакомит нас с различными примерами то привычной работы, то творческого процесса.

Нам хорошо известно, что человек, овладевающий каким-либо трудом, привыкает к нему. Привычка создается не вдруг, а постепенно и заключается в том, что привыкающее лицо начинает все меньше и меньше тратить времени на реализацию практических или других знаний. Очевидно, происходят изменения в центральной нервной системе, создающие условия, облегчающие человеку через известный промежуток времени лучше освоиться с работой, благодаря чему последняя протекает с меньшей затратой энергии и времени. Кроме того, действительность знакомит нас с иным психическим процессом, позволяющим человеку мыслить не отдельными признаками и действиями, а целостными формами. Наконец, существует и такой образ мышления, который позволяет человеку сразу овладевать готовым решением. Такое решение, неизвестно откуда пришедшее, часто отвергается творцом, как собственность, так как, по мнению творца, он никогда не работал над разрешением данной проблемы.

Перечисленные три вида работы создают условия, над которыми необходимо задуматься с тем, чтобы разрешить их в том или ином направлении, чтобы дать им психологическую оценку и ясно представить себе тот механизм, при помощи которого реализуются эти три вида работы. Всякая работа протекает в нашем сознании, при чем она в той или иной мере вовлекает в работу и подсознание.

В обычных нормальных условиях сознание и подсознание работают столь содружественно, что выявить их отдельные функции не представляется возможным, так как эти функции сливаются в общий поток нашего бодрственного или контролирующего сознания. Но, изучая патологические случаи и различные состояния сна, можно до известной степени выяснить психический механизм, свойственный различного рода работам. Для того, чтобы так или иначе решить проблему механизма, свойственного разным видам работы, нужно овладеть признаками функций сознания и подсознания.

Контролирующее сознание. Контролирующим сознанием мы называем такое сознание, которое является создателем и руководителем наших поступков и нашего поведения; контролирующим оно называется потому, что все поступки, все действия, все поведение и всякое мышление проходят через его фильтр и от него получают или одобрение назревшего желания и стремление к реализации его, или же оно отказывается по тем или иным соображениям от приведения в исполнение назревшего желания. Контролирующему сознанию присуща оценка как средств достижения, так и цели; если средства, при помощи которых может быть достигнута цель, вступают в конфликт с убеждениями личности, то контролирующее сознание независимо от личных выгод, проистекающих от реализации назревшего желания, может отказаться от приведения в исполнение последнего, так как пути, при помощи которых может достигаться реализация желания, вступают в конфликт с личностью субъекта и ее убеждениями.

Если так сложно наше сознание, то как подойти к уяснению функций, присущих последнему?

Сознание может отличаться симптомами категоричности и теоретичности. Категорическое сознание присуще инстинкту, ибо последний никогда не создает теорий и всегда в своих действиях категоричен, и, благодаря своей категоричности, безошибочен; категоричности инстинкт никогда не учится; он от возникновения жизни овладевает категорическим сознанием. Человеческое сознание лишено этого существенного признака, и ему присуща теоретичность. Человечество в настоящее время находится в стадии такого развития, когда его сознанию присуще лишь создание не долголетних теорий. Практика показывает, что как бы ни были высоки по научному достоинству теории, например, по естествознанию, созданные интеллектуальным мышлением человека, все же продолжительность их простирается на срок, примерно, в 25 лет. Как бы ни были убедительны теории, через 25 лет они обычно сменяются новыми и переходят в область истории.

Сознания различаются и по восприятиям извне. Истинктивному сознанию свойственно безошибочное определение свойств предмета и их полезности, бесполезности или вредности. Испанцы в период завоевательной политики пользовались для еды теми растениями, которые ели лошади, и тем оберегали себя от отравления незнакомыми растениями. Человеческому мышлению не свойственно такое избрание, но ему присуще уточнение и осознание предметов внешнего мира, приходящих с ним в соприкосновение путем изучения их свойств.

Сознания могут характеризоваться и по проекции. Сознанию инстинкта присуще узнавание, сознанию же интеллекта, помимо того, свойственно творчество и совершенствование, которые могут оказывать существенное влияние как на окружающую природу, так и на дальнейшее развитие человеческой жизни.

В дальнейшем изложении нас будет интересовать сознание, присущее только человеку, на котором мы и остановим свое внимание.

Способы человеческого мышления. Человеческому мышлению присущи анализ и синтез. Анализом называется такая психическая функция, при помощи которой расчленяется целое на части, и один предмет по своим свойствам сличается с другим, уже изученным. Анализ никогда не может закончиться и никогда не может обнять предмета во всей его полноте; поэтому при помощи анализа невозможно составить себе точного представления об изучаемом предмете; всегда это знание будет до известной степени относительным, приближающимся более или менее к истинному знанию вещи.

Науки, развивающиеся аналитическим путем, расчленяют ее целостность на части и изучают последние вне общей зависимости, например, анатомия, гистология, физиология и другие науки. Анализ доводит химию до изучения молекулы, атома или электрона, а следующим этапом все же будет неизвестное, подлежащее творческому оформлению.

Анализ нам близок потому, что он имеет интеллектуальное происхождение; интеллект же человека усиленно развивается в настоящий период жизни.

Синтез представляется таким способом мышления, при помощи которого из отдельных качеств и действий создается целое понятие, создается образ воспринимаемого предмета и передается в сферы воспоминания, хранящие воспринятые образы и проецирующие их во внешнюю среду по желанию личности в отсутствии раздражителя.

Для того, чтобы лучше овладеть этими сложными психическими функциями, необходимо наглядно представить их в форме образного восприятия, могущего облегчить изучение механизма нашего мышления. Для создания такой схемы нет надобности особенно множить психологические понятия, присущие сознанию, их можно сконцентрировать в несколько этапов, и на этих этапах наглядно показать вышеприведенные приемы мышления.

На рисунке № 36 внизу зарисованы треугольники, которые необходимо представить себе как этапы восприятия качеств и действий.

Далее, три кружка олицетворяют психические моменты элементарного синтеза, каждый из коих объединяет небольшое количество качеств и действий, а поэтому в этих областях может и не составиться полного представления о воспринимаемом предмете.

Следующим этапом является область нашего мозга, концентрирующая в себе все качества и действия, нами воспринимаемые. Этот психологический момент есть восприятие. Если представить себе, что сознание состоит только из вышеприведенных функций, то таковое сознание воспринимало бы только то, что находится в сфере действия органов чувств, воспринимающих извне. При ограниченности сознания одним восприятием получились бы следующие особенности: как только предмет выходил бы из сферы действия органов восприятия, так он совершенно изглаживался бы в сознании и от него не оставалось бы никакого впечатления. Бывает ли когда-нибудь в действительной жизни такое положение с человеком, когда у него все происходящее не оставляет никакого следа, когда его сознание уподобляется калейдоскопическим переменам, не фиксируемым нашим сознанием? Такое состояние для человека возможно, и этот симптом присущ Корсаковскому симптомокомплексу, при наличии которого субъект не фиксирует в своем сознании того, что происходило с ним в недавнее прошлое, и если напомнить ему о том, что произошло сейчас на его глазах и в чем он принимал непосредственное участие, то он никогда не поверит и будет категорически отрицать случившееся, так как в его сознании не осталось следа от только что пережитого события.

Но нашему сознанию свойственно оживлять восприятия, бывшие ранее; мы можем образно вновь переживать то, что мы когда-то восприняли; следовательно, нашему сознанию присущ следующий психологический момент, известный под именем памяти. Если бы наше сознание состояло из восприятия и памяти, то тогда оно отличалось бы тем, что узнавало бы предмет, раз воспринятый и находящийся в настоящее время тоже в сфере восприятия; но в отсутствии раздражителя память не дала бы образного воспроизведения воспринятого ранее, т.-е. она не могла бы оживить прошлого, так как нет индуктивной силы, понуждающей память к воспроизведению; поэтому данное мышление

отличалось бы от предыдущего тем, что при наличии раздражителя могло бы вспомнить о его свойствах, следовательно, в таком сознании мог бы накапливаться опыт.

Но в нашем мышлении имеется та особенность, что мы по своему собственному желанию можем воспроизводить то, что мы восприняли ранее; поэтому следующим психологическим этапом будет момент психических репродукций. В этом моменте мы объединяем все, что продуцируется вовне, например: действие, мимика, жесты, слова и т. д. При наличии моментов репродукции память получает возможность воскрешать те образы, которые наслоились в ее сущности путем прошлых восприятий. Так как репродукционные моменты своим воздействием активируют память, и под влиянием этой активации память проецирует во внешнюю среду воспринятые ранее и фиксированные образы без наличия раздражителя.

Но и на этом не заканчивается строение нашего сознания.

Следующим этапом будет психологический момент, называемый самосознанием. Самосознание или личность осознает себя как законченную единицу, выделяет себя из окружающей действительности и называет себя „я". Все, находящееся вне „я", будет „не я". „Я" может активировать различные моменты сознания, и эти моменты под влиянием воздействия самосознания начинают функционировать присущим им образом (см. рис. 36).

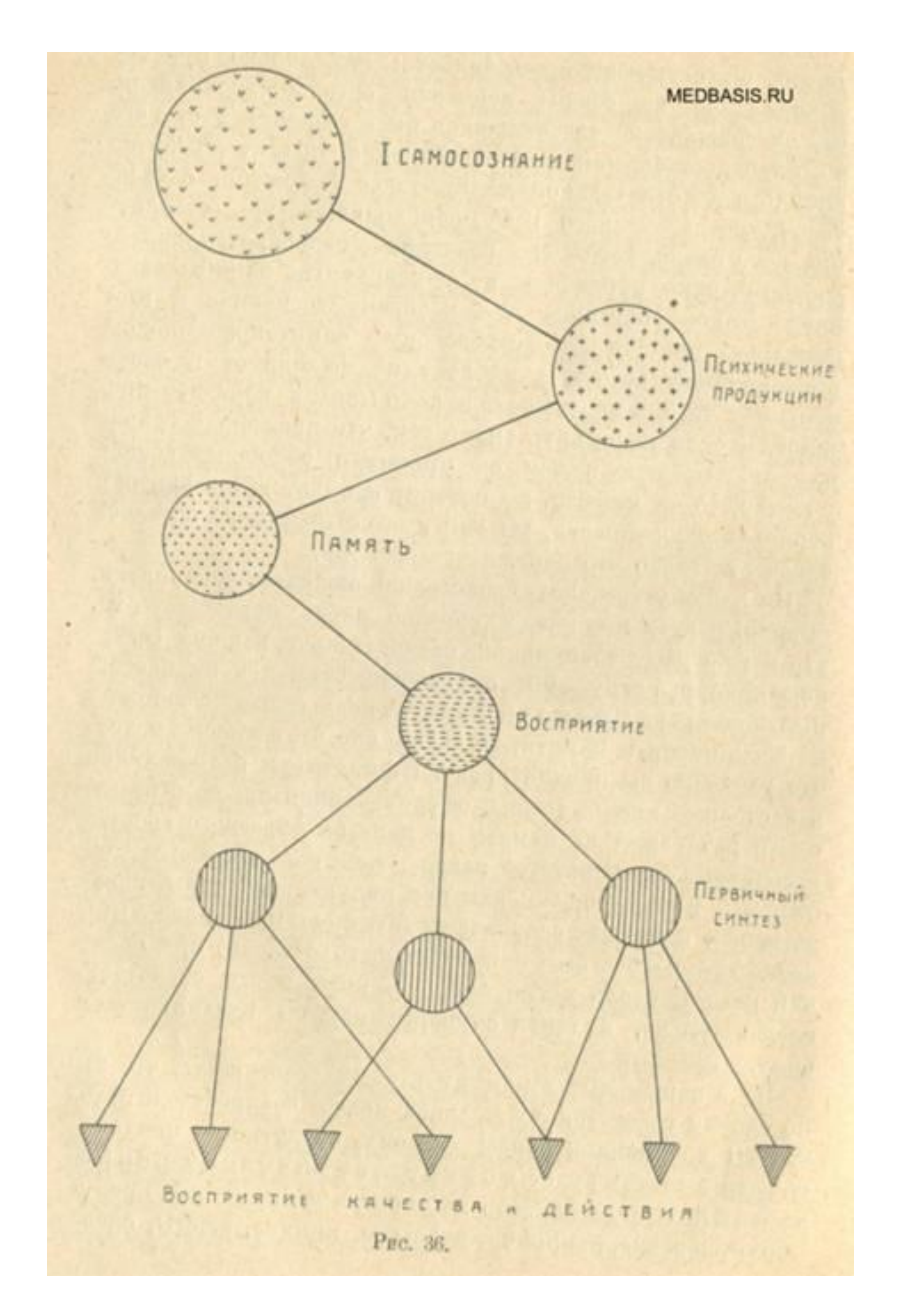


Рис. 36

Строение, представленное в данной схеме, наглядно может показать, как совершается функция анализа и функция синтеза. Если переходить от моментов восприятия качеств и действий к самосознанию, то этим путем проделывается синтетическая работа; наоборот, если спускаться от самосознания к восприятию качеств и действий, то будет производиться аналитическая работа, расчленяющая целое на части.

Таково строение контролирующего (бодрственного) сознания.

Контролирующее сознание, оцениваемое по присущей ему деятельности, является значительно неповоротливым и мало емким; ему присуще больше руководить идеею работы, но не реализацией последней. В обычных условиях здоровой жизни, как было

сказано выше, наше мышление слагается из функций контролирующего сознания и из функций подсознания, и эти функции так тесно переплетаются между собою, что выявить свойства, принадлежащие первому или второму, не представляется возможным. Только у постели больного, где происходит расчленение психических сфер, большая активность — в одной, пассивность — в другой и так далее, удается наблюдать действия отдельных сфер; эти наблюдения и изучения дают возможность проникать в глубь психической деятельности и осознавать функции, присущие этим сферам. Наука владеет надежными методами, исследующими деятельность контролирующего сознания, допускающими приемы цифровых выводов. Подсознание.

Нельзя того же сказать о подсознании; потому что функции последнего в чистом виде наблюдаются редко, только во сне, когда происходит полное расщепление сознания и подсознания, когда контролирующее сознание переходит из активного состояния в пассивное, когда оно как бы совершенно отсутствует в протекающей во сне жизни, когда все, что совершается во сне, не проходит через его фильтр, когда его многогранная призма не преломляет никакой психической деятельности; в это время выявляется подсознание в чистом виде, обнажаются его функции и становятся доступными как наблюдению, так и изучению.

На первый взгляд интерес к состоянию сна кажется как будто не серьезным, как будто эта область относится скорее к сонникам, разгадывающим сны, чем к научному обследованию. Но такое явление только кажущееся. В действительности сон является другой частью человеческой жизни, так как человек в общей сложности проводит целую треть своей жизни во сне, а потому интересоваться этим состоянием не только можно, но и должно.

Всякое мыслящее лицо должно составить себе ясное представление о той жизни, которая выражается иными симптомами, иными продукциями, иными интересами, то исчезающими без следа, то оставляющими живую активность.

Нет такого мыслителя, который занимался бы разрешением жизненной проблемы и который мог бы пройти молчанием состояние сна. В зависимости от взглядов эпохи, в которой жили исследователи, творческие продукции имели соответствующие отпечатки, и по ним, как по историческим этапам, мы оживляем прошлое, переводя его в психическое бытие.

Гомер так говорит о сне: „Сном пользовались боги, чтобы сообщить людям свою волю".

Г> с е и о ф о н т говорит о так называемых вещих снах и по - своему объясняет их: „Душа во сне становится более божественной и потому предвидит будущие события".

Сон изучали Гиппократ, Аристотель, Фрейд, Попов, Карийский и многие другие ученые, но почти до последнего времени сны охотно описывались, а не изучались, так как изучать сны было значительно труднее.

В последние годы в Европе и в СССР появилось особое болезненное состояние, известное под именем „сонной болезни". Данная болезнь проявлялась в различных формах и сопровождалась разными формами сна или сноподобного состояния. Наблюдения над такими больными дали возможность глубже проникнуть в сущность подсознательных функций, а выявив последние,— приложить эти знания к темному, к непонятному, таинственному творческому процессу. Только при наличии возможности изучения различного вида снов и сноподобных состояний возможно проникнуть в глубину

подсознания и дать о нем такое же представление, какое было дано контролирующему сознанию.

По нашему мнению, подсознание построено по тому же типу, как построено и контролирующее сознание.

Что дает нам право утверждать вышеизложенное?

Это право мы получили из наблюдений и изучения больных, болевших сонной болезнью, и из разработки литературных сведений о сноподобных состояниях, находящихся в нашем распоряжении а). Обобщение литературных и личных данных дает нам право на то, чтобы высказаться о строении подсознания с некоторой уверенростью.

Как было сказано выше, функции подсознания выявляются в период пассивности контролирующего сознания, поэтому нам предстоит проследить этапы, характеризующие различные виды сна и сноподобных состояний.

Кроме того, наблюдение психической диссоциации у душевнобольных подкрепляет нашу уверенность названного характера.

Сон.

При наступлении сна органы восприятия частью изолируются от окружающей действительности, частью становятся пассивными к ее восприятию. Более остро воспринимающими чувствами являются глаза и уши. Глаза имеют особый аппарат, называемый веками, который с наступлением сна смыкается и таким образом изолирует глаза от внешнего мира. Орган слуха не имеет такого изолирующего аппарата, а поэтому там, где спит человек, необходимо соблюдать тишину; при нарушении же тишины сон становится менее глубоким, более тревожным и прерывистым. Этот сон является сном физиологическим и продолжается у человека, примерно, треть его жизни. Физиологический сон освежает организм, придает ему необходимую бодрость для наступающего трудового дня. После сна человек охотно вновь принимается за обычную работу, чувствуя для этого достаточный прилив энергии. Чередование сна и бодрствования закономерно сменяется. При нарушении данной закономерности организм впадает в болезненное состояние; если сон нарушается в такой мере, что бессоница продолжается слишком долго, то такое состояние должно быть при помощи медицинских мероприятий оборвано, в противном же случае оно может кончиться катастрофически для больного.

К физиологическому же сну можно отнести и зимнюю спячку животных: улитки, ящерицы, змеи и др. животные спят в зимний период времени, но и некоторые млекопитающие тоже спят зимою, при этом некоторые спят беспрерывно, а некоторые прерывно. Непрерывно спят: тушканчики, сурки, сони и другие животные; прерывно спят: медведи, барсуки, летучие мыши и многие другие. Некоторые сны болезненного характера несколько похожи на физиологический сон, например, nareolepsia; это состояние, внезапно наступающее у больного среди бодрствования, продолжается сравнительно недолго, и какой-нибудь толчок, оклик или стук быстро приводят больного к бодрствованию, и он вновь продолжает прежнюю работу. Иной род патологического сна, продолжающийся от нескольких дней до нескольких недель и даже месяцев, называется lethargia. Данное болезненное состояние можно разделить на две группы: в одном случае лица, находящиеся в состоянии летаргии, спят без сновидений, не воспринимая из окружающей среды того, что в ней происходит; при другом виде летаргии

больные спят так, что во время сна воспринимают действия, происходящие в окружающей среде, и сохраняют о них воспоминание. Кроме того, у таких больных могут быть самостоятельные сновидения.

Sopor и coma, наступающие вследствие интоксикации, создают особый вид сна.

Многие фармацевтические средства могут создать сон, совершенно похожий на физиологический, не имеющий сновидений, например, chloral hydrat.

Физиологический сон не всегда бывает совершенно спокойным, иногда во время сна человек переживает явления или свойственные его обычной жизни, или же его сны имеют фантастический характер, при наличии которого спящий субъект живет как будто в другом мире, как будто реализуется сказка, как будто он переходит в мир миражей и грез и в этой области живет реально; нередко субъект сохраняет воспоминание об этих снах, но эти воспоминания отличаются одно от другого иногда довольно резко. Бывают случаи, что проснувшийся человек говорит, что ему ночью все время что-то грезилось, но что, он не помнит; иногда проснувшийся вспоминает некоторые отрывки, свойственные переживаниям во сне, но по этим отрывкам он не в состоянии восстановить цельность сновидений. Бывают и такие случаи, что проснувшийся с полной ясностью отдает себе отчет о переживаниях, бывших во время сна.

Сновидения с давних пор интригуют человечество; последнее в высокой степени интересуется снами, и почти нет такой семьи, где один или несколько членов не придавали бы существенного значения виденным снам, называя эти сны „вещими". С давних пор, как только человечество начало мыслить, его начали интриговать переживания сновидений. Самая древняя книга, дошедшая до нашего времени, указывает на то, что снами глубоко интересовалось человечество на заре своей сознательной жизни. Иосиф вследствие умения разгадывать сновидения из раба превратился в первого государственного человека, так передает народное творчество, дошедшее до нашего времени. Если предания глубокой старины то изустные, то писанные сохраняются для потомства, то этот уже факт говорит о том, что сновидениям человечество уделяло в прошлом, уделяет и теперь большое внимание.

Весьма ярко сновидение Симонида, описанное Цицероном и сводящееся к следующему: однажды Симонид из благочестивых соображений предал земле труп неизвестного мужчины, и через некоторое время во сне Симониду явился погребенный им человек и предупредил его о том, что предстоящее морское путешествие является для него крайне опасным, и чтобы он воздержался от него. Симонид принял этот сон, как вещий, и не пошел в плавание со своими кораблями; его корабли вышли в море, потерпели крушение и погибли вместе со своим экипажем. Всем хорошо известен сон жены Цезаря. Вот этим снам человечество придает большую ценность. Сны со сновидениями могут наступать также и под влиянием приема фармацевтических средств; к таким средствам относятся: опий, белладона, гашиш и т. д. Каждое из этих средств вызывает более или менее яркие сновидения. Под влиянием сновидений человек забывает неприглядную, обычную, будничную жизнь, богатую скорбями, но скупую на радости, и переселяется в другой сказочный мир, и как будто живет там, в фантастическом царстве. Последнее настолько заманчиво, что человек, раз испытавший такие сказочные восприятия, желает как можно чаще повторять их; таким образом фантастика овладевает субъектом, и он все чаще и чаще прибегает к средствам, губительно действующим на его организм.

Бывают сны, характеризующиеся активностью в двигательной сфере. Известна болезнь под именем nactambu-lism'a, при наличии которой больные совершают весьма

рискованные прогулки во время сна, на каковые они не решились бы в бодрственном состоянии, но благодаря тому, что их контролирующее сознание находится в пассивном, бездейственном состоянии, люди под влиянием nactambulism'а могут безопасно совершать по ночам самые рискованные путешествия и возвращаются невредимыми в свои постели и продолжают сон. О ночных путешествиях лунатики не сохраняют никакого воспоминания. Фармацевтические средства также в состоянии вызывать сны с активностью в двигательной сфере, это —эфир, хлороформ и пр. Гипноз также может вызвать сон различной глубины, под влиянием которого человеку можно внушать производить различные действия, и он выполняет последние вполне удовлетворительно, теряя представления о сделанном в период наступающего бодрствования.

Но бывают и иные сноподобные состояния, в период которых действия и поступки носят характер, присущий человеку, находящемуся в бодрственном состоянии. Джемс описал следующий весьма характерный для данного вида сноподобного состояния случай: проповедник, взяв в банке порядочную сумму денег, для того, чтобы купить небольшой кусок земли, вдруг исчез; родственники обратились за содействием в полицию, которая после тщательных, но бесплодных розысков решила, что в данном случае имеет место преступление; очевидно, кто-нибудь следил за данным лицом и убил его с целью грабежа. Труп нигде не был найден. Прошло около 2-х месяцев с момента исчезновения данного лица, и родственники решили, что они совершенно потеряли его; но, примерно, через два месяца получилось известие, что исчезнувший живет в течение этого срока в соседнем, небольшом городке и чувствует себя совершенно здоровым, но с ним приключилась необыкновенная история, разгадать которую он не мог, он не знал, как попал в маленький городок, как он жил, почему оказался в чуждой обстановке, он абсолютно ничего не знал, но соседи рассказали ему, что он приехал в город, назвался другим именем и открыл мелочную торговлю; в небольшой комнате, находящейся позади лавки, он спал, готовил себе пишу и т. д. Когда товар его приходил к концу, он ездил в ближайший большой город, закупал новый товар, привозил его в лавку и вновь продолжал торговлю. Однажды он произнес в церкви очень удовлетворительную проповедь. Его поведение не внушало никакого подозрения, и поэтому все лица, с которыми Он приходил в соприкосновение, считали его обычным, нормальным человеком. Прошло около 2-х месяцев, и однажды, проснувшись, этот человек почувствовал большой страх, так как увидел себя среди непривычной для него обстановки; он немедленно обратился к своим соседям, прося их рассказать о том, что произошло с ним, но соседи могли только рассказать о том, как он жил в период этого времени, но объяснения данным поступкам они представить не могли. Оказалось, что этот проповедник, проживший 2 месяца совершенно не присущей ему жизнью и занимаясь работой, которой он никогда не занимался, ничего не помнил о происшедшем, кроме того момента, когда он взял деньги из банка; вся остальная жизнь не находила отклика в сфере его сознания.. Весьма интересен тот факт, что через 3 года данное лицо, будучи загипнотизировано врачом и спрошено о прежней жизни, протекшей в течение 2-х месяцев, рассказало об этой жизни все до мельчайших подробностей. Очевидно, данная жизнь находилась под иным контролем, под иным сознанием, не имеющим связи с обычным контролирующим (бодрственным) сознанием. Но когда человек перешел под контроль бодрственного сознания и когда его спрашивали о своеобразной жизни, протекавшей в течение двух месяцев, то он ничего не отвечал, ибо вопросы были направлены не по адресу, так как контролирующее сознание не принимало участия в этой жизни.

У нас был больной, который однажды исчез с полевых работ и, по истечении некоторого времени, дома была получена от него телеграмма, что он находится на Кавказе. Мать поехала за ним и привезла его домой, в дальнейшем выяснилось, что данное лицо проехало по Волге, затем направилось в Крым и, наконец, пробралось на Кавказ. Через

полтора месяца данное лицо увидело себя в незнакомой обстановке и узнало, что оно находится далеко от дома, но не могло объяснить себе обстоятельств отъезда из дома, а также не могло воскресить в памяти этапов протекших дней. Другой раз это же лицо через несколько лет также внезапно исчезло из дома и уехало во Владивосток. На пути больной оставлял поезд, ездил, примерно, верст за 30 от станции к своим знакомым, где занял деньги и продолжал путешествие до Владивостока; в последнем городе он прожил около 2-х месяцев и, однажды проснувшись, был удивлен, что он находится в незнакомом городе, а узнав место своего нахождения, немедленно послал телеграмму домой с извещением о месте своего пребывания. В период путешествий данное лицо ни в ком не вызывало никакого сомнения, так как его поступки и поведение были вполне сознательны и не внушали никакого подозрения со стороны окружающих, несмотря на сложность протекшей жизни. Только через некоторое время он понял из рассказов, что под влиянием болезненного состояния он заехал очень далеко от дома, и прожил какой-то жизнью, о которой он не имел представления..

Вот, примерно, те сны и сноподобные состояния, которые наблюдаются у человека. Если классифицировать данные сны, то окажется, что их можно разделить на пять групп.

К 1-й группе будут относиться сны физиологического характера. Сном мы называем такой период нашей жизни, когда контролирующее сознание переходит в пассивное, бездейственное состояние. В такое же состояние может впадать и подсознание, и тогда мы имеем спокойный без сновидений сон, ободряющий и освежающий человеческий организм.

Ко второй категории снов относят сны со сновидениями, но так как сновидения, как было сказано выше, бывают различного характера, то можно судить о том, что происходит с подсознанием в эти периоды сна. В том случае, когда человеку что - то грезилось, но он ничего не помнит, подсознание активируется до степени восприятия, не оставляющего никакого целостного воспоминания. Субъект, когда проснется, говорит о том, что ему всю ночь что-то грезилось, но он ничего не помнит, но знает, что сон не был спокойным, а потом и не освежил неспокойно спящего человека (см. рис. 37).

Рисунок 16" src="/karpov_1926/img.files/image045.jpg">

Рис. 37

К третьей группе снов принадлежат такие состояния, которые ярко вспоминаются с наступлением бодрствования, они активируют подсознание до степени памяти. Образы действия и поведения, пережитые во время сна, сохраняются в виде воспоминаний, передаваемых по связям в поток бодрственного сознания в моменты перехода к бодрствованию. Потому-то синтетический процесс, совершившийся в подсознании, в виде образов воспоминания передается в поток контролирующего сознания, становится его достоянием и связывается с контролирующей личностью. Личность не принимала участия в организации данного сна, а поэтому и переживания, которые вызывает сон с яркими сновидениями, толкуются людьми как нечто навеянное извне, так как контролирующее сознание не работало над организацией этих образов.

К четвертой группе будут относиться такие сны, когда активируется сфера движений и производит ряд сложных координированных движений, дающих возможность человеку совершать ночные прогулки весьма рискованного характера. При данных действиях человек в достаточной степени ориентирован в тех движениях, которые ему нужно совершать, и делает их настолько ловко и правильно, что преодолевает всякие опасности без риска получить травматические повреждения. Но когда человек возвращается вновь на свое место и засыпает, то, проснувшись, он не имеет никакого представления о ночном путешествии. Следовательно, его контролирующее сознание не участвовало в организации этих путешествий. Контроль над его действиями всецело принадлежал подсознанию. Последнее и было руководителем данного поведения, но оно не передавало в бодрственное сознание этих переживаний, связывая их, очевидно, со второй личностью, присущей самому подсознанию. В этот период сна подсознание активируется до степени психических продукций, последние активируют двигательную сферу, не вступая в контакт с контролирующим сознанием.

Наконец, пятая группа снов отличается тем, что при наличии их выявляется новая личность. Джемс, описывая жизнь проповедника, ярко выявил обстоятельства, при которых возникает вторая личность, называющая себя иным именем и занимающаяся профессией, не присущей данному человеку, когда он находился в бодрственном состоянии. Наш больной путешественник также ярко характеризует картину выявления второй личности, берущей на себя контроль за поведением и его организацией. В период, когда выявляется новая личность, подсознание активируется до второго самосознания. Подсознание, активированное во всех своих функциях, создает самостоятельную жизнь, совершенно оторванную от контроля бодрственного сознания; поэтому, когда данное лицо переходит вновь во власть бодрственного сознания, оно теряет всякую связь с той жизнью, которая была организована подсознанием, и все вопросы, направленные к бодрственному сознанию, не могут получить ответа, так как бодрственное сознание не имеет никакого представления о жизни, находившейся под руководством подсознания.

Перечисленные типы снов дают нам возможность утверждать, что подсознание построено по тому же типу, по которому строится и контролирующее сознание. Подсознание, создающее жизнь во сне и руководящее поведением человека в то время, когда контролирующее сознание находится в пассивном состоянии, имеет все функции последнего, ибо оно в отсутствие самодеятельности контролирующего сознания может воспринимать, запоминать, проецировать во вне свое содержание и образовывать личность, в поведении ничем не отличающуюся от личности, руководимой контролирующим сознанием, так как поведение, создаваемое подсознанием, не внушает недоверия лицам, приходящим в соприкосновение с субъектом, живущим жизнью, руководимой подсознанием, несмотря на то, что таковой субъект ведет очень сложную жизнь и хорошо ориентируется в непривычной для него обстановке.

Некоторые психологи думают, что подсознание по своим функциям должно отличаться от контролирующего сознания, что в подсознании нужно отыскивать свои особенности, но не повторять то, что известно о контролирующем сознании. Вам кажется, что такое мнение основано на простом недоразумении: если бы подсознание имело иные функции, чем те, которые присущи контролирующему сознанию, то тем самым была бы нарушена гармония психической жизни, ибо нельзя допустить, чтобы в обычных условиях мышления эти два потока так объединялись, что выявить отдельно их функции не представляется возможным, нам же известно, что разнородные элементы только смешиваются, но не объединяются.

Итак, представив себе строение сознания и подсознания, мы на основании этого знакомства должны оценивать те взаимоотношения, которые присущи этим сферам в обычных жизненных условиях при проявлении привычной и творческой работы. Эти знания дают нам возможность выявить тот механизм общения, который присущ этим психическим процессам. Наблюдение над повседневной жизнью показывает, что человек тратит значительно больше времени и сил при производстве непривычной работы. По мере привыкания к работе вырабатываются навыки, дающие возможность затрачивать и меньше энергии, и меньше времени на производство данной работы.

Каким образом объяснить привыкание к работе, экономящее и время и энергию?

Очевидно, в этом процессе происходит содружественная работа контролирующего сознания с подсознанием; в период приобретения навыков прокладываются пути от бодрственного сознания к подсознанию. Треугольники бодрственного сознания мы назвали моментами восприятия качества и действия. Эти же треугольники в подсознании являются восприятиями качеств и действий только в том случае, если подсознание получает автономную жизнь, если же оно работает содружественно с бодрственным сознанием, то тогда эти качества и действия являются деталями, т.-е. в этих психических моментах протекают все детали, связанные с привычной работой, следовательно, контролирующее сознание разгружается от части работы и передает детали ее в подсознание, само же только руководит реализацией идеи. На нашем рисунке путь, соединяющий первое самосознание с деталями подсознания, обозначен пунктирной линией. Для примера можно взять обучение музыке. Первый этап обучения связан с тяжелыми упражнениями, на которые тратится большое количество и сил, и времени, но с течением времени эта работа производится все быстрей, и на нее затрачивается меньше энергии; очевидно, в этом случае все детали передаются в подсознание, а бодрственное сознание руководит лишь последовательностью и разработкой идеи. Владеющий хорошо инструментом почти , не следит за теми клавишами, по которым он ударяет своими пальцами; он лишь читает ноты, а пальцы сами быстро перебегают по клавишам, вызывая определенные музыкальные сочетания. (См. рис. 38).

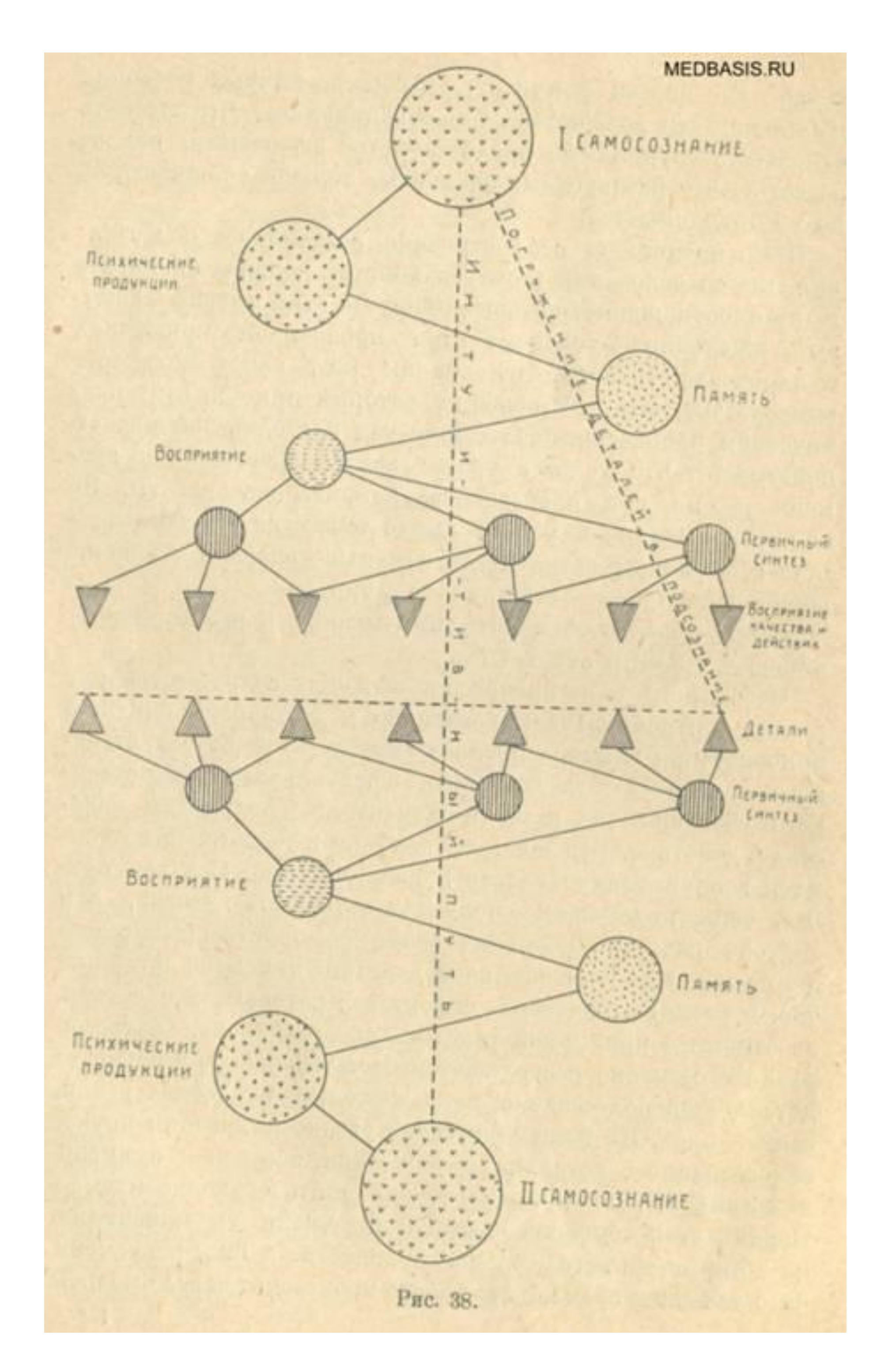


Рис. 38

Мышление может происходить не только путем синтетического объединения качеств и действий, но человек может мыслить формами, что свойственно, в частности, музыкальному и красочному мышлению. В данных случаях контролирующее сознание пользуется работой подсознания, где протекает подготовительный синтез, доходящий до степени восприятия, где выкристаллизовывается форма, переносящаяся затем в поток бодрственного сознания в готовом виде, а потому нам кажется, что механизму мышления контролирующего сознания присуще непосредственное оперирование готовыми формами. На самом же деле эти формы проделали необходимый синтез в подсознании.

Весьма интересен механизм мышления, который свойственен интуитивному творческому состоянию, имеющему весьма характерные особенности. Интуитивный творческий процесс в высокой степени заинтересован в работе подсознания; он заинтересован и в том, чтобы работа, происшедшая в подсознании, вливалась в поток бодрственного сознания в виде готовых решений и усваивалась бы нашей личностью.

Интуитивная творческая работа не безразлична для всего организма и для нашего настроения, так как рождение готового решения сопровождается приятными ощущениями. Эти приятные ощущения могут подниматься до степени восторга, до степени вдохновения. Рождение идей создает такое счастье, равного которому не знает человечество. Но, благодаря тому, что идеи, выкристаллизовывающиеся в контролирующем сознании в готовом виде, не являлись следствием работы самого бодрственного сознания, человек отказывается признать данную работу за свою; он думает, что полученная в его сознании идея на веяна кем-то извне; он думает, что какая-то высоко одаренная личность вошла с ним в непосредственное соприкосновение и сообщила ему то новое, над чем данное лицо никогда не работало.

В психологиях творчества этому обстоятельству уделяется большое внимание до самого последнего времени; все авторы, интересующиеся теорией творчества, указывают на то весьма важное обстоятельство, что человек, творящий высокие ценности, отказывается признать эту работу за свою, приводя в пример то, что новые решения являются столь высокими, что их творческая высота не присуща его постоянному, обычному повседневному мышлению. По мнению творца, эти решения могут исходить от другой личности, значительно выше стоящей в умственном отношении в сравнении с творцом.

Благодаря такому пониманию техники творческого процесса создалось много легенд о том, что к творцам прилетают какие-то высокие существа и нашептывают им идеи,, обогащающие и науку, и искусство, и технику новыми высокими ценностями, опережающими жизнь иногда на целые века. Творцы изящной литературы облекают в образы данные легенды, они говорят, что музы спускаются с высот Парнасса и на своих многострунных инструментах играют им волшебные гимны, и эти волшебные гимны воплощаются потом поэтами в их произведениях. Заблуждение идет далее: поэты, художники, литераторы, а так же и некоторые ученые внесли свои ощущения в литературу, популяризировали их и усложнили легенду тем, что перестали считать себя творцами, а лишь проводниками высоких ценностей, периодически появляющихся в их сознании при самых разнообразных условиях жизни, сопровождаясь восторгом и радостью, о чем говорилось выше. Такое толкование творческого процесса могло получить широкое распространение лишь потому, что научные сведения о функциях подсознания до сих пор довольно скудны, взаимоотношения же сознания и подсознания при наличии данного процесса совершенно не разработано, и данная тема является для текущего столетия программой не только у нас, но и в Западной Европе. В Европе в настоящее время идут обширные работы по изучению функций подсознания, ибо философы и психологи стали широко интересоваться психическим механизмом, облегчающим приемы привычной работы и проявления творческого процесса. Такие знания можно получить только из понимания взаимоотношений сознания и подсознания, так как локализация психических процессов в мозгу еще находится в девственном состоянии, накапливаемые же психологические наблюдения широко обогатят последние тогда, когда они начнут выкристаллизовываться в науке.

Знакомство со взаимоотношением сознания и подсознания может точно объяснить механизм творческого процесса; последний заключается в том, что в подсознании произошел необходимый синтез, выкристаллизовавший во 2-м сознании всю идею

целиком. Если у человека первое самосознание (контролирующее сознание) прочно связано ассоциационными путями со вторым (подсознательным) самосознанием, то синтетическая работа, происходящая в подсознании и распространяющаяся до полного решения идеи, может передаваться в поток бодрственного сознания и в последнем производит те особенности творческого процесса, которые перечислены выше, и это будет первым этапом интуитивного творческого процесса.

Пользуясь нашими таблицами, можно ясно представить механизм, лежащий в основе взаимоотношения сознания и подсознания при наличии творческого процесса. Готовое решение, оформившаяся идея, выявившись в потоке контролирующего сознания, производит психическую сенсацию в последнем, так как оно действительно не работало над разрешением выкристаллизованной проблемы, поэтому последняя и производит психическую сенсацию в сознании. Если к этому прибавить внутренние ощущения восторга и высшей радости, сопровождающих рождение в сознании готового, оформившегося решения, то станет понятно чарующее действие этого переживания на человека, станет понятным и волшебно-фантастическое объяснение таинственного процесса, открывающего человечеству новые пути в области науки, искусства и техники. Отсюда начинается исток нарождающихся мифов о музах, о демонах, о высших существах, посещающих творцов для того, чтобы сообщить им свои тайны. Знакомство же с строением подсознания и его взаимоотношением с сознанием дает нам верное средство для разрушения легенд, повторяющихся во всех учебниках психологии творчества.

Вышеприведенное знакомство указывает нам на синтетическую работу, протекающую в подсознании и заканчивающую синтез во второй личности. Вторая личность, овладев синтетической работой, протекшей во всех психических этапах подсознания, под влиянием каких-то внутренних причин выносит готовое решение в поток контролирующего сознания. Для рождения готового решения в потоке сознания нужны следующие условия: нужно, чтобы у творца был проложен путь между первым и вторым самосознанием, помеченный на нашем рисунке пунктиром; кроме того, нужны какие-то внутренние, нам неизвестные причины, понуждающие второе самосознание влить в поток контролирующего сознания дошедшее до второго самосознания решение.

Возникают новые вопросы: разве не все люди имеют ассоциационный путь, соединяющий вышеприведенные самосознания?

По нашему мнению, не все, и вот почему. Человечество не закончило развития своего организма, особенно данное положение относится к центральной нервной системе, последняя быстро совершенствуется в развитии, прокладывая новые ассоционные пути, объединяющие различные психические центры. Те люди, которые опережают нормальный шаблон развития центральной нервной системы, создают неустойчивые в смысле психического здоровья формы, но они же являются и более талантливыми или гениальными творцами, так как у них более прочно устанавливается связь между обоими самосознаниями. Но у этих же лиц под влиянием каких-то внутренних причин может освобождаться от опеки контролирующего сознания подсознание, и тогда последнее получает возможность проецировать во внешнюю среду свое содержание. Подсознание же работает значительно быстрее сознания, что подтверждают случаи, угрожающие жизни человека. Всякое лицо, пережившее опасность могущей наступить внезапной смерти, знает, что в эти моменты сознание находится под влиянием охватившего его ужаса, подсознание же в доли минуты дает возможность данному лицу пережить в картинах всю прошлую жизнь. Хотя подсознание работает значительно быстрее сознания, но его продукции не могут проскальзывать мимо органов, проецирующих во вне внутреннее психическое содержание, ибо данные органы приспособлены для проекции

содержания сознания, последнее же является не только фильтром для подсознания, но и его тормозом, поэтому между психическими процессами и их проекцией существует полная гармония. В то же время, когда подсознание резко активировано и получило автономию от контроля сознания, человек впадает в состояние психического хаоса, так как органы проекции не могут фиксировать идей, поступающих из недр подсознания, тогда наступает момент, называемый в психиатрии luga idearum, внешне выражающийся тем, что субъект высказывает отдельные слова, не объединенные в последовательные идеи, а потому они и получили название „Salatwort".

Нужны ли какие-то внутренние причины, побуждающие подсознание вливать в поток контролирующего сознания готовые решения и тем организовывать интуитивный, творческий процесс тогда, когда в наличии имеется путь, соединяющий оба самосознания?

Для проявления интуитивного, творческого процесса внутренние причины нужны, так как по опыту нам известно, что интуитивный процесс возникает помимо нашего желания, интервалы же не поддаются ни сокращению, ни удлинению, ибо интуитивный процесс лежит вне сферы нашего влияния и всецело находится во власти внутренних причин, лежащих в тайниках жизнедеятельности нашего организма.

Второй этап творческой работы заключается в том, что контролирующее сознание, овладев готовой идеей, путем аналитическим расчленяет ее на составные части, по которым и создает стройные теории, оплодотворяющие жизнь новыми ценностями.

При нормальной же активности подсознания и пассивности контролирующего сознания органы проекции справляются с присущей им работой, создавая новую личность типа Джемса.

Следовательно, второй стадий творческой работы протекает в контролирующем сознании. Рожденная идея, воспринятая первым самосознанием, в аналитическом акте проходит через все моменты сознания до восприятия качества и действия, связываясь таким образом со всеми функциями сознания, благодаря чему данная идея становится с этого момента собственностью бодрственной личности. Вот почему многие творцы говорят, что не переживаемый восторг и высшая радость венчает творческий процесс, а его прочно утверждают холодные, трезвые выкладки ума, придавая жизненный характер первому акту творческого процесса. Следовательно, полное завершение творческого процесса происходит путем аналитической работы контролирующего сознания; если бы таковой работы не произошло, то интуитивный творческий процесс навсегда утерял бы реальную ценность.

Таким образом, творческий процесс состоит из трех стадий: синтеза, протекающего в подсознании, рождения готового решения в контролирующем сознании и анализа, протекающего в последнем.

По окончании третьего стадия интуитивной творческой работы наступает удовлетворение, т.-е. сознание того долга, который лежит на творце, получившем дары подсознания. Но перечисленными свойствами не исчерпываются особенности, присущие интуитивному творческому процессу.

Лицо, хотя бы раз пережившее интуитивный творческий процесс, всецело подпадает под власть данного переживания, у него появляется жажда повторения, так как данный процесс создает условия, связанные с ощущением высшей радости, поэтому человек

желает, чтобы данный процесс повторялся как можно чаще. Таким образом, творческий процесс обладает способностью инфекции, если можно так выразиться, и человек, раз инфицированный им, приобретает в своем сознании вышеприведенную жажду повторения. Если этого повторения нет, то человеком овладевают мрачные мысли, недовольство становится постоянным его спутником, наконец, нарождается разочарование,— человеку кажется, что он уже не способен ни на что высокое, что он не может творить, что от него отлетел тот восторг, который доступен ему был в период творчества; и под влиянием этого разочарования и безнадежности нарождаются аффекты тоски, аффекты неудовлетворенности и глубокого разочарования, исчезает здоровый аппетит к жизни, сменяющийся апатией: у бывшего счастливца появляется желание „забыться и заснуть", чтобы освободиться от того тягостного переживания, которое присуще ему в тоске по не посещающему его творческому процессу. Если данное лицо не стойко и не овладело навыками, сдерживающими желания, то оно может все ниже и ниже спускаться по лестнице жизненного пути; оно начинает искать средств, при помощи которых могло бы если не вызвать самого творческого процесса, то фальсифицировать его переживаниями иного, более низкого характера.

Человечество не владеет такими средствами, при помощи которых оно по своему желанию могло бы ввергать себя в состояние творческого, интуитивного процесса; последний нарождается сам по себе, под влиянием каких-то никому неизвестных внутренних причин, и на активацию этих причин мы не можем оказать никакого влияния. Обычно в погоне за творческим процессом человек начинает прибегать вначале к невинным средствам: некоторые люди пьют для этого крепкий чай или кофе, некоторые работают на солнце с непокрытой головой, некоторые опускают ноги в таз с холодной водой, и эти приемы как будто дают возможность человеку творить более высокие ценности, чем те, которые присущи ему при обычном образе мышления; но чаще всего эти средства не удовлетворяют человека, и тогда он переходит к более сильным снадобьям. Русские люди чаще всего употребляют для этой цели алкоголь; последний возбуждает человеческую природу, парализует некоторые сдерживающие мозговые центры, благодаря чему человек становится более развязным и более говорливым, и это состояние он принимает за состояние творчества. Но этот обман все ниже и ниже спускает человека по жизненной лестнице, разрушая его творческую личность. Человек, вступивши на путь эксперимента, может быть вполне уверен, что уже высокий, творческий, интуитивный процесс, который хоть раз посетил его, навсегда и безвозвратно исчезнет. Данное лицо уже никогда не испытает высокого восторга, свойственного периоду интуитивного переживания. Если не хватило терпения для того, чтобы выждать момент нового наступления интуиции, то при помощи сильных средств разрушается безвозвратно мост, только что начавший формироваться между двумя самосознаниями.

Европейцы для той же цели чаще всего прибегают к морфию, создающему состояние нирваны, такое состояние, которое дает возможность человеку забыться от повседневной действительности и погрузиться в сказочный мир; это состояние также создает иллюзию счастья, хотя оно с последним не имеет решительно ничего общего. Вызванные искусственными средствами состояния разрушают и механизм творческого процесса и весь организм человека в целом.

На Востоке прибегают к более сильному средству, так называемому гашишу. Гашиш создает более яркий сон, и человек, у которого действительная жизнь не богата приятными впечатлениями, покупает себе иллюзию счастья, прибегая к употреблению этого сильного средства, создающего яркие, красочные сны.

Все искусственные средства, сильно действующие на человеческий организм и выводящие его из обычной повседневной действительности, создающие мир сказки, в то же самое время расшатывают, разрушают организм, и чем ярче сновидения, создаваемые при их помощи, тем сильнее разрушается организм, и человек, раз ставший на этот путь, должен считаться погибшим для творческого процесса.

В жизни мы знаем много лиц, подававших надежды; это значит, что у этих лиц организовывался творческий процесс, но они не сумели удержаться на высоте и не могли дождаться следующего проявления этого процесса, а, не устояв, стали прибегать к искусственным средствам и тем самым разрушили тот юный механизм, который только начал организовываться; и такие лица, из числа подающих надежды, но не удержавшихся на высоте, пополняют ряды „бывших людей".

Творческие процессы нередко совершаются не только в области практических знаний, но и в области создания красивых сказок; но красивые сказки нередко могут быть сказками некоторый период времени, затем они начинают постепенно реализоваться. Красивые сказки о коврах-самолетах и о Наутилусах уже реализованы человечеством. Поэтому творческий процесс, какой бы области он ни касался, всегда заслуживает и глубокого внимания, и бережного к себе отношения; и если в эту область вмешивается насилие, то оно должно нести ответственность перед историей человечества. Между тем всегда существует конфликт между творческой личностью и скептиком. Скептик, обычно, не верит в творческий процесс, мотивируя свое неверие тем, что он не в состоянии объяснить его. Невозможность объяснить какое-нибудь явление не дает права человеку отвергать его и накладывать veto на возможность изучения и объяснения при помощи добытых сведений.

Дальнейшее развитие науки в конце концов даст объяснение темным творческим процессам и свяжет их с определенными областями мозга, но для этого нужна затрата времени и сил.

Литература

1. Enrico Morselli. Manuale di Semijotica delle malattie mentali Milano, 1894.
2. Rogues de Fursac. Les écrits et les dessins dans les maladies nerveuses et mentales. Paris, 1905.
3. Mohr. Uber Zeichnungen von Geisteskranken und ihre diagnostische Verwertbarkeit, Journ. f. Psychol. u. Neurol. № 8, 1906.
4. Zilocchi. Dem. paranoides mit interessanten Idiographien. Ref. Arch. f. Kriminol. № 51, 1912.
5. P. Näcke. Einige Bemerkungen bez. der Zeichnungen und anderer künstlerischer Äusserungen von Geisteskranken. Zeitch. f. d. g. Neur. u. Psych. Bd. 17. H. 4.
6. L. Trepsat. Dessins et écrits d'un dément précoce. L' Encephale [1] 12, 1913.
7. Heilig. Zur Kasuistik der protrahierten Dämmerzustände. Algem. Zeitschr. f. Psych. 70, 1913.
8. П.И. Карпов. Рисунки душевнобольных. Доклад на V Международном Конгрессе по призрен. душ.-больн. 1913—1914.
9. Kürbitz. Die Zeichnungen geisteskranker Personen in ihrer psychoogischen Bedeutung, Zeitschr. f. d. g. N u. P.
10. Marsel Reja. L'art chez les Fous. Paris, 1918.